

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ**

**Ижевск
2025**

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт права, социального управления и безопасности
Кафедра гражданского права

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Сборник статей

Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием, посвящённой памяти основателя
юридического образования в Удмуртской Республике,
доктора юридических наук, профессора В.В. Овсиенко

Ижевск
2025

УДК 34.03(063)
ББК 67.4я431
О-803

Рекомендовано к изданию редакционно издательским советом УдГУ

Научные редакторы: *Н.В. Кузнецова*, зав. кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «УдГУ», канд. юрид. наук, доцент; *Е.А. Ходырева*, д-р юрид. наук., доцент, профессор каф. гражданского права ФГБОУ ВО «УдГУ»; *В.Г. Ившин*, директор ИПСУБ, канд. юрид. наук, доцент, профессор каф. уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «УдГУ».

О-803 Ответственность в российском праве: проблемы теории и практики : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной памяти основателя юрид. образования в Удмуртской Республике, доктора юрид. наук, профессора В.В. Овсиенко / науч. ред.: Н.В. Кузнецова, Е.А. Ходырева, В.Г. Ившин. – Ижевск : Удмуртский университет, 2025. – 197 с.

ISBN 978-5-4312-1258-1

DOI 10.35634/978-5-4312-1258-1-2025-1-197

В издание вошли статьи участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, проведенной 24 января 2025 г. Институтом права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета. Авторами рассматриваются вопросы теории и практики юридической ответственности в различных отраслях российского права.

УДК 34.03(063)
ББК 67.4я431

ISBN 978-5-4312-1258-1

DOI 10.35634/978-5-4312-1258-1-2025-1-197

© ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», 2025
© Авторы статей, 2025

Камалова Гульфия Гафиятовна,

д.ю.н., доцент, заведующая кафедрой информационной безопасности в управлении ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Эволюция технологических возможностей человечества определяется стремлением достичь лучших условий жизни. В этом русле наукоемкие цифровые технологии, трансформируя общество и государство, несут новые ранее невиданные возможности. Одну из значимых ролей в этой сфере играют технологии искусственного интеллекта. Активное внедрение и продвижение этих технологий в разнообразные отрасли экономики и сферы жизни определено в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года¹.

По мере расширения использования технологий искусственного интеллекта актуализируется формирование правового обеспечения взаимосвязанных общественных отношений, включая разработку специальных правовых режимов и развитие совокупности норм юридической ответственности в этой сфере. И хотя происходит интенсивное продвижение этических норм и саморегулирования в связи с искусственным интеллектом, негативные процессы становятся все более очевидными, и риски высоки для общества и государства. Поэтому все большему кругу исследователей становится очевидной необходимость правового регулирования.

¹ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 11.10.2019.

В настоящее время решения и продукты на базе технологий искусственного интеллекта все более широко используются в различных областях, в том числе в промышленности, военном деле, социальном обслуживании, здравоохранении, космонавтике, образовании, на транспорте и в агропромышленном комплексе. Сегодня стали привычными разнообразные голосовые помощники и высокоавтоматизированные устройства. В связи с этим следует признать справедливым предположения, что цифровые технологии все шире и глубже будут интегрированы в жизнь человека, и произойдет формирование гибридной реальности. Это, безусловно, приведет к использованию возможностей, предоставляемых технологией искусственного интеллекта, не только для правомерной деятельности, но и в противоправных целях.

Категория юридической ответственности является одной из фундаментальных для правовой теории и практики, направленной на охрану законности и правопорядка. Вопросы юридической ответственности за правонарушения в информационной сфере развиваются в рамках комплексного межотраслевого института, особенности развития которого обусловлены особенностями общественных отношений в этой сфере. В связи с этим следует согласиться с позицией Д.Д. Савенковой о том, что комплексный подход к вопросам правонарушений в информационной сфере и юридической ответственности является необходимым исходя из природы самих правонарушений². Вместе с тем в части юридической ответственности за правонарушения в связи с разработкой, внедрением и использованием технологий искусственного интеллекта следует отметить этап первоначального формирования, так же как и для права искусственного интеллекта в целом³.

² Савенкова Д.Д. Институт юридической ответственности в системе правового обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 5.

³ Полякова Т.А., Камалова Г.Г. «Право искусственного интеллекта» и его место в системе информационного права // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 10 (202). С. 148–150.

В настоящей работе следует отметить, что исследователи неоднократно обращались в специальной юридической литературе к теме возможных правонарушений в связи с разработкой, производством, внедрением, использованием или коммерциализацией искусственного интеллекта или устройств, функционирующих на основе этой технологии. Кроме того, ученые и специалисты включились в обсуждение «деяний» непосредственно со стороны искусственного интеллекта, включая причинение вреда такими системами, учитывая наличие таких событий, хотя согласно законодательству искусственный интеллект пока не является субъектом правонарушений.

Проводя исследование различных аспектов права в сфере искусственного интеллекта, нельзя не заметить, что в настоящее время не решены в полной мере вопросы о понятийно-категориальном аппарате, принципах правового регулирования искусственного интеллекта и робототехники, общих механизмах правового регулирования в этой сфере. Концепция регулирования в сфере искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года⁴, направленная на формирование основных подходов и предпосылок правового регулирования, к началу 2025 года не была исполнена в полной мере. При этом уже подготовлен проект Концепции до 2030 года⁵, и это позволяет предполагать сложности с реализацией и новой редакции Концепции.

Анализируя предметную область, сегодня к наиболее уязвимым и требующим особой правовой охраны в сфере искусственного интеллекта следует отнести общественные отношения, связанные с нарушением права на неприкосновенность частной жизни, конфиденциальности информации (в том числе персональных данных),

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 35, ст. 5593.

⁵ Текст не был опубликован.

причинением смерти или вреда здоровью человека, мошенническими действиями, безопасностью дорожного движения и эксплуатации транспорта, защитой компьютерной информации. В связи с разнообразием общественных отношений и их динамикой формирование правовых норм, устанавливающих юридическую ответственность в этой сфере, целесообразно вводить по мере развития соответствующих технологий, расширения их доступности и массовости применения, результатов внедрения экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций⁶. Следовательно, процесс внесения изменений в законодательство должен быть поэтапным.

Существующие достижения в области искусственного интеллекта позволяют предполагать первоочередное формирование положений отечественного законодательства о юридической ответственности в связи с использованием высоко автоматизированного транспорта, применением искусственного интеллекта для совершения мошенничества, а также неправомерного сбора конфиденциальной информации и неправомерного распространения недостоверной информации, включая дипфейки.

При этом применение юридической ответственности может быть связано с ошибками, допущенными в ходе разработки моделей, программного обеспечения и обучения искусственного интеллекта, с несанкционированным доступом в базу данных и утечкой информации из системы, а также созданием и применением системы искусственного интеллекта или робота, специально предназначенного для совершения правонарушения. Субъектом юридической ответственности может выступать лицо, в обязанности которого входит соблюдение определенных правил и мер предосторожности в сфере разработки, производства, внедрения и использования искусственного интеллекта, включая разработчика, оператора и пользователя.

⁶ Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Официальный сайт Президента РФ. [Kremlin.ru](https://kremlin.ru).

Однако в настоящее время специальный правовой статус указанных субъектов законодательством России не определен, и их юридическая ответственность лежит в рамках применения общих положений гражданского, административного и уголовного права. Вместе с тем нельзя обойти вниманием, что уже несколько лет в праве активно дискутируются и вопросы правосубъектности искусственного интеллекта⁷. Исследователи связывают возможные правовые решения в этой области с разграничением правовых режимов объектов, функционирующих на базе технологии искусственного интеллекта, по критерию их автономности. Кроме того, безусловно, важно учитывать также область использования таких систем и устройств, а также технологические особенности их применения.

В контексте обсуждения возможности ответственности «сильного» искусственного интеллекта в рамках его потенциального наделения правовым статусом «электронного» лица представляется актуальным некоторый массив теоретических вопросов: наличие (отсутствие) причинно-следственной связи «действий/бездействия» искусственного интеллекта с деяниями разработчиков и иных субъектов, обязанных предвидеть и избегать негативных последствий функционирования такой системы; возможности применения конструкции объективной ответственности в данной сфере; наличие «свободы воли» у искусственного интеллекта.

Гражданско-правовая ответственность является одной из важнейших в праве и может применяться как самостоятельный вид юридической ответственности, так и в совокупности с другими видами

⁷ См. например: *Архинов В.В., Наумов В.Б.* Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // *Труды СПИИРАН.* 2017. № 6 (55). С. 46–62; *Камалова Г.Г.* Некоторые вопросы юридической ответственности в связи с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники : сб. избран. ст. по материалам науч. конф. ГНИИ «Нацразвитие» : материалы конф. ГНИИ «НАЦРАЗВИТИЕ». СПб, 2019. С. 386–393; *Морхат П.М.* Искусственный интеллект: правовой взгляд : научная монография. М. : Буки Веди, 2017. 257 с.

ответственности. В русле обсуждения вопросов юридической ответственности в сфере искусственного интеллекта следует отметить, что формирование специальных норм гражданско-правовой ответственности, играющей здесь ключевую роль, пока находится на начальном этапе. Не случайно в 2017 году была принята Резолюция Европарламента о гражданско-правовом регулировании робототехники⁸.

В качестве основных целей гражданско-правовой ответственности искусственного интеллекта исследователи рассматривают прежде всего стимулирование «разумного поведения, возмещения вреда потерпевшим и направления в нужное русло стремления получить возмещение»⁹.

В совокупности проблем в рассматриваемой предметной области наиболее простым представляется вопрос гражданско-правовой ответственности традиционных субъектов, так как к причиненному искусственным интеллектом ущербу применимы существующие в праве нормы. В отношении юридической ответственности разработчиков компьютерных программ и иных решений на базе искусственного интеллекта следует учитывать то, что ошибки и уязвимости большинства современных продуктов детерминированы современными технологиями создания компьютерных программ и не являются следствием преднамеренных действий их разработчиков. Не случайно существуют понятие и стандарты безопасной разработки компьютерных программ. Кроме того, следует признать справедливой позицию П.М. Морхата о некорректности возложения всей вины и ответственности на разработчиков и проектировщиков искусственного интеллекта в условиях, когда особенности применения

⁸ Резолюция Европарламента «Нормы гражданского права о робототехнике» от 16.02.2017 (перевод) // Робоправо. Переводные материалы. URL: http://robopravo.ru/matierialy_dlja_skachivaniia#ul-id-33-3 (дата обращения: 17.02.2025).

⁹ *Незнамов А.В., Смит Б.У.* Робот не виноват! Взгляд из России и США на проблему ответственности за вред, причиненный роботами // Закон. 2019. № 5.

искусственного интеллекта оператором и пользователем зависят также от выполняемых задач и обстановки его применения¹⁰.

В связи с этим важен также вопрос об ответственности операторов и пользователей решений и устройств, функционирующих на основе технологии искусственного интеллекта. Действующее законодательство предполагает ответственность за результаты использования искусственного интеллекта лица, владеющего и пользующегося таким объектом. Исследователи отмечают, что при этом допустимо использовать юридическую конструкцию «ответственности фактического причинителя вреда»¹¹.

Вместе с тем, учитывая, что продукты и решения на базе технологии искусственного интеллекта имеют сложную структуру и многообразный компонентный состав, нередко непрозрачные алгоритмы функционирования, определение субъекта, подлежащего ответственности, может быть сложно в силу неочевидности причинно-следственных связей между действиями субъекта и возникшими последствиями. В связи с этим соответствующие правовые проблемы могут решаться при закреплении презумпции вины пользователя, оператора и производителя в отношении определенных ситуаций, законодательного определения ряда цифровых продуктов и устройств как источника повышенной опасности, а также при развитии стандартизации, идентификации, аутентификации и сертификации в рассматриваемой сфере. Так, в отношении беспилотных транспортных средств А.И. Коробеев и А.И. Чучаев отмечают, что «во всех ситуациях аварии с участием беспилотного автомобиля будет действовать правило "презумпции виновности", т.е. виновным всегда будет считаться водитель, пока данные черного ящика или другие результаты расследования происшествия не докажут обратного»¹².

¹⁰ Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд : научная монография. М. : Буки Веди, 2017. С. 102.

¹¹ Морхат П.М. Указ. соч. С. 91.

¹² Коробеев А.И., Чучаев А.И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // LEX RUSSICA. 2019. № 2 (147). С. 20.

Техническая сложность контроля за процессами в сфере искусственного интеллекта детерминирует признание повышенной опасности многих объектов, что соответствует положениям гражданского законодательства и судебной практике. Повышенная опасность решений на базе технологий искусственного интеллекта связана с несколькими причинами, в том числе неподконтрольностью во многих случаях автоматических процессов; расширяющимся доверием к цифровым технологиям; потенциалом кибератак; уровнем негативных последствий.

Исследование показывает, что в последние годы активно дискутируются вопросы юридической ответственности за ущерб, связанный с применением определенных видов систем искусственного интеллекта и робототехники, а также возможные решения в этих областях. В связи с этим следует отметить идеи обязательного страхования гражданско-правовой ответственности как одно из перспективных решений по возмещению ущерба, нанесенного искусственной интеллектуальной системой, а также потенциал совместной ответственности изготовителя, оператора, собственника и пользователя системы искусственного интеллекта и робота.

Библиографический список

1. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. – 2017. – № 6 (55). – С. 46–62.
2. Камалова Г.Г. Некоторые вопросы юридической ответственности в связи с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники : сб. избран. ст. по материалам науч. конф. ГНИИ «Нацразвитие» : материалы конф. ГНИИ «НАЦРАЗВИТИЕ». – СПб, 2019. – С. 386–393.
3. Коробеев А.И., Чучаев А.И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // LEX RUSSICA. – 2019. – № 2 (147). – С. 9–28.

4. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд : научная монография. – М.: Буки Веди, 2017. – 257 с.

5. Незнамов А.В., Смит Б.У. Робот не виноват! Взгляд из России и США на проблему ответственность за вред, причиненный роботами // Закон. – 2019. – № 5.

6. Полякова Т.А., Камалова Г.Г. «Право искусственного интеллекта» и его место в системе информационного права // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 10 (202). С. 148–150.

7. Савенкова Д.Д. Институт юридической ответственности в системе правового обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2019.

Ходырева Екатерина Александровна,

*д.ю.н., доцент, профессор кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск*

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОТВЕТСТВЕННОСТИ НАСЛЕДНИКОВ ПО НАЛОГОВЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ

Традиционно под наследованием понимают переход имущества умершего гражданина к его наследникам в порядке, определенном законом, который сопровождается заменой субъектов в большинстве имущественных, прежде всего гражданско-правовых отношений. Вопрос о правопреемстве в иных правоотношениях (административных, уголовно-процессуальных и т.д.) ставится под сомнение, т.к. общепризнано суждение о том, что правила о правопреемстве «не распространяются на обязательства, возникающие не из гражданских, а из иных правоотношений (трудовых, налоговых и др.)» [1].

Налоговые правоотношения как отношения, опосредующие юридически значимую связь субъектов в налоговой сфере, являются имущественными [2, 3, 4, 5, 6], поскольку возникают по поводу денег [7], за исключением правоотношений, возникающих в связи

с осуществлением налогового контроля. Однако имущественный характер правоотношения – не единственный признак, позволяющий признать возможность правопреемства. Не менее важное значение имеет наличие или отсутствие привязки правоотношения к личности. «Личный характер налогового обязательства» подчеркивается Г.А. Гаджиевым [8]. В части одной из основных обязанностей налогоплательщика – обязанности по уплате налога – Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 17.11.2015 № 50 указывает на ее имущественный характер, но тесно связанный с личностью. Привязка к личности препятствует правопреемству в отношении налогов и различных сборов, включая государственную пошлину [9]. Поэтому по ст. 44 Налогового Кодекса РФ [10] смерть налогоплательщика указана в качестве основания прекращения обязанности по уплате налога, а прекращение налоговой обязанности влечет прекращение налоговых правоотношений [11]. Личный характер имущественных правоотношений, возникающих в налоговом праве, подчеркивается и в ст. 59 НК РФ, определяющей смерть налогоплательщика в качестве основания для признания безнадежной ко взысканию недоимки, задолженности по пеням и штрафам, числящимся за умершим.

Таким образом, по общему правилу, налоговые правоотношения правопреемства не допускают и смертью гражданина прекращаются. Из этого общего правила законом установлено исключение в части взыскания с наследников задолженности, возникшей по трем видам налогов: земельный, транспортный и налог на имущество физических лиц, задолженность по которым признается безнадежной лишь при превышении их размера стоимости наследственного имущества. Такой поход вполне понятен, поскольку именно такие объекты – земельные участки, транспортные средства, иное подлежащее налогообложению имущество – переходят к наследникам, и будучи правопреемниками в них, наследники должны нести ответственность по долгам, возникшим вследствие получения имущества, обремененного обязательствами налогового характера. Привлечение наследников к ответственности в рассматриваемых случаях может быть объяснимо со следующих позиций:

- теория правопреемства, согласно которой наследник становится преемником не только в вещных, но и в сопутствующих им налоговых правоотношениях в виде обременений. Как пишет А.Х. Ульбашев, «по смыслу НК РФ налоговые обременения связаны не с личностью налогоплательщика, а с его имуществом (земельные участки, транспортные средства, иное имущество), которое сохраняется и после его смерти, в связи с чем не отпадает и обязанность по уплате налогов» [12]. Развивая данную мысль далее, можно сказать, если не отпадает обязанность, значит не прекращается и само налоговое правоотношение, которое претерпевает изменение субъектного состава в результате правопреемства. Р.В. Карасева настаивает на установлении концепции универсального правопреемства в налоговых правоотношениях в целом, ибо иной подход «приводит к дисбалансу интересов налогоплательщика и государства» [13. С. 20].

- теория отрицания правопреемства, согласно которой налоговые правоотношения, независимо от наличия или отсутствия задолженности по тем или иным видам налогов, смертью лица прекращаются, а сам факт сохранения задолженности по поимущественным налогам умершего «не означает, что наследник налогоплательщика становится его правопреемником в налоговом правоотношении» [14]. В ряде случаев говорят не о правопреемстве в правоотношениях, а о правопреемстве «по обязательствам о погашении этой задолженности» [15]. Эта мысль основана на подходе, выработанном Пленумом Верховного Суда РФ, который безотносительно к отраслевому характеру правоотношения определил следующее общее правило: «если имущественные обязанности, связанные с личностью должника-гражданина, не были исполнены при его жизни, в результате чего образовалась задолженность по таким выплатам, то правопреемство **по обязательствам** о погашении этой задолженности в случаях, предусмотренных законом, возможно» (п. 28 постановления «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» от 17.11.2015 № 50). Но если считать возможным правопреемство в части погашения налоговой задолженности, то это может означать: 1) либо признание факта замены субъектов в соответствующих

правоотношениях, ибо правопреемство и есть переход прав и обязанностей от правопрédéшественника к правопреемнику; 2) либо признание такого вида правопреемства, которое не связано с заменой субъекта в правоотношении.

- теория трансформации, согласно которой «установленная налоговым законодательством возможность погашения наследниками умершего лица его налоговой задолженности не влечет за собой безусловного перехода данной обязанности к наследникам и требует соблюдения порядка, установленного гражданским законодательством» [16], то есть «факт смерти налогоплательщика "трансформирует" его налоговую задолженность в имущественную обязанность, входящую в состав наследства» [17]. Тем самым подчеркивается, что переход обязанности к наследникам не исключен, но не в порядке замены субъекта налогового правоотношения. Такой подход также находит отражение в принимаемых Верховным Судом РФ актах. Например, по одному из дел суд определил, что спор о погашении задолженности по транспортному налогу следует рассматривать в порядке гражданского, а не административного судопроизводства [18]. Восприятие указанной позиции можно встретить и в принимаемых судами решениях. Например, при разрешении спора о взыскании задолженности по земельному налогу и в связи с необходимостью решения вопроса об исчислении исковой давности суд при направлении дела на новое рассмотрение определил принять к учету позицию Пленума Верховного Суда РФ о возможности «правопреемства по обязательствам, связанным с личностью должника-гражданина и не исполненным до его смерти» [19].

Поскольку речь идет все-таки о неисполненных обязанностях наследодателя, то ответственность наследников по ним ограничена стоимостью перешедшего к ним имущества. В размере, превышающем стоимость наследственного имущества неуплаченная сумма налога (недоимка), как и задолженность по пеням и штрафам в отношении указанных налогов считается безнадежной ко взысканию (ст. 59 НК РФ).

Какой подход признать верным? Если отрицать возможность правопреемства в целом, то тогда не должно быть оснований для привлечения наследников к ответственности по долгам умершего гражданина. Если же признавать теорию правопреемства, возникает необходимость говорить об изменении налогового правоотношения в связи со сменой субъекта и о принадлежности наследникам не только обязанностей, но и прав, которыми обладал наследодатель при жизни. Идея правопреемства не поддерживается в ст. 44 НК РФ, в которой прямо указано на смерть как на основание прекращения обязанности по уплате налога, а значит, на невозможность ее перехода к другим лицам. Более того, налоговые правоотношения хотя и носят имущественный характер, но, как раньше указывалось, они связаны с личностью, а значит, должны быть прекращены смертью субъекта таких правоотношений. Правопреемство в них невозможно.

Таким образом, остается признать факт перехода к наследникам имущественных обязанностей без замены субъекта в правоотношении, в порядке правонаделения без преемства. В этом случае наследники исполняют обязанности по погашению налоговой задолженности в рамках возникшего внедоговорного гражданско-правового обязательственного правоотношения, порядок исполнения которого регламентируется ст. 1175 ГК РФ [20].

Библиографический список

1. Настольная книга судебного пристава-исполнителя : учебно-практическое пособие / И.А. Аксенов, Н.Н. Бакурова, А.Н. Береснев [и др.] ; под ред. В.А. Гуреева, С.В. Сазанова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2017. – 1056 с. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.05.2020).

2. Волкова Н.Н. Рецепция гражданско-правовых норм в налоговом законодательстве // Финансовое право. – 2008. – № 10. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.12. 2019).

3. Евтушенко В.Ф. Понятие и признаки налогового правоотношения в аспекте современного налогового права // Финансовое право. – 2005. – № 9. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.02.2020).

4. Полищук И.С. Правовая категория «налоговое обязательство»: возможность и необходимость использования в российском праве // Налоги (газета). – 2008. – № 24. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.03.2020).

5. Сидорова М.Г. К вопросу о санкциях и юридической ответственности в финансовом праве // Журнал российского права. – 2009. – № 1. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.03.2020).

6. Финансовое право России / отв. ред. М.В. Карасева. – М., 2011. – С. 256. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2020).

7. Мосидзе Г.А. Классификация интересов участников налоговых правоотношений // Финансовое право. – 2017. – № 12. – С. 37–41. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.05.2020).

8. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиева по Определению Конституционного Суда РФ от 02.11.2006 № 444-О «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Астаховой Ирины Александровны положением подпункта 1 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестн. Конституционного Суда РФ. – 2007. – № 3.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Росс. газ. – 30.11.2015. – № 270.

10. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024) // СЗ РФ. – 1998. – № 31, ст. 3824.

11. Налоговое право : учебник для бакалавров / А.С. Бурова, Е.Г. Васильева, Е.С. Губенко [и др.] ; под ред. И.А. Цинделиани. – 2-е изд. – М. : Проспект, 2016. – 528 с. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.05.2020).

12. Ульбашев А.Х. Между Сциллой и Харибдой: к проблеме разграничения гражданско-правового и налогового регулирования. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 18.03.2016 № 305-КГ15-14263 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2016. – № 6. – С. 23–27. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.03.2020).

13. Карасева Р.В. Правовое регулирование перехода прав и обязанностей налогоплательщика к другим лицам : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. – Москва, 2008. – 23 с.

14. Эрделевский А.М. Комментарий к части первой Налогового кодекса Российской Федерации (постатейный) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.03.2020).

15. Агешкина Н.А., Баринов Н.А., Бевзюк Е.А., Беляев М.А., Бельянская А.Б., Бирюкова Т.А., Вахрушева Ю.Н., Гришина Я.С., Закиров Р.Ю., Кожевников О.А., Копьев А.В., Кухаренко Т.А., Морозов А.П., Морозов С.Ю., Серебренников М.М., Шадрин Е.Г. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (постатейный) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2019).

16. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017) // Бюлл. Верховного Суда РФ. – 2018. – № 12.

17. Цинделиани И.А., Чуряев А.В. Налоговые споры. Особенности рассмотрения в судах общей юрисдикции : научно-практическое пособие. – М. : Проспект, 2017. – 528 с. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.03.2020).

18. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 75-КГ16-15 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.02.2020).

19. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 16.10.2017 № Ф03-3442/2017 по делу № А51-20117/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.02.2020).

20. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. – 2001. – № 49, ст. 4552.

Бигуненко Анастасия Ивановна,

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского права
и гражданского процесса ГОУ «Приднестровский
государственный университет им. Т.Г. Шевченко»*

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СУДА И СТОРОН ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ДЕЛУ

Сотрудничество представляет собой процесс взаимодействия участников, которые связаны между собой соглашением о совместной работе, обусловленной задачами их деятельности, а также конечными целями и итоговым результатом. В гражданском праве сотрудничество чаще всего определяется конкретным договором.

Диспозитивные начала методологии гражданского права позволяют придать этой деятельности определенные характеристики, такие как равенство, открытость, волеизъявление. Материальные отношения, которые становятся предметом рассмотрения в суде, не проектируют определенные формы взаимодействия суда с материально заинтересованными участниками гражданского процесса

(сторонами, третьими лицами, заявляющими самостоятельные требования на предмет спора). Они лишь отражают конфликтность правовой ситуации, являются импульсом для противоборствующих позиций в гражданском процессе. Поэтому процессуальное сотрудничество изучается наукой гражданского процессуального права, ее инструментарием и методологией.

Метод гражданского процессуального права определен императивными и диспозитивными средствами. Гражданские процессуальные отношения обладают властным субъектом. Суду подчиняются все участники гражданского процесса при нахождении их в процессе рассмотрения гражданского дела и взаимодействии с судом для правильного и эффективного разрешения гражданского дела. Возникновение сотрудничества в суде определяется частными диспозитивными дефинициями, развитие которых позволяет исследовать место и роль процессуального сотрудничества, а также его влияние на гражданское судопроизводство, формирование процессуальных институтов и норм, позволяющих законодательно закрепить взаимодействие суда со сторонами гражданского процесса на основе волеизъявления, открытости и добросовестности. Однако для того, чтобы данное взаимодействие нашло свое отражение в нормах права, нужно понимать природу процессуального сотрудничества, а также средства и инструменты его реализации.

Можно согласиться в этом вопросе с В.В. Аргуновым, который писал, что правила гражданского судопроизводства по степени взаимодействия и заинтересованности можно классифицировать на две группы: это взаимодействие, основанное на сотрудничестве, и взаимодействие, основанное на конкуренции (борьбе)¹³. Общая направленность взаимодействия суда и сторон определяется задачами гражданского судопроизводства. Задачами гражданского судопроизводства являются нормативно определенные промежуточные цели

¹³ *Аргунов В.В.* Гражданский процесс – «идеальное коммуникативное сообщество»? Идея дискурсивной этики применительно к судопроизводству // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2023. № 10. С. 26–38.

процессуальной деятельности суда и лиц, участвующих в деле, при которых становится возможным достижение конечной цели гражданского судопроизводства (защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов субъектов гражданских правоотношений)¹⁴.

В науке гражданского процессуального права существуют различные мнения, трактующие сущность процессуального сотрудничества суда и сторон в гражданском процессе. Процессуальное сотрудничество некоторыми учеными рассматривается как юридическая заинтересованность (юридический интерес) лица, участвующего в деле, который порождает для него определенный процессуальный интерес, то есть тот положительный результат рассмотрения и разрешения дела, наступления которого ожидает и добивается участник судопроизводства¹⁵. Другие авторы изучают природу процессуального сотрудничества как форму взаимодействия суда и сторон¹⁶, как принцип¹⁷, как обязанность суда и сторон при разрешении гражданского дела по существу¹⁸.

¹⁴ Печегина П.Д. Задачи гражданского судопроизводства. М., 2024. С. 25.

¹⁵ Шегида Е.А. Юридический интерес как основание возникновения процессуального соучастия // Юридический мир. 2008. № 3. С. 41–49; Михайлова Е.В. Юридическая заинтересованность в делах с участием государства // Государство и право. 2023. № 12 С. 80–86; Вукот М.А. Стороны – основные лица искового производства. Саратов, 1968.

¹⁶ Фокина М.А. Механизм доказывания по гражданским делам: теоретико-прикладные проблемы. М., 2011. С. 197–254.

¹⁷ Аболонин В.О. Принципы добросовестности и сотрудничества в «новом» гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 8. С. 2–8. Шеменева О.Н. Развитие идеи о сотрудничестве сторон в ходе реформы гражданского процессуального законодательства 2018–2019 гг. // Реформа гражданского процесса 2018–2020 гг.: содержание и последствия : коллективная монография / под ред. М.А. Фокиной. С. 311–312.

¹⁸ Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе. М., 2017; Чистякова О.П. Проблема активности суда в гражданском процессе Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 32; Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / О.В. Абознова, Н.Г. Беляева, Т.Л. Вербенко [и др.] ; под ред. И.В. Решетниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2022. С. 250.

В связи с тем, что активная деятельность суда определяется целями и задачами гражданского процесса, процессуальное сотрудничество обусловлено реализацией процессуальных прав сторонами при наличии у них интереса в исходе дела. Пассивный участник гражданского процесса не является субъектом процессуального сотрудничества с судом. Материальные правоотношения, попадая в сферу судебного разбирательства, сообщают свою конфликтность процессуальным правоотношениям, что создает предпосылки для процессуального поведения участников гражданского судопроизводства, отклоняющегося от поведения, выраженного в процессуальной норме и препятствующего рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта¹⁹. Данное поведение не относится к процессуальному сотрудничеству, так как не является реализацией процессуальных прав, обусловленной самим юридическим интересом.

Поэтому процессуальное сотрудничество предполагает наличие добросовестного, активного поведения сторон, которые реализуют свои процессуальные права. Для установления обстоятельств гражданского дела «пассивное процессуальное поведение стороны не должно иметь доказательственного значения и освобождать другую сторону от обязанностей по доказыванию своих требований/возражений, а суд от необходимости оценки представленных доказательств»²⁰.

По мнению Д.А. Логиновой, исследование вопросов процессуального сотрудничества может положительно сказаться на практике применения и ранее действующих норм процессуального права, требующих активного взаимодействия сторон или связанных с широкой дискрецией суда, а также позволяет снизить число случаев недобросовестного поведения участников судебного разбирательства, что прямо влияет на качество отправляемого правосудия

¹⁹ Жуков А.А. Правовые средства воздействия суда на процессуальное поведение сторон в гражданском судопроизводстве : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 3.

²⁰ Там же. С. 11.

и исключает возможность формального рассмотрения спора²¹. Условиями сотрудничества, на взгляд автора, являются: наличие подробных положений законодательства о правах и обязанностях сторон, полномочиях суда, требующих совершения конкретных действий, устанавливающих их порядок в рамках отдельных институтов; требование добросовестности при реализации сторонами своих прав и обязанностей при взаимодействии друг с другом и судом; установление профессионального представительства²². Эти условия отражают форму процессуального сотрудничества через процесс взаимодействия суда и сторон, которые организуют совместную деятельность в целях правильного и эффективного рассмотрения и разрешения гражданского дела.

Для целей настоящей статьи необходимо остановиться на процессуальном сотрудничестве суда и сторон при установлении фактических обстоятельств гражданского дела. Статья 56 ГПК РФ закрепляет предпосылки формирования процессуального сотрудничества как механизма реализации процессуальных прав по доказыванию своей позиции сторонами в целях установления обстоятельств гражданского дела. Предпосылками в этом случае являются: обязанность стороны доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом; обязанность суда определить какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались; обязанность стороны раскрыть доказательства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, в пределах срока, установленного судом; процессуальный интерес стороны взаимодействовать с судом для разрешения

²¹ *Логинова Д.А.* Сотрудничество суда и сторон в гражданском судопроизводстве : дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2025. С. 4.

²² Там же. С. 9.

гражданского дела и восстановления нарушенных прав; цели гражданского судопроизводства, направленные на правильное и эффективное рассмотрение и разрешение гражданского дела, и вынесение законного и обоснованного решения судом. Таким образом, процессуальное сотрудничество не является обязанностью суда, оно обусловлено нормами процессуального законодательства лишь о доказательственной деятельности сторон в гражданском деле и деятельности суда о регулировании, координации и направлении сторон в процессе доказывания. В этом взаимодействии каждый субъект обладает своими правами и обязанностями. Процессуальное сотрудничество предполагает получение информации сторонами о процессуальных правах и обязанностях, регламенте судебного заседания, выводах суда о роли и функциях сторон в процессе доказывания, распределении бремени доказывания, предмете доказывания. Суд, в свою очередь, получает информацию о сущности дела, материальных правоотношениях, фактических обстоятельствах, которые подтверждаются доказательствами, представляемыми сторонами.

Д.А. Логинова указывает, что характеристика взаимодействия суда и сторон в гражданском судопроизводстве претерпевает качественные изменения и становится связанной с сотрудничеством, что проявляется в ограничении действия принципа состязательности, закреплении положений, направленных на активность суда и сторон, а также возможности урегулирования спора в примирительных процедурах при содействии суда²³. Реализация процессуальных прав сторон в целях установления обстоятельств гражданского дела определяется принципом диспозитивности и состязательности. Нормативное закрепление принципа процессуального сотрудничества ограничивается действием данных принципов, поэтому нет необходимости дополнять систему принципов «новым». Однако реализация принципа состязательности в правовом регулировании ограничивается закреплением лишь обязанности сторон по доказыванию и раскрытию доказательств, остальные нормы не содержат

²³ Логинова Д.А. Указ. соч. С. 3, 80.

динамический характер, что не позволяет нормативно урегулировать специфику процессуального сотрудничества в процессе установления фактических обстоятельств гражданского дела.

Реализация процессуальных прав в форме диспозитивных начал, основанных на волеизъявлении, формирует начальную точку процессуального сотрудничества. Суд совершает действия в рамках императивных начал гражданского судопроизводства и гражданской процессуальной формы. Не вызывает сомнений реализация принципа состязательности в самой доказательственной деятельности сторон. Но реализация принципа состязательности не должна противопоставляться процессуальному сотрудничеству. Последнее должно стать продолжением развития деятельности сторон, направленной на полноправное и активное участие во взаимодействии с судом в отношении важных процессуальных положений: выбор судебного извещения, замена ненадлежащего ответчика, выбор упрощенной формы судебного заседания, выбор примирительных процедур, окончание рассмотрения гражданского дела без вынесения судебного решения, представление доказательств для обоснования фактов по гражданскому делу. В этом случае, по мнению Т.В. Сахновой, стороны являются полноправными участниками, способными решать процессуальные вопросы при урегулировании спора в суде²⁴. Однако природа процессуального сотрудничества, в целях установления фактических обстоятельств дела, определена не только реализацией принципа состязательности. Состязательность представляет собой форму гражданского процесса, основанного на противоборстве двух сторон, где каждая сторона действует в своем интересе. Поэтому процессуальное сотрудничество не может быть равным по отношению к двум сторонам. Суд может оказать влияние на участника с помощью правовых инструментов процессуального сотрудничества, он должен стать регулятором связей внутри процессуального сотрудничества, средствами, предоставленными ему законом для исследования и оценки доказательств.

²⁴ Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. М., 2014. С. 48.

На наш взгляд, более существенное значение для науки и правоприменения имеет сущность процессуального сотрудничества как механизма установления фактических обстоятельств гражданского дела. Данный механизм выражается в форме диспозитивного волеизъявления и приводится в действие активными и добросовестными сторонами в процессе доказывания своей правоты. Эта идея может лечь в основу обеспечения правового регулирования реализации процессуального сотрудничества с помощью определенных условий, субъектов и правовых средств механизма установления фактических обстоятельств с помощью доказательств, представляемых полноправными участниками гражданского судопроизводства.

Библиографический список

1. Аболонин В.О. Принципы добросовестности и сотрудничества в «новом» гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 8. – С. 2–8.
2. Аргунов В.В. Гражданский процесс – «идеальное коммуникативное сообщество»? Идея дискурсивной этики применительно к судопроизводству // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2023. – № 10. – С. 26–38.
3. Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе. – М., 2017. – 832 с.
4. Жуков А.А. Правовые средства воздействия суда на процессуальное поведение сторон в гражданском судопроизводстве : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2022. – 26 с.
5. Логинова Д.А. Сотрудничество суда и сторон в гражданском судопроизводстве : дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2025. – 191 с.
6. Печегина П.Д. Задачи гражданского судопроизводства. – М., 2024. – 192 с.
7. Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / О.В. Абознова, Н.Г. Беляева, Т.Л. Вербенко [и др.] ; под ред. И.В. Решетниковой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2022. – 480 с.
8. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. – М., 2014. – 784 с.
9. Фокина М.А. Механизм доказывания по гражданским делам: теоретико-прикладные проблемы. – М., 2011. – С. 197–254.

10. Чистякова О.П. Проблема активности суда в гражданском процессе Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1998. – 215 с.

11. Шегидя Е.А. Юридический интерес как основание возникновения процессуального соучастия // Юридический мир. – 2008. – № 3. – С. 41–49.

12. Шеменева О.Н. Развитие идеи о сотрудничестве сторон в ходе реформы гражданского процессуального законодательства 2018–2019 гг. // Реформа гражданского процесса 2018–2020 гг.: содержание и последствия : коллективная монография / под ред. М.А. Фокиной. – С. 311–312.

Корнеева Мария Алексеевна,

юрисконсульт юридического управления ПАО «Т Плюс»,

Пономарев Илья Игоревич,

*старший юрисконсульт юридического управления ПАО «Т Плюс»,
г. Ижевск*

АСТРЕНТ КАК МЕРА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Эффективное исполнение судебных решений – одна из ключевых задач правовой системы, напрямую влияющая на защиту прав кредиторов и поддержание стабильности гражданского оборота. Одним из инструментов, призванных стимулировать должников к добровольному исполнению судебных решений, является астрент – судебная неустойка, введенная в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) 1 июня 2015 года [1].

Астрент, закрепленный в статье 308.3 ГК РФ предоставляет кредитору право требовать присуждения денежной суммы за каждый день просрочки исполнения судебного решения, что, по замыслу законодателя, должно повысить эффективность защиты прав взыскателей [2].

Таким образом, судебную неустойку можно определить как меру стимулирующего характера, направленную на обеспечение реального исполнения судебных решений, и взыскиваемую в пользу кредитора в случае неисполнения должником обязанности в натуре.

На первый взгляд, астрент напоминает неустойку, поскольку оба механизма призваны стимулировать должника исполнить обязательство. Однако, в отличие от неустойки, астрент не может быть заранее прописан в договоре или установлен законом. Окончательный размер денежной суммы определяет только суд, принимая во внимание все обстоятельства дела, а также принципы справедливости, разумности и соразмерности.

Механизм применения астрента в российском праве характеризуется рядом особенностей, определяющих его место в системе мер гражданско-правовой ответственности. Возможно выделить следующие ключевые аспекты судебной неустойки.

Астрент, устанавливаемый судом по заявлению истца, может быть выражен в фиксированной сумме или в виде процента [3]. Начисление начинается либо с момента вступления решения суда в силу, либо по истечении срока, установленного судом для добровольного исполнения. Размер судебной неустойки должен стимулировать должника к исполнению судебного решения, делая его экономически выгоднее, чем уклонение [4].

Сфера применения астрента ограничена: он присуждается по искам об исполнении обязательства в натуре и неимущественным требованиям, но не применяется к денежным взысканиям, публичным, трудовым и семейным спорам (в части неимущественных прав).

Уплата астрента не освобождает должника от исполнения основного обязательства и ответственности за его нарушение. Судебная неустойка не является компенсацией убытков, и на неё не начисляются проценты по ст. 395 ГК РФ.

Указанные особенности применения механизма астрента характеризуют его стимулирующую функцию.

К примеру, в деле № А71-2912/2023 истец обратился в суд с исковыми требованиями об установке на земельных участках

многоквартирных домов знаков о наличии охранных зон тепловых сетей. В качестве санкции за неисполнение судебного решения истец выбрал астрент в размере 500 рублей за каждый день неисполнения судебного решения с последующим увеличением судебной неустойки в два раза со второго месяца. Всего было 15 спорных объектов. В случае неисполнения судебного решения в установленный срок истцу грозил астрент в размере 7 500 рублей за один день и 225 000 рублей за целый месяц, в связи с чем ответчик предпочел добровольно исполнить исковые требования [5].

Подобные случаи демонстрируют, что назначение астрента может ускорить процесс исполнительного производства и разгрузить работу судебных приставов, так как стимулирует должников в добровольном порядке исполнять решения судов, не прибегая к принудительному исполнительному производству.

Несмотря на положительную функцию астрента, у него существует ряд недостатков. Например, проблема правового регулирования астрента заключается в том, что возможность его применения закреплена в нормах гражданского законодательства (ст. 308.3 ГК РФ), а процедура, механизм и особенности применения регламентированы в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 [6].

Одной из ключевых проблем применения астрента является определение его размера. Задача суда – установить такую сумму, которая бы стимулировала должника к своевременному исполнению решения, делая это экономически более выгодным, чем уклонение. При этом необходимо учитывать финансовое положение должника, соразмерность астрента последствиям неисполнения и стоимость исполнения обязательства. Завышенный астрент может оказаться непосильным для должника, что фактически парализует исполнение решения, а заниженный – превратится в своеобразную «плату за просрочку», не оказывая должного стимулирующего эффекта.

В делах № А71-6986/2022, А71-7018/2022, А71-5755/2023 суд установил астрент в размере 1 000 рублей в день за неисполнение решения об установке табличек об охранных зонах тепловых сетей

(всего 8 табличек). На начало 2025 года решения не исполнены, а сумма астрента по каждому делу превысила 300 000 рублей, что многократно превышает стоимость самих табличек (около 1200 рублей). В данном случае астрент явно непропорционален последствиям нарушения, создавая неоправданную финансовую нагрузку на должника и ставя под сомнение целесообразность его дальнейшего начисления. Это пример того, как завышенный астрент может не стимулировать, а, напротив, дестимулировать исполнение судебных решений [7] [8] [9].

В другом деле (№ А55-26997/2022) по иску об устранении нарушения охранной зоны путем демонтажа нестационарного объекта – аптеки суд пришел к выводу, что разумным размером судебной неустойки будет 100 рублей в день вместо 1 000 рублей. Это создает ситуацию, когда должнику выгоднее выплачивать астрент в течение длительного времени, чем однократно понести расходы на демонтаж [10].

Приведенные примеры наглядно демонстрируют отсутствие четкой методики расчета астрента и необходимость более взвешенного подхода к определению его размера, учитывающего баланс интересов кредитора и должника, а также соразмерность астрента последствиям неисполнения. Отсутствие методики расчета астрента приводит к злоупотреблениям как со стороны кредитора, так и должника.

Взыскание астрента возможно только в том случае, если истек срок для добровольного исполнения судебного акта. При этом факт неисполнения или ненадлежащего исполнения решения суда устанавливается судебным приставом-исполнителем, о чем выносится постановление. Уже после этого пристав-исполнитель наделяется правом в принудительном порядке списать со счетов должника сумму астрента и перечислить ее кредитору [11].

Несмотря на выявленные недостатки, потенциал присуждения астрента остается высоким. Он способен стать действенным инструментом при исполнении судебных решений, но эффективность назначения астрента зависит от устранения выявленных проблем.

Для повышения эффективности астрента необходимо разработать методические рекомендации по расчету астрента. В них должны быть определены факторы, подлежащие обязательному учету при определении размера астрента: стоимость устранения нарушения, потенциальный ущерб, финансовое положение должника, степень умышленности неисполнения решения суда, общественная значимость исполнения. Кроме того, необходимо разработать механизм автоматической передачи информации о размере астрента, порядке его начисления и реквизитах для перечисления в ФССП после вступления решения в законную силу. Это позволит сократить сроки исполнительного производства и избежать бюрократических задержек.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 09.03.2015. – № 10, ст. 1412.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СЗ РФ. – 05.12.1994. – № 32, ст. 3301.
3. Соколова Д.О. Астрент как гражданско-правовая категория // Власть Закона. – 2021. – № 4 (48). – С. 169–177. – EDN HBCOXM.
4. Канаева А.В. Астрент: история развития и этапы становления в российском праве // Инновационная экономика и право. – 2019. – № 2 (14). – С. 71–80. – EDN ZZXYWE.
5. Решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 13.03.2024 по делу № А71-2912/2023. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/c7826cf1-d0f3-4b94-965e-aaa17d30348c> (дата обращения: 23.01.2025).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. – 04.04.2016. – № 70.
7. Решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 26.06.2023 по делу № А71-6986/2022. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/f15a677d-af8d-49ad-b97c-52e53e2f4591> (дата обращения: 23.01.2025).

8. Решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 26.06.2023 по делу № А71-7018/2022. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/1beaf3ac-f6f5-453b-b8e3-70bf68163b61> (дата обращения: 23.01.2025).

9. Решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 26.01.2024 по делу № А71-5755/2023. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/01345662-05a6-47a2-8efe-5198c1c20bc1> (дата обращения: 23.01.2025).

10. Решение Арбитражного суда Самарской области от 09.01.2024 по делу № А55-26997/2022. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/906f9bf0-932d-4176-9cfb-d931bf882062> (дата обращения: 23.01.2025).

11. Шергунова Е.А. Проблемы применения астрента в России // Мировой судья. – 2021. – № 12. – С. 31–37. – DOI 10.18572/2072-4152-2021-12-31-37. – EDN EDTQJT.

Осипова Анастасия Юрьевна,

учредитель ООО «Юридическое бюро Осиповой А.Ю.»,

г. Ижевск

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Институт привлечения к субсидиарной ответственности в настоящее время один из самых динамично развивающихся в банкротном законодательстве.

Согласно статистическим сведениям Судебного департамента РФ всего в 2023 году арбитражными судами РФ рассмотрено 7 051 дел о привлечении к субсидиарной ответственности, из которых 3 846 дел завершено удовлетворением требований. Согласно сведениям за 1 полугодие 2024 года судами было рассмотрено 3 129 дел, из них удовлетворено 1 698 заявлений [7].

Существенное изменение, даже перелом в рассмотрении дел о привлечении к субсидиарной ответственности произошел в 2023 году, когда Верховный суд РФ выпустил обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 год [4].

Порядок привлечения к ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве регламентированы главой 3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее Закон о банкротстве) [2].

Согласно ст. 61.10 Закона о банкротстве под контролирующим должника лицом понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий.

Таким образом, контролирующими должника лицами признают тех, кто: влиял или имел возможность влиять на действия должника; перевёл на себя его существенные активы; устроил работу группы компаний так, что общий доход шёл на счета прибыльных организаций, а долговая нагрузка ложилась на фирму-должника.

Все эти обстоятельства суды принимают во внимание, если они произошли в течение трех лет до возникновения признаков банкротства.

Контролирующими лицами могут быть руководители компании-должника (директор, учредитель), либо те, кто обогатился за её счёт. Суд может признать таковым любое лицо, формально юридически не связанное с должником, но которое участвовало в управлении должником и получало выгоду от деятельности компании-банкрота.

Истцом по заявлению о привлечении к субсидиарной ответственности выступает конкурсный управляющий или конкурсный кредитор. При этом на истце лежит бремя доказывания наличия убытков и их размера, первичное бремя доказывания противоправности действий, бездействия ответчика, наличия в действиях руководителя, участника, контролирующего лица умысла либо грубой неосторожности, непосредственно повлекшей невозможность исполнения

обязательства перед контрагентом, наличие причинно-следственной связи между действиями или бездействием ответчика и невозможностью исполнения обязательств перед истцом.

Лицо, которое истец считает контролирующим – это ответчик. Он должен доказать правомерность своих действий, на нем лежит бремя доказывания принятия всех мер для исполнения обязательств перед истцом, опровержения доводов истца о наличии причинно-следственной связи между поведением ответчика и возникшей невозможностью исполнения обязательств перед истцом.

Судебная практика свидетельствует, что проблематичным является вопрос об установлении даты объективного банкротства должника. Особенно если процедура банкротства в отношении должника прекращена по тем или иным основаниям. В таких случаях зачастую отсутствует необходимая доказательная база для установления даты объективного банкротства, что усложняет определение периода, с учетом которого возможно определение круга лиц, обязательства перед которыми не исполнены вследствие виновных действий контролирующего лица, и в первую очередь именно лица, на которого возложены обязанности единоличного исполнительного органа, и учредителей должника.

В Законе о банкротстве отсутствует понятие объективного банкротства или даты объективного банкротства. Следовательно, отсутствует нормативное регулирование и критерии, на которые может ориентироваться суд и стороны при определении этого значимого события в хозяйственной жизни должника. Тем не менее термин «объективное банкротство» впервые появился в судебной практике в 2017 году, и был конкретизирован в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [3], в общем-то повторяя положения Закона о банкротстве, но ясности в этом вопросе нет до сих пор. Так, например, можно ли считать датой объективного банкротства дату возникновения обязательства перед кредитором, если имеется незначительное превышение активов над обязательствами

согласно соответствующей бухгалтерской отчетности, в условиях предстоящего поступления значительной суммы дебиторской задолженности и впоследствии полностью выплаченной заработной платы, при наличии кредиторской задолженности. Представляется, что нет, так как директор в таком случае прогнозирует получение средств с последующей выплатой заработной платы. И такое поведение руководителя вполне оправдано. Очередность погашения требований кредиторов, если бы директор объявил о банкротстве, в любом случае не нарушена. Так как согласно ст. 134 Закона о банкротстве задолженность по заработной плате относится ко второй очереди погашения реестровой задолженности, а расчеты с другими кредиторами, в том числе кредиторами по нетто-обязательствам, производятся в третью очередь. В таком случае в удовлетворении заявления о привлечении к субсидиарной ответственности должно быть отказано, так как такое поведение руководителя вписывается в обычную финансово-хозяйственную деятельность.

В целях исключения разных подходов к определению даты наступления объективного банкротства считаем необходимым определить его понятие, закрепив его в Законе о банкротстве, а также утвердить критерии определения наступления объективного банкротства.

Поскольку споры о привлечении к субсидиарной ответственности, как правило, объемные, особенно в случае привлечения нескольких лиц и при выявлении иных лиц, влияющих на деятельность должника, чьи действия привели к банкротству, объем обстоятельств, подлежащих выявлению и доказыванию, очень большой. Заявители вынуждены анализировать движение денежных средств не только по многочисленным счетам должника, но и производить анализ последующего движения этих денежных потоков. При этом само по себе фиксирование предполагаемого вывода денежных средств с банковских счетов должника далеко не всегда является достаточным.

В таком случае и заявитель, и суд сталкиваются с проблемой доказывания умышленных действий ответчиков. Бремя доказывания возлагается на истца. Но в то же время истец ограничен в возможностях представления таких доказательств, поскольку ответчик или ответчики явно не способствуют раскрытию своих реальных действий.

Таковыми доказательствами являются, например: наличие приговора суда по ст. 177 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности»; ст. 198 УК РФ «Уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица – плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов»; ст. 199 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией – плательщиком страховых взносов», и сопряженные составы по ст. 199.1–199.3 УК РФ [1] в отношении лиц, причастных к управлению должником. Решения по выездным и камеральным налоговым проверкам не только должника, но и субъектов предпринимательской деятельности, через которые предположительно произошел вывод активов должника, также относятся к таким доказательствам. Указанные виды доказательств добыть самостоятельно заявителям сложно, а, например, приговор суда вообще невозможно. В одном из дел о привлечении к субсидиарной ответственности, рассмотренных Арбитражным судом Удмуртской Республики [6], выявление вступившего в силу приговора суда в отношении директора должника по ст. 315 и 177 УК РФ стало ключевым обстоятельством и дало возможность мажоритарному кредитору выстроить доказательную базу, увеличить круг привлекаемых лиц, получив сведения именно из приговора суда. Что в конечном итоге и позволило привлечь выявленных контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. Необходимо отметить, что зачастую граждане не понимают значение факта привлечения к уголовной ответственности, в связи с чем не сообщают суду об этом.

Полагаем, решение этой проблемы – возможное расширение дискреции суда, предусмотрев обязанность суда самостоятельно устанавливать путем соответствующих судебных запросов сведения о наличии приговоров в отношении ответчиков, а также сведения о проведенных налоговых проверках и их результатах. Расширение возможностей суда в данном случае будет оправдано, так как это создаст условия для всестороннего и объективного рассмотрения дела, а также ускорит сроки его рассмотрения.

Сформировалась и положительная тенденция при рассмотрении данной категории споров. Суды более тщательно стали подходить к установлению размера субсидиарной ответственности, выясняя, какая именно сумма могла быть выплачена конкурсным кредиторам при соблюдении контролирующими должника лицами требований закона. Существенную роль в формировании такого подхода сыграло определение Верховного суда РФ от 19.04.2022 № 305-ЭС21-27211 [5]. Верховный суд РФ высказал правовую позицию, согласно которой суммы обязательств, включаемых в объём субсидиарной ответственности, во внимание принимается не дата просроченного периодического платежа, а дата возникновения самого обязательства. Кроме того, оправданным является obligation истца указать на конкретные банковские операции и иные хозяйственные операции, совершенные по решению контролирующего лица, которые привели, по мнению истца, к невыполнению обязательств перед конкретным кредитором. Такой подход способствует соблюдению баланса интересов и исключению возложения излишней ответственности на привлекаемых лиц.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. – № 25, ст. 2954.
2. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (редакция от 28 декабря 2024 г.) // Собрании законодательства Российской Федерации от 28 октября 2002 г. – № 43, ст. 4190.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, март 2018 г. – № 3.
4. Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2023 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, июнь 2023 г. – № 6.

5. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19 апреля 2022 г. № 305-ЭС21-27211 по делу № А40-281119/2018. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404410432/> (дата обращения: 11.01.2025).

6. Определение Арбитражного суда Удмуртской Республики по делу № А71-8464/2018 от 25 октября 2023 года // Арбитражный суд Удмуртской Республики. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/96d365d7-2c51-4402-8d7b-f38539e20798/b5ca14b1-883d-4156-9463-5bc0e9499125/A71-8464-2018_20231025_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 12.01.2025).

7. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. – URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 11.01.2025).

Тихомирова Ксения Юрьевна,

*заместитель начальника Управления хозяйственных обществ
и юридической деятельности Министерства имущественных
отношений Удмуртской Республики, Государственный
советник Удмуртской Республики 3 класса,*

Симаков Константин Андреевич,

*обучающийся магистратуры Института права,
социального управления и безопасности ФГБОУ ВО
«Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск*

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, КОТОРЫЕ НЕ ИСПОЛЬЗУЮТСЯ ПО ЦЕЛЕВОМУ НАЗНАЧЕНИЮ (СТ. 284 ГК РФ)

Конституция Российской Федерации определяет землю и другие природные ресурсы как основу жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (часть 1 статьи 9) [1].

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 23 апреля 2004 года № 8-П подчеркнул, что конституционная характеристика земли как основы жизни и деятельности народов определяет требование рационального и эффективного использования, а также охраны земли. Это требование адресовано государству, его органам, гражданам и всем участникам общественных отношений. Оно является базовым для законодательного регулирования в данной сфере и позволяет федеральному законодателю устанавливать особые правила, порядок и условия пользования землёй [2].

Вместе с тем далеко не всегда земельные участки используются рационально и с соблюдением требований законодательства об охране окружающей среды, что в итоге приводит к деградации почв, снижению их плодородия и, как следствие, к уменьшению урожайности и эффективности деятельности сельскохозяйственных предприятий, что в конечном счете может привести к упадку в сельскохозяйственном секторе страны в целом.

Статья 284 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает возможность изъятия земельного участка в случае, когда участок предназначен для ведения сельского хозяйства и не используется по целевому назначению в течение трех лет, если более длительный срок не установлен законом [3].

Несмотря на тот факт, что данная норма является основанием для прекращения вещного права на земельный участок, особое внимание необходимо обратить на то, что её реализация задействует нормы земельного и административного законодательства. В связи с этим в юридической литературе поднимается вопрос о характере такого вида ответственности для правообладателя. Если рассматривать «традиционные» виды юридической ответственности (уголовная, административная, гражданско-правовая, дисциплинарная), существуют три точки зрения на данный вопрос.

Первая группа ученых, например М.С. Ромадин, однозначно относят принудительное прекращение прав на земельный участок к виду гражданско-правовой ответственности [4]. Вторая (Рысаев Ф.Б.) – считает изъятие земли у фактического землепользователя административным наказанием [5].

Помимо этого, в юридической литературе существует мнение, которое состоит в своеобразном «смешении» первых двух. Так, Д.В. Якунин, отрицая самостоятельность земельно-правовой ответственности, считает принудительное изъятие земельного участка видом либо административно-правовой ответственности (если участок принадлежит правонарушителю на праве собственности), либо гражданско-правовой ответственности (если участок принадлежит правонарушителю на ином вещном праве) [6].

Третья точка зрения же состоит в критике первых двух. Её приверженцы полагают, что принудительное прекращение права собственности или иных вещных прав на земельный участок нельзя отнести ни к административной, ни к гражданско-правовой ответственности [7]. Так, Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации [8] попросту не предусматривает такого вида административного взыскания, как принудительное прекращение права. Также нет оснований считать изъятие земельного участка гражданско-правовой санкцией, поскольку владелец земельного участка не находится в договорных отношениях с органами государственной власти, вследствие чего не может причинить другим лицам имущественный ущерб (например в случае неиспользования земельного участка в течение трех и более лет).

Кроме того, сам процесс привлечения к ответственности в таком случае отличен от тех, что применяются в административном и гражданском праве: если земельный участок изымается в связи с его ненадлежащим использованием, он подлежит продаже на публичных торгах в соответствии с гражданским законодательством, а также с учетом особенностей, установленных Земельным кодексом Российской Федерации [9]. В соответствии с ЗК РФ принудительное изъятие земельного участка является достаточно сложным процессом, включающим в себя следующие этапы: установление и документирование органами земельного надзора факта ненадлежащего использования земельного участка, привлечение к административной ответственности, выдача предписания об устранении правонарушения, установление факта неисполнения требований предписания

в течение установленного срока, направление материалов в уполномоченный орган государственной власти для его последующего обращения в суд, реализация решения суда.

Представляется, что такая сложная процедура направлена прежде всего на защиту прав собственника земельного участка и предоставляет ему возможность привести земельный участок в надлежащее состояние.

Вместе с тем следует отметить, что на практике сложность и громоздкость такой процедуры приводила не к устранению нарушений со стороны собственника земельного участка, а, наоборот, стимулировало его самостоятельно избавиться от земельного участка, продав его другому лицу (поскольку до обращения уполномоченного органа в суд должен подтвердиться факт ненадлежащего использования земельного участка в течение трех и более лет). Кроме того, данная ситуация порождала возможность перехода земельного участка от одного собственника к другому без возможности решения проблемы его ненадлежащего использования, приводящего к снижению плодородия почв.

Исходя из изложенного, государственное регулирование вопросов использования земельных ресурсов (в том числе процедура изъятия земельных участков) должно быть направлено не только на защиту земельных ресурсов, но и на стимулирование ответственного отношения землепользователя к земле.

Принятие Федерального закона от 05 декабря 2022 г. № 507-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10] решило указанные проблемы.

Во-первых, было введено требование внесения в ЕГРН сведений об изъятии земельного участка и запрете в отношении него регистрационных действий, а также прямой запрет собственника распоряжаться земельным участком, в отношении которого выдано предписание об устранении нарушений. Срок для реализации судебного решения уменьшен с шести до четырех месяцев.

Во-вторых, появилось 2 новых основания для изъятия земельных участков сельскохозяйственного назначения. Первым новым основанием для изъятия является неиспользование земельного участка новым собственником в течение года с момента его приобретения.

Вторым основанием, на котором и хотелось бы заострить внимание, является следующее. Наряду с использованием земельного участка с нарушением законодательства не менее трех лет подряд с даты выявления такого нарушения неиспользованием земельного участка, земельный участок теперь может быть также изъят в случае, если на дату проведения надзорного мероприятия выявлен факт неиспользования земельного участка в течение трех и более лет.

Исходя из буквального толкования новой нормы, достаточно доказательств ненадлежащего использования земельного участка именно на дату такового контроля. Обязанность доказать трехлетний срок его неиспользования лежит на органах земельного надзора. Указанное обстоятельство решило проблемы доказательственного характера, поскольку ранее, даже в случае очевидного неиспользования земельного участка в течение длительного периода времени (например зарастание земельного участка древесно-кустарниковой растительностью, которое не могло образоваться менее чем за 3 года), суды приходили к выводу о необходимости проведения контрольных мероприятий не менее чем за 3 года и отказывали в иске (постановление 10-го Арбитражного апелляционного суда от 14 мая 2015 года № 10АП-1528/2015 по делу № А41-74745/14) [11].

Вместе с тем даже после внесения указанных выше изменений исследователи полагают необходимым проведение минимум двух контрольных мероприятий с интервалом в три года [12]. Судебная практика показывает, что в большинстве случаев суды также настаивают на необходимости доказывания использования земельного участка не по целевому назначению в течение трех лет путем предоставления контрольным органом материалов проверок (постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24 января 2025 года № Ф06-10823/2024 по делу № А55-5717/2024 [13], постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 23 декабря 2024 года № 04АП-3187/2024 по делу № А78-6211/2023 [14]).

Нам же представляется, что в таком случае проведение проверок в течение трех лет не является обязательным, необходима лишь доказательственная база неиспользования земельного участка более трех лет. Например, обоснование таких сведений может содержаться в последнем акте контрольного органа, а доказательствами – уже иные данные, представленные контрольным органом: в некоторых случаях обращению в суд с исковым заявлением предшествует привлечение виновного лица к ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 статьи 8.8 КоАП РФ (Неиспользование земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения для ведения сельскохозяйственного производства или осуществления иной связанной с сельскохозяйственным производством деятельности в течение срока, установленного указанным федеральным законом), которое уже само по себе доказывает факт неиспользования земельного участка в течение 3 и более лет. В практике имеются даже случаи использования в качестве обоснования требований заключения специалиста, подтверждающего ненадлежащее использование земельного участка более трех лет [15].

Анализируя судебную практику по указанной категории споров в Удмуртской Республике за последние 10 лет, можно в целом отметить относительно небольшое количество споров по изъятию земельных участков сельскохозяйственного назначения в связи с их ненадлежащим использованием. Это как раз связано со сложной процедурой доказывания, предусматривающей необходимость выявления ненадлежащего использования земельных участков органами государственного контроля. Кроме того, подаче искового заявления предшествует взаимодействие уполномоченных органов – Управления Россельхознадзора и Министерства имущественных отношений, в рамках которых дается оценка достаточности и полноты собранных доказательств. Те судебные разбирательства, которые были инициированы, как правило, заканчивались удовлетворением требований истца и изъятием земельного участка у его собственника (например: решение Увинского районного суда по делу № 2-716/2018 от 19 сентября 2018 года [16], решение Малопургинского районного суда

по делу № 2-850/2017 от 24 октября 2017 года [17], решение Увинского районного суда по делу № 2-981/2016 от 27 июля 2016 года [18]). В каждом из них существовала необходимость доказывания проведения контрольных мероприятий, составления соответствующих актов, выдачи предписаний и привлечения к административной ответственности. Полагаем, что в будущем необходимость в таком доказывании пропадет.

Таким образом, нельзя не отметить, что введенные правовые нормы существенно сокращают права собственника на распоряжение земельным участком, накладывая за неиспользование земельного участка санкции, правовая природа которых до конца не определена. Параллельно с этим происходит упрощение механизма процедуры изъятия таких земельных участков. Можно сделать вывод, что, вводя данные нормы, законодатель стремится защитить общественные интересы и публичные интересы государства в целом, преследуя цель сохранения качественных характеристик земель, а также увеличения объемов сельскохозяйственного производства путем истребования неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения и привлечения новых сельскохозяйственных производителей к их освоению.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 13.03.2025.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 № 8-П «По делу о проверке конституционности Земельного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Мурманской областной Думы» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 13.03.2025.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) //

Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 13.03.2025.

4. Ромадин М.С. Некоторые проблемы принудительного прекращения прав на землю в Российской Федерации // Государство и право. – 2003. – № 11. – С. 94.

5. Рысаев Ф.Б. Административно-правовое регулирование охраны окружающей среды в Российской Федерации : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 19.

6. Якунин Д.В. Административная ответственность за нарушение правил землепользования : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Хабаровск, 2003. – С. 17.

7. Актуальные проблемы теории земельного права России : монография / под общ. ред. А.П. Анисимова // Юстицинформ. – 2020. – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 13.03.2025.

9. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 13.03.2025.

10. Федеральный закон от 05.12.2022 № 507-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 13.03.2025.

11. Постановление 10-го Арбитражного апелляционного суда от 14 мая 2015 года № 10АП-1528/2015 по делу № А41-74745/14 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 13.03.2025.

12. Ястребов А.Е., Малявкина Н.В. Правовые аспекты изъятия неиспользуемых сельскохозяйственных земель // Российский судья. – 2024. – № 2.

13. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24 января 2025 года № Ф06-10823/2024 по делу № А55-5717/2024 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный.

14. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 23 декабря 2024 года № 04АП-3187/2024 по делу № А78-6211/2023 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный.

15. Решение Троицкого районного суда города Москвы от 25.01.2024 по делу № 2-423/2024 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный.

16. Решение Увинского районного суда по делу № 2-716/2018 от 19 сентября 2018 года. – Режим доступа: https://uvinskiy--udm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=64950386&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 13.03.2025).

17. Решение Малопургинского районного суда по делу № 2-850/2017 от 24 октября 2017 года. – Режим доступа: https://malopurginskiy--udm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=224067295&case_uid=8649901a-ca35-48d3-9132-0a5e77c8573e&delo_id=1540005 (дата обращения: 13.03.2025).

18. Решение Увинского районного суда по делу № 2-981/2016 от 27 июля 2016 года. – Режим доступа: https://uvinskiy--udm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=54430795&delo_id=1320008&new=0&text_number=1 (дата обращения: 13.03.2025).

Чернецова Эльмира Наилевна,

*помощник нотариуса нотариального округа
«город Ижевск Удмуртской Республики»*

РОЛЬ НОТАРИАТА В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Исполнительное производство, направленное на обеспечение защиты нарушенных или оспоренных прав или охраняемых законных интересов, являясь заключительной стадией гражданского процесса, позволяет реально и своевременно исполнить акты суда или другого публичного органа, усилив эффективность процессуальной деятельности, и повысить правосознание населения в части отношения к юридической ответственности в аспекте реализации своих обязательств. Немаловажную роль в развитии исполнительного производства в настоящее время играет институт нотариата, который в условиях трансформации государственного управления активно внедряет современные технологии и стремится соответствовать Национальным целям развития Российской Федерации²⁵.

В России принимаются меры по снижению нагрузки на систему судебных приставов. Вместе с тем объемы исполнительного производства в стране по-прежнему остаются значительными. В этой связи участие субъектов нотариальной деятельности в исполнительном производстве соответствует требованиям времени, и научное осмысление этой темы представляется сегодня актуальным. Благодаря тому, что нотариусы удостоверяют сделки и совершают исполнительные надписи, они уменьшают нагрузку не только на судебную систему, но и на сферу исполнительного производства.

²⁵ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 20, ст. 2584.

В рамках своей деятельности нотариусы заверяют различные документы, влияющие на исполнительное производство, а именно:

- договоры, в том числе договоры купли-продажи, займа, залога, ипотеки и т.д.;
- соглашения, в том числе соглашения об уплате алиментов, медиативные соглашения;
- депозит нотариуса, а также депонирование движимых вещей;
- исполнительная надпись.

Рассматривая указанные процессы, следует остановиться на нескольких самых важных моментах. Во-первых, нотариальное удостоверение документа (договора, соглашения) приравнивает его к исполнительному документу, что впоследствии упрощает процедуру обращения взыскания на имущество должника. При этом исполнительная надпись представляет собой специальную отметку нотариуса в договоре, позволяющую кредитору принудительно взыскать положенное ему без необходимости обращения к судебной защите. То есть взыскание задолженности по исполнительной надписи является альтернативой обращения к судебному порядку. Во-вторых, важно иметь в виду, что в законодательстве предусмотрено – если в договоре имеется конкретное условие о возможности взыскания по исполнительной надписи нотариуса, только тогда нотариус может совершить исполнительную надпись. Однако данное условие необходимо только для сделок, совершенных в простой письменной форме. Вместе с тем для нотариальных договоров это не требуется.

Кроме того, следует отметить, что законодательство об исполнительном производстве предусматривает определенные виды исполнительных документов, среди которых, наряду с исполнительными листами и судебными приказами, нотариально удостоверенные: соглашения по алиментным обязательствам, медиативные соглашения, их копии, а также исполнительная надпись нотариуса²⁶. В связи с этим целесообразно отметить, что, хотя базовые требования в области

²⁶ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41, ст. 4849.

исполнительного производства регламентированы положением Федерального закона «Об исполнительном производстве», содержание документов, формируемых в нотариальной деятельности, определяется Основами законодательства РФ о нотариате²⁷, и в аспекте возможных коллизий возникает вопрос о приоритете соответствующих норм.

Кроме того, не следует игнорировать положения и иного законодательства. Так, содержание и требование к медиативному соглашению определяются Федеральным законом о медиации²⁸, а соглашение об уплате алиментов – законодательством России о семье. При этом, как справедливо отмечает Е.В. Кирсанова, оба эти документа имеют двойственную правовую природу, являясь одновременно и договорами, и исполнительными документами²⁹. Этот автор также отмечает целый ряд вопросов оформления этих документов в нотариальной практике и дискуссионные аспекты теории. Так, она отмечает, что, исходя из действующего регулирования, не совсем понятно в отношении обязанности нотариуса передавать данные о медиальных соглашениях и соглашениях об уплате документов в используемые информационные системы, в частности в суперсервис «Цифровое исполнительное производство», внедряемый в рамках Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Динамика развития цифровых инноваций влечет трансформацию профессиональной нотариальной деятельности. В связи с этим Г.Г. Камалова справедливо отмечает, что «Развитие глобального информационного общества и стремительная революционная динамика

²⁷ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 28.12.2024) // Российская газета. 1993. 13 марта.

²⁸ Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31, ст. 4162.

²⁹ Кирсанова Е.В. Роль нотариата в реализации концепции цифрового исполнительного производства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 12. С. 26.

цифровых технологий вызывают колоссальные изменения общественных отношений, что не может не затронуть право»³⁰. Современные цифровые технологии активно внедряются в нотариат в целях формирования условий для развития и реализации человеческого потенциала, свободного и устойчивого взаимодействия между гражданами, организациями и органами публичной власти, безопасности граждан и государства³¹, а также защиты прав и интересов физических и юридических лиц.

Вместе с тем внедрение цифровых технологий в нотариальную практику потребовало правового регулирования соответствующих процессов. В связи с этим еще в 2019 г. были внесены изменения и дополнения в Основы законодательства о нотариате³², что позволило ввести новые форматы осуществления нотариальных действий, придать юридическую значимость нотариальным базам данных и электронным документам, создать условия для межведомственного информационного взаимодействия нотариусов с органами публичного управления, субъектами финансово-кредитной сферы и иными.

Цифровизация в нотариате сегодня используется для решения множества задач. Значительная часть данного функционала реализуется благодаря Единой информационной системе (ЕИС) нотариата, содержащей сотни миллионов записей о нотариальных действиях³³

³⁰ Камалова Г.Г. Роль цифровых технологий в трансформации права в условиях развития информационного общества // Современные проблемы частноправового регулирования : сб. ст. / отв. ред.: Н.В. Кузнецова, Е.А. Ходырева. Ижевск, 2019. С. 78–85.

³¹ Камалова Г.Г., Чернецова Э.Н. Информатизация нотариата в цифровую эпоху // Информационные технологии и право: Правовая информатизация – 2018 : сб. VI Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Е.И. Коваленко. 2018. С. 461–466.

³² Федеральный закон от 27.12.2019 № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 52 (часть I), ст. 779.

³³ Камалова Г.Г., Чернецова Э.Н. Указ. соч.

и в полном объеме используемой с 2014 года. При участии нотариата в настоящее время сформированы и функционируют целый ряд публичных цифровых сервисов, среди которых следует в рамках настоящего исследования особо отметить сервис совершения электронных нотариальных действий, с помощью которого граждане и организации могут удостоверять часть действий удаленно.

Федеральной нотариальной палатой в 2022 году реализована технологическая функция совершения исполнительной надписи в электронной форме, осуществляемая посредством цифрового взаимодействия с банком-кредитором. Это программное обеспечение предусматривает рассмотрение заявления кредитора и представленных им документов, а также дальнейшее совершение исполнительной надписи. Исполнительная надпись с квалифицированной электронной подписью нотариуса после совершения нотариального действия направляется в структурное подразделение системы судебных приставов. Для цифрового взаимодействия между Федеральной службой судебных приставов и Федеральной нотариальной палатой осуществляется обмен цифровыми данными с использованием функционала Единой системы межведомственного электронного взаимодействия. Кроме того, следует отметить, что о факте совершения такой надписи субъект нотариальной деятельности должен известить должника в рамках трех рабочих дней согласно Основ законодательства о нотариате³⁴.

Следует отметить, что развитие нотариата в этом направлении служит повышению уровня эффективности принудительного исполнения, также сокращает объем нагрузки на систему судебных приставов. Важным здесь также является развитие цифровых сервисов государства и повышение доверия и уровня удовлетворенности качеством и широким кругом государственных сервисов со стороны населения.

³⁴ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 28.12.2024) // Российская газета. 1993. 13 марта.

В связи с этим перспективным для нотариальной деятельности является активизация перехода на электронный документооборот, что позволяет оптимизировать существующие процессы бумажного документооборота и сократить его, хотя одновременно имеет определенные риски и требует формирования цифровой доверенной среды³⁵. Следовательно, это способствует дальнейшему развитию электронного документооборота в нотариальной сфере.

Дальнейшая цифровизация нотариата в перспективе еще в большей степени изменит нотариальную практику в нашей стране и позволит упростить осуществление многих нотариальных действий, в том числе хранение и оборот цифровых данных в нотариальной сфере.

Библиографический список

1. Камалова Г.Г. Роль цифровых технологий в трансформации права в условиях развития информационного общества // Современные проблемы частноправового регулирования : сб. ст. / отв. ред.: Н.В. Кузнецова, Е.А. Ходырева. – Ижевск, 2019. – С. 78–85.
2. Камалова Г.Г., Чернецова Э.Н. Информатизация нотариата в цифровую эпоху // Информационные технологии и право: Правовая информатизация – 2018 : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Е.И. Коваленко. – 2018. – С. 461–466.
3. Кирсанова Е.В. Роль нотариата в реализации концепции цифрового исполнительного производства // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 12. – С. 24–29.
4. Яковлева Е.А. Правовые проблемы цифровой доверенной среды // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2023. – Т. 33, № 1. – С. 181–186.

³⁵ Яковлева Е.А. Правовые проблемы цифровой доверенной среды // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2023. Т. 33, № 1. С. 181–186.

Гафурова Эльмира Равилевна,

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры теории и истории государства
и права ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск*

К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

На сегодняшний день современная государственность является комплексной системой, которая образует основу организации и управления государством в современном мире. Именно поэтому актуальным и значимым вопросом выступает дальнейшее эффективное развитие такой системы, как государственность.

Обратим внимание на определения понятия «государственность».

Например, А.С. Шабуров считает, что вопрос о государственности может быть рассмотрен как качественное состояние государственно-организованного общества, которое определяется рядом факторов: устойчивостью, преемственностью исторических, национальных, культурологических и других элементов. Важно отметить, что государственность не является синонимом государственной власти [7. С. 9]. Государственность, по мнению автора, представляет собой особое качество общества, независимо от размера его территории, численности населения и других количественных показателей [3. С. 3]. В особенности А.С. Шабуров выделяет преемственность в формировании государственности.

Соглашаясь с мнением А.С. Шабурова, отметим, что основной целью государственности является обеспечение стабильности, защиты интересов граждан и создание условий для устойчивого развития общества в целом, которое и складывается в результате преемственности различного рода факторов.

О.В. Войтенко также разделяет мнение А.С. Шабурова, утверждая, что понятия «законность» и «упорядоченность» отражают качественные характеристики определенного состояния, а именно

состояния, где закон и порядок играют важную роль. Точно так же государственность описывает качественные аспекты государственно-организованного общества, его существование и деятельность [1. С. 7].

Ф.Ф. Мартенс однажды отметил, что государство – это далеко не просто результат фантазий неосуществимых идей. На самом деле, оно является живым организмом, идеально сложенным и сплоченным, обладающим свободой воли, и проникнутое сознанием своей самостоятельности и уникальности. Оно не может возникнуть и существовать в пустоте, но требует условий и предпосылок для своего рождения и развития [3. С. 3]. Тем самым автор особенно выделяет механизм преемственности в формировании государственности.

Из этого следует, что любое государственное развитие неизбежно проходит через несколько этапов, каждый из которых является качественно отличным от предыдущего. Этот процесс осуществляется посредством отбрасывания старых состояний и принятия новых. В рамках развития современной государственности понятия отрицания и преемственности неразрывно связаны как с новыми, так и со старыми состояниями этого процесса. Новое включает в себе отрицание старого, сохраняя при этом некую преемственность с ним.

Каждое качественное изменение предполагает две важные составляющие. Во-первых, это устранение устаревшего, неактуального или непригодного под новые условия. Во-вторых, необходимо сохранить ценное и полезное, что способствует прогрессивному развитию. Весь смысл заключается в том, чтобы найти баланс между отбрасыванием старого и сохранением ценного для обеспечения дальнейшего продвижения вперед [6. С. 2]. В связи с этим перед нами встает вопрос о преемственности.

Исследуя преемственность, стоит отметить, что её значение ныне возрастает также потому, что современное развитие общества и государственности происходит бурно, с частым изменением форм. Трудность изучения вопроса о преемственности государственности состоит в том, что общество и государственность, представляя большие комплексные структуры, находятся в весьма сложных взаимоотношениях.

Механизм преемственности носит объективный и всеобщий характер, проявляясь в природе, обществе и познании. Согласно взглядам В.В. Сорокина, преемственность означает передачу социального опыта через систему специальных институтов от одного поколения к другому. Эти институты включают государство, правовую систему, идеологию, религию, мораль и систему образования [5. С. 3].

Преемственность государственности определяется как связь между различными историческими этапами развития государственных структур, она основана на взаимодействии прерывных и непрерывных экономических и социальных отношений. Основная идея заключается в сохранении, учете и использовании определенных элементов предшествующего уровня государственности в последующем [6. С. 2]. Именно преемственность обеспечивает непрерывное развитие государства и права, что, в свою очередь, оказывает положительное влияние на прогресс современной государственности [4. С. 156].

Так, преемственность в развитии современной государственности – это концепция, которая связана с передачей и сохранением признаков и функций государства от одного поколения к другому. Она вытекает из принципа непрерывности и устойчивости государственных институтов и политической организации.

На наш взгляд, важными аспектами преемственности в развитии современной государственности являются:

Во-первых, государственное управление и легитимность. В данном случае преемственность государственности предполагает сохранение институционального порядка и политической системы, основанных на принципах законности и представительности [4. С. 157]. К примеру, это может быть связано с передачей власти от одного состава Правительства к другому, которые обеспечивают легитимность перехода и сохранение стабильности государственных институтов.

Во-вторых, конституционные основы правового государства. То есть преемственность в развитии государственности требует неукоснительного соблюдения конституционных принципов и иных законодательных положений, которые обеспечивают статус государства как правового.

В-третьих, продолжение политических и экономических стратегий. Преемственность государственности включает передачу политических стратегий и программ для дальнейшей реализации и совершенствования. Это означает сохранение и развитие принятых ранее политических проектов и инициатив, направленных на обеспечение стабильности и непрерывности развития государства.

В-четвертых, национальность и культурное наследие. Преемственность государственности также связана с сохранением национальной идентичности и культурного наследия государства. Это включает сохранение языка, исторических традиций, ценностей и культурных символов, которые считаются основой национального самосознания и сознания государства. Например, в ч. 3 ст. 68 Конституции Российской Федерации закреплено, что Россия гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, а также в ч. 4 указанной статьи провозглашена поддержка и охрана культуры со стороны государства [2].

В-пятых, обеспечение безопасности и защиты прав граждан. Данный аспект характеризуется непрерывностью работы правоохранительных органов и системы национальной безопасности, а также защитой личности, её прав и свобод как главной обязанности государства.

Указанные нами аспекты преемственности, влияющие на перспективное развитие российской государственности, напрямую связаны с конституционными положениями, которые обеспечивают удержание, сохранение и использование предшествующих государственных процессов и достижений для будущего развития страны.

Таким образом, преемственность в развитии современной государственности проявляется через преемственность в развитии ее аспектов, таких как законность, правовое государство, защита граждан и т.д. В целом преемственность в развитии современной государственности – это важный механизм, обеспечивающий стабильность, легитимность и эффективность современного государства. Она способствует устойчивому развитию государственных институтов и обеспечению прав и интересов граждан. Вопрос о степени этой преемственности является предметом постоянных дискус-

сий и зависит от конкретного исторического контекста и политической ситуации в каждой стране. Нельзя говорить о какой-то универсальной модели преемственности, так как она сильно варьируется в разных государствах.

Библиографический список

1. Войтенко О.В. Государство, государственное образование, государственность (теоретико-методологический анализ их соотношения) : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 18 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
3. Ромайкин И.А. Об определении понятия государственности // Огарёв-Online. – 2015. – С. 1–5.
4. Рябинин Н.А. Российская государственность в XXI веке: от теории к практике // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – С. 156–160.
5. Сорокин В.В. Государственность переходного периода: теоретические вопросы : дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1999. – 195 с.
6. Стерхов П.А., Грозина Е.В. Механизм преемственности в развитии государственности (теоретический аспект) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2013. – С. 1–4.
7. Шабуров А.С. Российское государство и российская государственность: проблемы соотношения и историческое развитие // Российский юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 9–11.

Кротова Любовь Анатольевна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права
и криминологии Удмуртского государственного университета,
г. Ижевск

РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖОТРАСЛЕВОГО СОГЛАСОВАНИЯ

Межотраслевая дифференциация юридической ответственности представляет собой одну из актуальных проблем правовой науки, широко обсуждаемых научной общественностью [1]. Особое значение приобретает вопрос дифференциации уголовной и административной ответственности, что обусловлено общими задачами и функциями уголовного и административно-деликтного законодательства (ст. 2 УК РФ, ст. 1.2 КоАП РФ)*, принципами, а также наличием смежных правовых институтов как Общей, так и Особенной частей указанных отраслей права. Более того, тенденция на последовательное их сближение, получившая отражение в том числе и в представленном на обсуждение проекте нового КоАП РФ, требует, на наш взгляд, более внимательного подхода к обеспечению системности развития уголовного и административно-деликтного законодательства.

Поскольку проблема дифференциации уголовной и административной ответственности лежит в первую очередь в плоскости разграничения преступления и административного правонарушения, представляется необходимым остановиться именно на этом вопросе.

Так, в проекте нового КоАП РФ по состоянию на 30.01.2020 предлагалось дополнить понятие «административное правонарушение» (ст. 2.1 КоАП РФ) признаком «причинение вреда» и, соответственно, рассматривать таковое как «виновно совершенное противоправное *причиняющее вред охраняемым законом общественным*

* Оба вида ответственности относятся к числу публично-правовой, штрафной (карательной) ответственности.

отношениям деяние (действие или бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность» [2].

Однако в последнем варианте рассматриваемого проекта (по состоянию на 29.05.2020) Минюст РФ предлагает сохранить без существенных изменений понятие «административно-правовой деликт», предусмотренное действующим КоАП РФ, чему трудно найти объяснение и с чем трудно согласиться. Ибо первоначальная инициатива Минюста РФ представляется весьма обоснованной и давно ожидаемой, поскольку ее реализация на законодательном уровне давала возможность «закрыть» неоправданно затянувшуюся дискуссию по вопросу о том, присуще ли административному правонарушению свойство общественной опасности. Именно легальное понятие административного правонарушения, впервые закрепленное в КоАП РСФСР 1984 г. (ст. 10), а затем воспроизведенное без принципиальных изменений и в КоАП РФ 2001 г. (ст. 2.1), обусловило неоднозначность доктринальных подходов к определению сущности данного вида правонарушения, его отличия от уголовно-наказуемого деяния**.

Следует отметить, что указанная дискуссия изначально во многом была надуманной, противоречащей фундаментальным положениям теории права, где в качестве критерия разграничения противоправного и правомерного поведения рассматривалось именно причинение вреда общественным отношениям (угроза такового). И не имеет принципиального значения, какое понятие используется при характеристике правонарушения: «опасность» или «вредность». Эти понятия – однопорядковые [3, 4]. «Правонарушения по характеру общественной вредности (опасности) подразделяются на преступления и проступки (административные деликты, дисциплинарные проступки, гражданские правонарушения и др.) <...> главным при их разграничении является качество общественной опасности... » [5].

** Основное различие между КоАП РФ и КоАП РСФСР заключалось в перечислении в последнем объектов административно-правовой охраны, форм вины и юридических форм деяния, т.е. концептуальный подход к определению рассматриваемого фундаментального правового понятия не изменился.

Отсюда закономерной представляется и правовая позиция по данному вопросу Конституционного Суда РФ. Так, в постановлении, принятом по результатам рассмотрения жалоб граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова, подчёркивается, что «...административные правонарушения <...> в отличие от преступлений, влекущих наступление уголовной ответственности, представляют собой меньшую общественную опасность» [6]. Более того, отвечая на запрос Ивановского областного суда, Конституционный Суд РФ указал, что необходимость кумулятивного применения основного и дополнительного наказаний обусловлена степенью общественной опасности и характером соответствующего административного правонарушения, его потенциальными вредными последствиями для охраняемых законом ценностей [7]. Таким образом, свойство общественной опасности, объективно присущее административному правонарушению, наряду с противоправностью и виновностью, должно найти закрепление в ст. 2.1 КоАП РФ.

Руководствуясь приведенной выше правовой позицией Конституционного Суда РФ, в качестве критериев дифференциации преступления и административного проступка надлежит в первую очередь рассматривать степень общественной опасности, а затем и характер административного правонарушения. Если официальное толкование первого из них, определяемое как количественный показатель, содержится в постановлении Пленума Верховного Суда РФ [8], содержание второго (характер административного правонарушения) вызывает определенные вопросы: или это синоним характера общественной опасности (качественный ее показатель), либо нечто иное. Однако в доктрине охранительных отраслей права общепризнанным является мнение, что характер общественной опасности также необходимо рассматривать в качестве дифференцирующего критерия соответствующих правонарушений.

Но, как полагает З.А. Незнамова, сложившаяся практика административно-деликтного законодательства позволяет утверждать, что критерием дифференциации является именно степень общественной опасности, «ибо грань между преступлением и правонару-

шением законодатель, очевидно, проводит именно по количественным показателям вредоносности или опасности» [1], а что касается ее характера, то последний утратил таковое значение.

Основанием подобного заключения, по мнению указанного автора, служат дополнения, которые были внесены в КоАП РФ в последние годы. Так, Федеральным законом от 01.12.2012 № 212-ФЗ статья 20.4 КоАП РФ была дополнена частью 6.1, предусматривающей административную ответственность за нарушение требований пожарной безопасности, повлекшее возникновение пожара и причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека.

Совершенно справедливо отмечается, что жизнь является объектом именно уголовно-правовой охраны как при умышленной, так и при неосторожной форме вины; в равной степени и причинение тяжкого вреда здоровью – последствие, характеризующееся высоким уровнем общественной опасности, что предполагает применение мер уголовно-правового характера, в то же время законодательные положения, подобные тем, что закреплены в части 6 статьи 20.4 КоАП РФ, фактически стирают грань между преступлением и проступком [1].

Но, с другой стороны, способно ли данное обстоятельство привести к серьезным нарушениям прав и законных интересов граждан, как это утверждает З.А. Незнамова? Вряд ли есть основания опасаться подобных последствий. Во-первых, установление подобного рода административно-правовых запретов направлено на обеспечение пожарной безопасности и, кроме того, на охрану прав граждан, пострадавших в результате нарушения требований пожарной безопасности. Во-вторых, надлежит обратить внимание на субъектный состав данного административного правонарушения. И вот здесь мы подходим к одной из весьма значимых причин рассогласованности уголовного и административно-деликтного законодательства.

Санкция части 6.1 статьи 20.4 КоАП РФ предусматривает наказание в виде наложения административного штрафа на *юридических лиц* в размере от одного миллиона до двух миллионов рублей или административное приостановление деятельности на срок до девяноста

суток. Следовательно, субъектом рассматриваемого административного правонарушения может быть только *юридическое лицо*, в связи с чем, вряд ли можно беспокоиться о непосредственном существенном нарушении прав и законных интересов граждан. Ответственность последних в случае причинения ими по неосторожности тяжкого вреда здоровью или смерти, как последствия нарушения требований пожарной безопасности, решается в рамках уголовного законодательства (ст. 219 УК РФ).

Но если у юридического лица имелась возможность для соблюдения правил и норм пожарной безопасности, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению, что повлекло причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, то в отсутствие в действующем УК РФ института уголовной ответственности юридических лиц указанное деяние и соответствующие правовые последствия до принятия Федерального закона от 01.12.2012 № 212-ФЗ оставались вне правовой ответственности вообще, несмотря на объективную их общественную опасность. И в то же время в части 6 статьи 20.4 КоАП РФ установлена административная ответственность (в том числе и юридических лиц) за совершение менее вредоносного деяния, а именно за нарушение требований пожарной безопасности, повлекшее причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью человека.

Естественно, законодатель не мог оставить без внимания подобный законодательный пробел, абсолютно несовместимый с принципом законности и справедливости; пробел, социальная обусловленность деликтолизации которого не вызывает сомнений. Ибо вряд ли его можно восполнить в рамках иной отрасли, кроме административного права. Безусловно, подобная правотворческая практика не способствует выработке более четких критериев дифференциации уголовной и административной ответственности, но в отсутствие иных правовых механизмов урегулирования рассматриваемых отношений приходится признать такую практику целесообразной (как единственно возможную).

Таким образом, в перечень аргументов в пользу введения уголовной ответственности юридических лиц в российское уголовное законодательство можно добавить ещё один пункт: как одно из средств согласования уголовной и административной ответственности***. Ибо часть 6 статьи 20.4 КоАП, безусловно, должна быть предусмотрена именно в уголовном законе.

Библиографический список

1. Незнамова З.А. Проблемы разграничения преступления и административного правонарушения : избранные материалы (Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24–25 октября 2014 г.)) / Г.В. Абшилава, В.В. Акинфиева, А.Б. Афанасьев [и др.]. – М., 2015. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
2. Проект «Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/05-20/00102447) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30.01.2020). – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» : [turov.pro>wp-content/upload/2020...](http://turov.pro/wp-content/upload/2020...)
3. Лунеев А.В. Административная ответственность за правонарушения. – М., 1961. – С. 34–35.
4. Матвеев Г.К. Основания юридической ответственности // Советское государство и право. – 1971. – № 10. – С. 31 и др.
5. Алексеев С.С. Общая теория права: в двух томах. Т. II. – М. : Юрид. лит., 1982. – С. 173–174. См. также: Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М. : Юристъ, 1997. – С. 527 и др.

*** Вопросы введения уголовной ответственности юридических лиц обсуждаются, как правило, в контексте раздела VIII УК РФ (преступления в сфере экономики). При этом подчеркивается, что установление таковой вызывается в первую очередь необходимостью защиты публичных интересов. Но не менее значимы и публичные интересы, охраняемые рядом статей глав 24 и 26 УК РФ (преступления против общественной безопасности, экологические преступления), вред которым может быть причинен в том числе и деятельностью юридических лиц.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова». – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2018 г. № 866-О «По запросу Ивановского областного суда о проверке конституционности части 6 статьи 20.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

8. Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

Мокишина Маргарита Анатольевна,

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры теории и истории
государства и права ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный
университет», г. Ижевск*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ОРГАНА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕРЕД ГОСУДАРСТВОМ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Одной из актуальных проблем в теории муниципального права является вопрос об определении понятия юридической ответственности органов и должностных лиц муниципальных образований.

Конституция Российской Федерации и Федеральный закон № 131-ФЗ подчеркивают такой признак местного самоуправления, как самостоятельность; отмечается, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

Вместе с тем это не означает, что органы местного самоуправления полностью отделены от государственной власти. Государственная власть активно содействует развитию местного самоуправления. Часть 3 ст. 132 Конституции РФ закрепляет: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории»³⁶. Однако в случае нарушения действующего законодательства к органам местного самоуправления будут применены меры государственного принуждения, то есть органы местного самоуправления будут нести ответственность перед государством.

В своем определении от 2 ноября 2011 г. № 1264-О-О1 Конституционный Суд РФ отмечал: «Российская Федерация как суверенное государство вправе предусмотреть адекватные меры ответственности органов местного самоуправления и выборных должностных лиц местного самоуправления, в том числе досрочное прекращение полномочий соответствующего органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления»³⁷.

В юридической литературе имеются разные точки зрения на понятие ответственности органов местного самоуправления и должностных лиц. Например, В.И. Фадеев определяет ответственность

³⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «Консультант Плюс».

³⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 04.10.2011 № 1264-О-О «По жалобам граждан Дегтярь Надежды Александровны и Шардыко Юрия Сергеевича на нарушение их конституционных прав пунктом 2 части 2 статьи 74.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»» // СПС «Консультант Плюс».

органов и должностных лиц местного самоуправления как обязанность указанных субъектов претерпевать неблагоприятные правовые последствия за ненадлежащее осуществление своих задач и функций³⁸.

О.Е. Кутафин определяет ее как негативные последствия для органов и должностных лиц, которые выступают за решения, принятые ими в процессе осуществления своей профессиональной деятельности, за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей³⁹.

Н.В. Постовой считает, что ответственность представляет собой наступление неблагоприятных последствий, которые применяются к субъектам муниципальных правоотношений, не исполняющим или ненадлежащим образом исполняющим свои обязанности по отношению к другим участникам правоотношений⁴⁰.

Ряд исследователей под юридической ответственностью понимают необходимость применения к нарушителю закона заранее установленных государством санкций в установленном им же (государством) порядке⁴¹.

Но чаще всего юридическая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления понимается как наступление неблагоприятных правовых последствий за принятые ими противоправные решения, за противоправные действия (бездействие).

³⁸ Муниципальное право : учебник для бакалавров / отв. ред. В.И. Фадеев. Москва : Проспект, 2013. С. 307.

³⁹ Кутафин О.Е. Актуальные вопросы муниципально-правовой ответственности в РФ // Закон. 2018. № 6. С. 11.

⁴⁰ Муниципальное право России : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Н.В. Постовой, В.В. Таболин, Н.Н. Черногор ; под ред. Н.В. Постового. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Юриспруденция, 2016. С. 368.

⁴¹ См.: Ступницкая Ю.А. Сущность и принципы юридической ответственности // Бизнес в законе. 2006. № 3–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-printsipy-yuridicheskoy-otvetstvennosti>; Штода И.С. Юридическая ответственность, ее признаки и стадии // Бизнес в законе. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-otvetstvennost-ee-priznaki-i-stadii>; Цишковский Е.А. Юридическая ответственность в правомерном поведении // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 4 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-otvetstvennost-v-pravomernom-povedenii>

Целью юридической ответственности является обеспечение законности, защита правового режима общества, предотвращение совершения дальнейших нарушений. К функциям юридической ответственности относятся: карательная, восстановительная, воспитательная, функция защиты, превентивная функция.

Одной из форм ответственности представительного органа муниципального образования является его роспуск.

Законодательство зарубежных стран предусматривает досрочное прекращение полномочий представительного органа местного самоуправления в форме роспуска (Австрия, Беларусь, Венгрия, Грузия, Италия, Казахстан, Киргизия, Португалия). Например, ст. 123 Конституции Республики Беларусь устанавливает: «В случае систематического или грубого нарушения местным Советом депутатов требований законодательства он может быть распущен Советом Республики. Иные основания досрочного прекращения полномочий местных Советов депутатов определяются законом»⁴².

И российское законодательство закрепляет механизм ответственности представительного органа муниципального образования перед государством.

Обратим внимание на досрочное прекращение полномочий представительного органа местной власти в советский период. Так, Закон РСФСР от 6 июля 1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в РСФСР» в ст. 95 определял субъектов, имеющих право досрочного прекращения полномочий местных Советов⁴³. К ним относились: Верховный Совет РСФСР, Верховные Советы республик в составе РСФСР, избиратели.

⁴² Конституция Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravo-vaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/?ysclid=m877cyv7md121449896> – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

⁴³ Закон РСФСР от 6 июля 1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в РСФСР» // ВВС. 1991. № 29, ст. 1010.

Согласно п. 1 ст. 95 вышеназванного закона Верховный Совет РСФСР, Верховные Советы республик в составе РСФСР на основании заключения Конституционного Суда РСФСР могли распустить местный Совет в случае неоднократного нарушения ими Конституции СССР, законодательства СССР, Конституции РСФСР, законодательства РСФСР, конституций и законодательства республик в составе РСФСР, прав и свобод граждан.

Кроме того, полномочия местного Совета могли быть прекращены досрочно, если в результате местного референдума более половины избирателей, включенных в списки избирателей, проголосует за досрочное прекращение полномочий Совета.

Следующий Федеральный закон был принят 28 августа 1995 г. № 154 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁴⁴. Но следует отметить, что 4 августа 2000 года в данный закон были внесены изменения, касающиеся усовершенствования механизма ответственности органов местного самоуправления и должностных лиц перед государством. Статья 49 данного закона предусматривала ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления перед государством, которая, как отмечалось, наступает в случае нарушения ими Конституции Российской Федерации, конституции, устава субъекта Российской Федерации, федеральных законов, законов субъекта Российской Федерации, устава муниципального образования⁴⁵.

Если представительным органом местного самоуправления не отменен нормативный правовой акт или отдельные его положения, которые признаны судом противоречащими законодательству и при

⁴⁴ Федеральный закон от 28 августа 1995 года № 154 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁵ Федеральный закон от 28 августа 1995 года № 154 ФЗ (ред. от 21.04.08.2000 № 107-ФЗ) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

этом повлекли признанные судом нарушение (умаление) прав и свобод человека и гражданина или наступление иного вреда, то представительный орган местного самоуправления может быть распущен.

В случае если представительным органом местного самоуправления не отменены нормативный правовой акт или отдельные его положения в соответствии с решением суда, вступившим в силу, то законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации по собственной инициативе или по обращению высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) письменно предупреждает представительный орган местного самоуправления о возможности роспуска.

Далее, если представительный орган местного самоуправления в течение месяца со дня вынесения (объявления) письменного предупреждения не принимает мер по исполнению решения суда, то представительный орган местного самоуправления может быть распущен законом субъекта РФ не позднее шести месяцев со дня вступления в силу решения суда.

Если в течение трех месяцев со дня вступления в силу решения суда представительный орган местного самоуправления не отменяет нормативный правовой акт, а законодательный орган субъекта Российской Федерации бездействует, то Президент Российской Федерации вправе внести в Государственную Думу проект федерального закона о роспуске представительного органа местного самоуправления.

В юридической литературе отмечалось, что данная процедура привлечения к ответственности представительного органа местного самоуправления несовершенна (например, нецелесообразно включать в процедуру роспуска Президента РФ и др.).

Федеральный закон № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» учел некоторые недостатки вышеуказанного закона об ответственности представительного органа перед государством. Однако следует добавить следующее: в статью 73 Федерального закона

№ 131-ФЗ вносились изменения, в частности появились пп. 2.1 и 2.2, согласно которым представительный орган, избранный или вновь избранный в правомочном составе представительный орган муниципального образования в течение трех месяцев подряд не проводил правомочного заседания⁴⁶.

Федеральный закон предусмотрел достаточно сложную процедуру роспуска представительного органа муниципального образования. Можно выделить несколько этапов в механизме ответственности представительного органа муниципального образования перед государством:

1. Соответствующим судом установлено, что представительным органом муниципального образования принят нормативный правовой акт, противоречащий Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, федеральным законам, конституции (уставу), законам субъекта Российской Федерации, уставу муниципального образования.

2. Представительный орган муниципального образования в течение трех месяцев со дня вступления в силу решения суда либо в течение иного предусмотренного решением суда срока не принял в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда, в том числе не отменил соответствующий нормативный правовой акт.

3. Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации в течение одного месяца после вступления в силу решения суда, установившего факт неисполнения данного решения, вносит в законодательный орган субъекта Российской Федерации проект закона субъекта Российской Федерации о роспуске представительного органа муниципального образования.

4. Законодательный орган субъекта РФ принимает закон о роспуске представительного органа муниципального образования.

⁴⁶ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и представительных органов муниципальных образований» от 18.06.2007 № 101-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

5. Высшее должностное лицо подписывает и обнародует закон субъекта РФ о роспуске представительного органа муниципального образования, в свою очередь полномочия представительного органа муниципального образования прекращаются со дня вступления в силу закона субъекта РФ о его роспуске.

6. Закон субъекта Российской Федерации о роспуске представительного органа муниципального образования может быть обжалован в судебном порядке в течение 10 дней со дня вступления в силу. Суд должен рассмотреть жалобу и принять решение не позднее чем через 10 дней со дня ее подачи.

Новый Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», принятый 5 марта Государственной Думой и одобренный 14 марта Советом Федерации Федерального Собрания, в ст. 17 закрепляет досрочное прекращение полномочий представительного органа муниципального образования и в своей основе сохраняет механизм ответственности представительного органа муниципального образования в форме роспуска.

Примером роспуска представительного органа муниципального образования, в связи с непроведением в течение трех месяцев подряд правомочного заседания, может служить роспуск Совета депутатов Беренжакского сельсовета Ширинского района Республики Хакасия, который был осуществлён Верховным Советом Республики Хакасия в 2024 году. Решение было принято на основании решения Ширинского районного суда Республики Хакасия от 10 июня 2024 года № 2а-334/2024. Суд установил факт, что правомочный состав Совета депутатов не проводил правомочных заседаний в течение трёх месяцев подряд – с 9 января по 3 мая 2024 года. Решение вступило в законную силу 13 июля 2024 года⁴⁷.

Еще раз подчеркнем, что органы местного самоуправления самостоятельно осуществляют власть на территории муниципального образования, реализуя свои полномочия на основе действующего законодательства, учитывая интересы населения, защищая их

⁴⁷ URL: vskhakasia.ru/media/2024/12/pzrkx-15-37-114-8.pdf

права, свободы человека и гражданина. Но если органы муниципальных образований, в частности представительный орган, не выполняют свои функции: представительную, нормотворческую; не решают в период непроведения заседаний в течение трех месяцев вопросы, связанные с удовлетворением потребностей населения, то включается механизм ответственности представительного органа муниципального образования. То есть представительный орган распускается в результате систематической неявки депутатов. Возникает проблема проведения новых выборов, которые потребуют определенных затрат (соответствующего финансирования выборов).

Таким образом, проведенное исследование подтверждает необходимость совершенствования правовой регламентации института ответственности представительного органа муниципального образования перед государством.

Библиографический список

1. Кутафин О.Е. Актуальные вопросы муниципально-правовой ответственности в РФ // Закон. – 2018. – № 6. – С. 11.
2. Муниципальное право России [Текст] : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Н.В. Постовой, В.В. Таболин, Н.Н. Черногор ; под ред. Н.В. Постового. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юриспруденция, 2016. – С. 368.
3. Муниципальное право : учебник для бакалавров / отв. ред. В.И. Фадеев. – Москва : Проспект, 2013. – С. 307.
4. Ступницкая Ю.А. Сущность и принципы юридической ответственности // Бизнес в законе. – 2006. – № 3–4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-printsipy-yuridicheskoy-otvetstvennosti>.
5. Штода И.С. Юридическая ответственность, ее признаки и стадии // Бизнес в законе. – 2011. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-otvetstvennost-ee-priznaki-i-stadii>.
6. Цишковский Е.А. Юридическая ответственность в правомерном поведении // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2009. – № 4 (10). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-otvetstvennost-v-pravomernom-povedenii>

Невоструев Андрей Геннадьевич,

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права
Удмуртского государственного университета,
г. Ижевск*

ОБ ЭЛЕКТРОННОМ ПРАВОСУДИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

В науке на сегодняшний день идёт бурное обсуждение вопроса о становлении электронного правосудия в результате активного использования в судопроизводстве информационных технологий и систем. Авторы предлагают различные понятия, связывая деятельность по отправлению правосудия с внедрением искусственного интеллекта и нейросети в судебную систему.

Так, например, Д.В. Власов считает, что «Под электронным правосудием понимается использование современных информационных технологий и систем при осуществлении судопроизводства»⁴⁸. Но несмотря на значительное количество сторонников данной теории, есть и ее противники, которые выступают против использования понятия «электронное правосудие». В свою очередь, электронное правосудие представляет собой изменение существующего порядка рассмотрения гражданских дел с использованием различного программного обеспечения.

В результате отсутствия единого понятия и большого объема различных терминов возникает неопределенность в понимании смысла электронного правосудия.

Несмотря на наличие легального определения электронного правосудия в приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26.11.2015 № 362, проблемы, связанные с понятием электронного правосудия, намного глубже, чем кажутся. Согласно данному

⁴⁸ Власов Д.В. К вопросу о понятии информационных технологий и их применении в гражданском судопроизводстве // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2021. Т. 8, № 3. С. 62–66.

приказу «электронное правосудие (инф.) – способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанные на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде». Согласно позициям федеральной целевой программы «Развитие судебной системы на 2013–2024 гг.», утвержденной постановлением Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы"»⁴⁹, программа направлена на создание мобильного правосудия, электронного правосудия.

Данная программа закрепляет ряд мероприятий, одно из которых направлено на развитие электронного правосудия и взаимодействия с информационными системами органов государственной власти. Здесь информационные технологии выступают как отдельный элемент.

Однако российские исследователи отмечают, что необходимо различать понятия «электронное правосудие» и «информатизация судов»⁵⁰. А.В. Аносов, в частности, пишет⁵¹: «Правосудие в гражданском процессе представляет собой установленную законом деятельность суда по установлению фактических обстоятельств по делу и применению к ним норм права, с целью защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов участников процесса. Правосудие также является формой осуществления судебной власти. Только тогда, когда происходит реализация власти, когда к отношениям сторон суд своей властью применяет право, можно говорить о правосудии. Так, современные информационные технологии и системы,

⁴⁹ Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 15.07.2024) «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы"» // Собрание законодательства РФ. 07.01.2013. № 1, ст. 13.

⁵⁰ Сас В.В. «Электронное правосудие» как элемент «сетевого общества»: теоретические проблемы // Юридическая наука. 2012. № 2. С. 101–104.

⁵¹ Аносов А.В. Теоретико-правовые вопросы формирования «Электронного правосудия» в РФ // Студенческий: электрон. научн. журн. 2023. № 19 (273). С. 47–49.

используемые при осуществлении судьей правосудия, выступают как вспомогательные инструменты. Электронное правосудие – это результат процесса информатизации судебной власти, который выражает собой способ, с помощью которого граждане и другие лица могут осуществить свое право на судебную защиту, и является формой осуществления судопроизводства».

Схожего понимания придерживается в своем диссертационном исследовании Ю.А. Кондюрина: «Электронное правосудие – это применение и использование в цивилистическом процессе информационных коммуникационных технологий, позволяющих совершать процессуальные действия в электронной форме, а также электронное обеспечение судебной деятельности. Процессуальной формой осуществления электронного правосудия является электронное судопроизводство, которое представляет собой процессуальную деятельность суда по рассмотрению и разрешению гражданских дел, основанную на применении информационно-коммуникационных технологий»⁵².

Как видим, многие авторы считают «электронным правосудием» внедрение электронных технологий в процесс осуществления правосудия, использование информационных технологий в различных процессуальных действиях при осуществлении гражданского судопроизводства.

Однако не все авторы считают, что при современных обстоятельствах дела можно вообще употреблять понятие «электронное правосудие». Так, В.И. Решетняк, Е.С. Смагина в своей монографии подчеркивают⁵³: «Информатизация гражданского судопроизводства представляет собой процесс по внедрению в судебную систему новых

⁵² Кондюрина Ю.А. Принципы цивилистического процесса в системе электронного правосудия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020. 60 с.

⁵³ Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт). М. : Городец, 2017. 304 с.

информационных систем и технологий и использованию информационных ресурсов, целью которого является предоставление дополнительных гарантий на осуществление права граждан на судебную защиту, а также направленный на удовлетворение потребностей граждан и других участников процесса в получении информационных знаний».

Цифровизация гражданского судопроизводства – это процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности по сбору, анализу, хранению данных и информации, связанных с осуществлением правосудия, без непосредственного участия субъектов гражданского судопроизводства, осуществляемых посредством взаимодействия различных информационных технологий и систем.

В судебной практике встречаются дела с упоминанием электронного правосудия, однако в данном случае оно рассматривается не как процесс осуществления правосудия судьей, а как система электронного документооборота, например в определении Верховного Суда РФ от 07.08.2024 № 59-КАД24-5-К9⁵⁴.

Правосудие в гражданском процессе представляет собой установленную законом деятельность суда по установлению фактических обстоятельств по делу и применению к ним норм права с целью защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов участников процесса. Правосудие также является формой осуществления судебной власти. Только тогда, когда происходит реализация власти, когда к отношениям сторон суд своей властью применяет право, можно говорить о правосудии. Так, современные информационные технологии и системы, используемые при осуществлении судьей правосудия, выступают как вспомогательный инструмент при совершении процессуальных действий.

Согласно Конституции РФ «Правосудие осуществляется только судом». Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» закрепляет:

⁵⁴ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 07.08.2024 № 59-КАД24-5-К9. URL: <https://kad.arbitr.ru/>

«Судебная власть осуществляется только судами в лице судей. Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия»⁵⁵.

Если рассматривать вопрос о внедрении искусственного интеллекта в деятельность суда по осуществлению правосудия, можно ли говорить о реализации конституционного принципа отправления правосудия только судом?

Данный вопрос возникает неслучайно. Так, искусственный интеллект представляет собой продукт человеческой деятельности, то есть внедрение такой технологии в судопроизводство не исключает работу человека как субъекта осуществления правосудия.

Стоит отметить, что в законодательстве закреплены определённые требования к судье, как к лицу, осуществляющему правосудие, одним из таких требований является наличие высшего юридического образования. Если учитывать тот факт, что технологию искусственного интеллекта создаёт лицо, не обладающее высшим юридическим образованием, а, скорее всего, имеющее образование в сфере ИТ, так как создание такого сложного алгоритма требует специальных знаний, которые не входят в область изучения юридических наук, то нарушается правило о квалификации данного лица, что уже является нарушением нормы права.

В мировой практике попытки внедрения искусственного интеллекта в судопроизводство были сделаны в Казахстане. В 2022 году была опробована система «Цифровая аналитика судебной практики». Как отмечает пресс-служба Верховного суда Казахстана, «Кроме поиска по «ключевым словам», сервис выдает аналитику по ситуации. Программа обучена понимать суть судебных решений, сравнивать их между собой, выявлять аномалии и прогнозировать

⁵⁵ Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Собрание законодательства РФ. 06.01.1997. № 1, ст. 1.

исход гражданского дела. И судья при поступлении иска видит судебную практику по схожим делам, вплоть до кассации. Однако решения всегда будут принимать сами судьи: ИИ не заменяет судей»⁵⁶.

Применение информационных технологий в судебной системе, в том числе более сложных алгоритмов, таких как искусственный интеллект и нейросеть, качественно изменяет сущность правосудия, поскольку принимает судебное решение не гражданин РФ, отвечающий необходимым установленным законом требованиям к должности судьи, а программа, никаким образом не соответствующая законным условиям для занятия должности судьи и не имеющая права вершить правосудие, что, разумеется, противоречит Конституции РФ. Судья при осуществлении правосудия должен руководствоваться принципами права и выносить решение на основании своего внутреннего убеждения, руководствуясь законом и совестью, внутренним убеждением. Судья, который использует конкретную информационную программу, не может руководить работой этой системы, а значит, является зависимым от этой программы.

Таким образом, необходимо отметить, что понятие «электронное правосудие» не применимо в гражданско-процессуальном праве, так как такие понятия, как электронное и правосудие, не могут сочетаться, они взаимоисключают друг друга. Такое понятие противоречит Конституции РФ и нарушает конституционные принципы, выступающие основополагающими идеями права.

Вместе с тем представляется, что использование искусственного интеллекта в определенных сферах должно быть использовано в деятельности судов при осуществлении правосудия. Следует согласиться с мнением авторов, которые считают, что искусственный интеллект (далее – ИИ) может быть использован для разработки проекта решения по гражданскому делу⁵⁷. То есть ИИ не заменяет собой

⁵⁶ Судьям Казахстана помогает искусственный интеллект [Электронный источник] // Право.РУ. Моск. юрид. ин-т, 2023. URL: <https://pravo.ru/news/245406/> (дата обращения: 23.03.2024).

⁵⁷ Решетникова И.В. Искусственный интеллект в арбитражном процессе: возможные сферы применения // Вестник гражданского процесса. 2024. № 2. С. 30–41.

судью, а является инструментом для помощи судье составить наиболее правильное с точки зрения законности и обоснованности судебное решение. Главным преимуществом ИИ является возможность 1) обработки большого количества информации⁵⁸ и 2) предложить на основании такой обработки решение правового казуса. Очевидно, данная работа ИИ сокращает время судьи для выработки решения по делу и минимизирует допущение ошибки в применении норм права и при установлении фактических обстоятельств, поскольку в системе ИИ имеется обширная нормативная база и содержание принятых судебных постановлений различными инстанциями по гражданским делам. Таким образом, процесс принятия судьей судебного решения по делу с использованием ИИ мог бы быть представлен следующим образом: на основе имеющихся у него знаний в области права, судебной практики и опыта разрешения гражданских дел судья анализирует предлагаемое программой решение (соотносит его с нормами права, фактическими обстоятельствами, правоотношением между сторонами), соглашается с ним полностью или частично либо вовсе не принимает его, и выносит свое решение.

Важно уточнить, решение принимает именно судья за своей подписью и несёт ответственность за такое решение именно он.

Между тем ИИ может также использоваться и при решении других вопросов, не связанных собственно с принятием итогового решения. Например, компьютерная программа может не только проверять наличие заполненных обязательных к заполнению граф, но и проверить сроки подачи, к примеру, апелляционных или кассационных жалоб; проверить, есть ли основания для восстановления пропущенного процессуального срока и есть ли ходатайство об этом. В итоге программа сможет подготовить проект определения о принятии заявления к производству или об оставлении заявления без движения, об отказе в принятии заявления. Судье останется лишь проверить правильность оформления и поставить подпись. С учетом самообучаемости такой программы через короткий промежуток

⁵⁸ Решетникова И.В. Указ. соч. С. 30–41.

времени она превзойдет опытных помощников судей. ИИ мог бы заменить труд помощников судей в подготовке проектов судебных актов по промежуточным требованиям, взысканию судебных расходов, изготовлению исполнительных листов и пр. Аналогичным образом можно было бы доверить ИИ разрешение всех дел приказного производства. Вполне возможно отнесение к ИИ разрешения типовых категорий дел: о взыскании долга, неустойки и пр., где нет правовых сложностей и сложилась судебная практика⁵⁹.

Решетнева Татьяна Васильевна,

*к.ю.н., доцент, заведующая кафедрой теории и истории
государства и права ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный
университет», г. Ижевск*

К ВОПРОСУ О САТИСФАКЦИИ КАК ФОРМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Одним из эффективных способов обеспечения правопорядка, как внутригосударственного, так и международного, является использование механизма юридической ответственности. Однако до настоящего времени вопрос о международной ответственности государств, несмотря на имеющуюся международную практику, доктринальные положения, документы, принятые в рамках ООН, находится в стадии разработки. Среди видов международной ответственности наибольший интерес представляет политическая ответственность государств, наступающая в случаях, когда в результате международного правонарушения (международно-противоправного деяния)

⁵⁹ Решетникова И.В. Искусственный интеллект в арбитражном процессе: возможные сферы применения // Вестник гражданского процесса. 2024. № 2. С. 30–41.

потерпевшему государству был причинен моральный или по-иному политический ущерб, пострадал авторитет, репутация государства, суверенитет. В науке международного права, в международной практике утвердилась позиция, согласно которой «любое нарушение международного обязательства в той или иной степени влечет за собой политическую ответственность, так как при этом нарушается императивный принцип международного права – принцип добросовестного исполнения международных обязательств. Поэтому политическая ответственность государств возможна во всех случаях совершения государством международно-противоправного деяния, и для ее наступления не требуется каких-либо видимых вредных последствий. В силу того, что политическая ответственность наступает из самого факта нарушения норм международного права, возможна кумуляция видов международной ответственности, когда при наличии материального вреда в связи с совершенным правонарушением государство-деликвент (государство-нарушитель) несет одновременно с материальной также и политическую ответственность.

Распространенными формами политической ответственности государств, то есть способами реализации неблагоприятных для правонарушителя последствий, выступают репрессалии, реторсии, санкции и сатисфакция⁶⁰, под последней формой в юридической литературе понимают: 1) «форму международно-правовой (политической) ответственности, выражающуюся в том, что государство-нарушитель предоставляет удовлетворение пострадавшему государству» [1]; 2) форму ликвидации причиненного морально-политического ущерба путем активных действий самого государства-деликвента (государства-нарушителя); 3) «возмещение нематериального ущерба, то есть ущерба, не поддающегося финансовой оценке, который является символическим и возникает в силу самого факта совершения международного правонарушения» [2. С. 451]. Что касается природы вреда, который подлежит возмещению посредством сатисфакции, то в своем комментарии Комиссия международного права поясняет, что в общем

⁶⁰ Лат. *satisfactio* – удовлетворение.

плане сатисфакция «является средством возмещения вреда, не поддающегося финансовой оценке, который представляет собой нанесенное государству оскорбление» [3. Пункт 69]. Классический подход к природе сатисфакции состоит в том, что сатисфакция призвана «возместить вред, причиненный чести, достоинству или репутации государства», то есть вред, характеризуемый как «моральный и политический», связанный с нарушениями суверенитета государства [3. Пункт 70]. Такой подход предполагает присвоение государству качеств (честь и достоинства), которыми во внутреннем праве наделяются физические лица.

Требование о сатисфакции является межгосударственным правопритязанием, вытекающим из правоотношения между государствами, которое предъявляется потерпевшим государством государству-деликвенту, последнее до предъявления к нему соответствующего требования может добровольно реализовать обязанность по несению международно-правовой ответственности. Сатисфакция приносится государственным органом (должностным лицом) государства-правонарушителя – главой государства, главой правительства, министром иностранных дел, иным уполномоченным лицом публично или по официальным дипломатическим каналам.

Как известно правовая основа международно-правовой ответственности представлена преимущественно международными правовыми обычаями. Тем не менее на международном уровне государствами предприняты усилия по кодификации норм о международно-правовой ответственности государств. Имеется ряд рекомендательных международных документов Организации Объединенных Наций, в которых произведена кодификация международно-правовой ответственности. В частности, речь идет о принятых Резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН проектов статей: «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» (*далее по тексту – Резолюция ГА ООН 56/83 от 12.12.2001*); «Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений

международного гуманитарного права» (далее – *Резолюция ГА ООН 60/147 от 16.12.2005*).

Общие требования относительно сатисфакции обозначены в ст. 37 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12.12.2001, согласно которой государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано предоставить сатисфакцию за вред, причиненный данным деянием, насколько данный вред не может быть возмещен реституцией или компенсацией (п. 1). При этом сатисфакция не должна быть непропорциональна вреду и не может принимать формы, унижительной для ответственного государства (п. 3). Пункт 2 ст. 37 указанного документа определяет возможные формы сатисфакции, к которым относят признание нарушения, выражение сожаления, официальное извинение или может выражаться в иной подобающей форме, тем самым устанавливается неисчерпывающий перечень форм сатисфакции. «К «иным подобающим формам» можно отнести: отдание почестей флагу и исполнение гимна потерпевшего государства; возложение обязанности возмещения материального ущерба на лиц, причастных к совершению правонарушения; уголовное или административное наказание причастных лиц; принятие специальных законов, направленных на обеспечение соблюдения международных обязательств; проведение расследования обстоятельств инцидента; направление специальных миссий в потерпевшее государство» [4. С. 18].

Распространенной формой (разновидностью) сатисфакции является принесение извинений. Например, «в 1998 г. пятеро израильских агентов попытались установить подслушивающие устройства в доме на окраине Берна (его жилец подозревался в связях с арабской боевой группировкой). Швейцарская полиция задержала одного из них. Швейцарские власти обвинили Израиль в нарушении суверенитета и потребовали извинений. Израиль принес официальные извинения, и его агент был освобожден» [2. С. 451]. Другим примером международного правонарушения, за которое государство понесло ответственность в форме принесения извинений, служит деяние, совершенное 1-го апреля 2001 года, когда «военный самолет-

разведчик США EP-3 вошел в китайское воздушное пространство. Два китайских самолета Морской Aviации получили приказ подняться в небо для сопровождения самолета США и совершения перехвата при необходимости. Один ведомый из самолетов Китая был уничтожен при столкновении с американским самолетом, в результате чего китайский пилот Ван Вэй погиб. После этого американский самолет-разведчик совершил вынужденную посадку на аэродроме Линшуй на острове Хайнань без разрешения Китая. В связи с этим китайское правительство выразило серьезный протест и недовольство. По настоянию правительства Китая, посол США в Китае Джозеф Прюэр от имени правительства Соединенных Штатов передал министру МИД Китая Тан Цзясюаню письменные извинения США» [5. С. 77–78].

Сатисфакция может быть представлена в форме выражения сожаления. Например, в 1989 году МИД СССР выразил правительству Афганистана сожаление в связи с тем, что в результате бомбардировок при выходе из осажденного Кабула погибли мирные жители.

Другой формой сатисфакции является оказание почестей пострадавшему (потерпевшему) государству, которое может выражаться в исполнении гимна пострадавшего государства, склонение своего государственного знамени перед государственным знаменем пострадавшего государства.

В качестве сатисфакции используется такая форма, как констатация факта нарушения норм международного права, которую используют международные судебные органы. Так, «в 1912 г., во время турецко-итальянской войны, итальянские власти задержали французские пароходы Carthage и Manouba, один из которых, вероятно, перевозил военную контрабанду, а другой – комбатантов. Оба дела были переданы в арбитраж Постоянной Палаты Третьейского Суда. В каждом из них Франция просила суд признать нарушение и обязать Италию выплатить 1 франк за посягательство на флаг, 100 тыс. франков в качестве возмещения за моральный и политический ущерб и возмещение за ущерб, причиненный частным лицам. В Решениях

от 6 мая 1913 г. суд отказал в удовлетворении двух первых требований, отметив, что констатация факта нарушения – особенно в судебном решении – уже представляет собой серьезную санкцию, и ограничился удовлетворением последнего требования. В Решении по делу о некоторых вопросах правовой помощи от 4 июня 2008 г. Международный Суд ООН счел, что Франция, не мотивировав неисполнение поручения Джибути о передаче материалов уголовного дела, нарушила договор о правовой помощи, и указал, что констатация этого нарушения является надлежащей сатисфакцией» [2. С. 452].

Сатисфакция может выражаться в привлечении к юридической ответственности лиц, причастных к совершению международного правонарушения. В заявленном в Международный Суд ООН меморандуме Демократической Республики Конго против Уганды по возмещению ущерба, понесенного истцом «в результате неправомерного применения силы в виде военного вторжения в 1998–2003 гг., массовых нарушений прав человека и разграбления природных ресурсов» Конго, помимо иных требований, просила возложить на Уганду сатисфакцию в виде возложения на ответчика обязанности привлечь к уголовной ответственности всех лиц, виновных в допущенных Угандой нарушений норм международного права. Несмотря на то, что данное требование Конго является вполне законным, Международный Суд ООН в своем решении от 09.02.2022 не счел необходимым обязывать Уганду привлечь виновных лиц к ответственности за совершение военных преступлений, указав, что Уганда итак обязана это сделать исходя из взятых на себя обязательств по международным соглашениям (п. 390 решения) [6].

При реализации ответственности нередко случаи, когда государство-правонарушитель использует одновременно несколько разновидностей сатисфакции: выражает сожаление по поводу случившегося и обещает принять меры к виновным лицам.

Государства, между которыми сложились дружественные отношения, могут прибегать к сатисфакции и в случаях, когда факт международного правонарушения неочевиден или носит спорный характер, требует тщательного расследования. Например, в 2004 г.

глава правительства Италии официально извинился перед Германией за итальянского министра туризма, который публично нелестно высказался о немецких туристах. Принесение извинения может иметь место до завершения расследования по факту причиненного государству, его физическим и юридическим лицам вреда в связи с возможным совершением международного правонарушения. В частности, 28 декабря 2024 года Президент РФ В.В. Путин извинился перед Президентом Азербайджана И.Г. Алиевым за то, что инцидент с самолетом Embraer 190 компании Azerbaijan Airlines, летевшим из Баку в Грозный, потерпевшим крушение утром 25 декабря 2024 года недалеко от города Актау на западе Казахстана, произошел в российском воздушном пространстве. Президент России также выразил глубокие соболезнования в связи с произошедшим и гибелью членов экипажа, пассажиров, а также пожелал скорейшего выздоровления всем пострадавшим [7].

В международной практике государств имеют место случаи, когда государства выражают сожаление, сочувствие, соболезнование в связи с деяниями, совершенными «в результате обстоятельств непреодолимой силы, стихийного бедствия или не от имени самого государства (частными лицами, не являющимися органами государства)» [4. С. 18]. В данной ситуации выражение сожаления, сочувствия не является формой международной ответственности государств, так как речь не идет о присвоенности противоправного деяния государству, констатации его вины, а лишь о реакции одного «субъекта международного права на нарушение прав другого субъекта международного права» [4. С. 18].

Требование о сатисфакции может быть предъявлено также в случаях, если ущерб в результате международного правонарушения нанесен физическому [8. С. 834] или юридическому лицу. Данным требованием в соответствии с нормами обычного права обладает государство, «гражданство которого данное лицо имеет на момент причинения ущерба и предъявления требования. При причинении ущерба юридическому лицу (но не его участникам или акционерам, рассматриваемым в этой связи как физические лица) право

требования определяется в зависимости от того, можно ли соотнести юридическое лицо с конкретным государством на основании национального права, которое устанавливается на основании привязки к личному закону юридического лица» [8. С. 834] (например, по закону государства местонахождения главного управления или центра коммерческой деятельности юридического лица, по закону государства места учреждения и др.). Когда речь идет о предъявлении требования о сатисфакции при причинении ущерба физическому или юридическому лицу необходимо иметь в виду несколько моментов: во-первых, «право требования может быть предъявлено только после того, как соответствующие физические или юридические лица исчерпали все средства правовой защиты против нарушения их прав на внутригосударственном уровне» [8. С. 834], а, во-вторых, физические или юридические лица могут быть обладателями «двойной национальности» (двойной или множественной государственной принадлежности), что осложнит процесс как предъявления требования о сатисфакции, так и реализации самой ответственности в силу того факта, что с требованием о сатисфакции могут обратиться все государства, чью государственную принадлежность имеют обладатели двойной (множественной) национальности. Кроме того, требование о сатисфакции вряд ли будет удовлетворено, если обладатель «двойной национальности» имеет государственную принадлежность государства-деликвента.

В ряде международных документов предусмотрена обязанность государства понести ответственность в форме сатисфакции, когда речь идет о нарушении государством своих международных обязательств в области прав человека. Согласно п. 22 Резолюции ГА ООН 60/147 от 16.12.2005 сатисфакция должна включать, когда это возможно, любое или все нижепредставленные формы (виды): «а) эффективные меры, направленные на прекращение продолжающихся нарушений; б) проверку фактов и полное и публичное обнаружение правды при условии, что такое обнаружение не причинит дополнительного ущерба или не поставит под угрозу безопасность и интересы жертв, их родственников, свидетелей или лиц, которые осуществляли вмешательство с целью оказания помощи

жертвам или предотвращения дальнейших нарушений; *с*) поиск местонахождения исчезнувших лиц, установление личности похищенных детей, а также опознание тел убитых и оказание помощи в возвращении, опознании и перезахоронении тел в соответствии с выраженным или предполагаемым пожеланием жертв или культурными традициями семей и общин; *д*) официальное заявление или судебное решение о восстановлении достоинства, репутации и прав жертвы и лиц, тесно связанных с жертвой; *е*) принесение публичных извинений, в том числе признание фактов и ответственности; *ф*) судебные и административные санкции в отношении лиц, несущих ответственность за нарушения; *г*) поминовение и воздание должного памяти жертв; *h*) включение точной информации о совершенных нарушениях в учебные программы по международным нормам в области прав человека и международного гуманитарного права и в учебные пособия всех уровней» [9].

Вопрос о предъявлении требования о сатисфакции может возникнуть в случае международного правопреемства. Хотя, как отмечается в документе, рассмотренном на Генеральной Ассамблее ООН, «ситуации, когда было бы уместно ожидать сатисфакции от государства-преемника, крайне редки», «поскольку международно-противоправное деяние, совершенное государством-предшественником, и правопреемство не влияют на присвоение такого деяния этому государству», «в то же время, если факт правопреемства не отменяет возможность истребования возмещения в других формах» [3. Пункт 97, с. 32] (например в форме реституции, компенсации), то сатисфакция априори не должна быть исключена [3. Пункты 67–68, с. 23]. В частности, учитывая правовой интерес всех государств и интерес жертв, совершенные государством международные правонарушения не исчезают в результате правопреемства государств и могут послужить основанием для сатисфакции, например, в форме принятия мер уголовной ответственности к лицам, совершившим международные преступления, военные преступления, даже после даты правопреемства [3]. В рамках реализации стратегии «завершения работы Международного трибунала по бывшей Югославии, принятой Советом

Безопасности в 2003 году» [3. Пункт 79, с. 26], трибунал сосредоточил «свои усилия на преследовании и привлечении к судебной ответственности наиболее высокопоставленных руководителей, тогда как другие дела передавались в национальные суды». Так, в суды государств-преемников бывшей Югославии – Боснии и Герцеговины было передано восемь дел, возбужденных в отношении 13 лиц (из 161 лица, которому Международный трибунал по бывшей Югославии предъявил обвинения)» [3. Пункт 80, с. 27]. В вопросах правопреемства Комиссия международного права предложила проект статьи 18 следующего содержания: «1. В случаях правопреемства государств, когда государство-предшественник продолжает существовать, это государство обязано предоставить сатисфакцию за вред, причиненный его международно-противоправным деянием, в той мере, в какой такой вред не может быть возмещен реституцией или компенсацией. 2. Пункт 1 не затрагивает вопроса о надлежащей сатисфакции, в частности посредством осуществления уголовного преследования за преступления по международному праву, которая может быть истребована или может быть предоставлена любым государством-преемником» [3. Пункт 97, с. 32]. Кроме того, заслуживает внимания проект ст. 19 «Заверения и гарантии неповторения», в п. 1 которой предусмотрено, что «В случаях правопреемства государств, когда государство-предшественник продолжает существовать, это государство обязано предоставить надлежащие заверения и гарантии неповторения деяния, если того требуют обстоятельства, даже после даты правопреемства государств» [3. Пункт 136, с. 43–44], а в п. 2. указанной статьи предусмотрена возможность предъявления требования предоставления надлежащих заверений и гарантий неповторения противоправного деяния, которые могут быть предъявлены «при условии, что обязательство, нарушенное международно-противоправным деянием, остается в силе после даты правопреемства государств в отношениях между государством-преемником и другим заинтересованным государством» [3. Пункт 136, с. 43–44]. В частности, такие требования могут предъявить, во-первых,

государство, потерпевшее в результате международно-противоправного деяния государства-предшественника, к государству-преемнику, а во-вторых, государство – преемник государства, потерпевшего в результате международно-противоправного деяния другого государства.

В заключение отметим, что такая форма политической ответственности государств, как сатисфакция, заслуживает особого внимания, поскольку именно этой форме принадлежит решающая роль в поддержании дружественных отношений, нормализации отношений между государствами в связи с совершенным международным правонарушением.

Библиографический список

1. Большой юридический словарь / А.Я. Сухарев, В.Е. Крутских, А.Я. Сухарева. – М. : Инфра-М, 2003. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/18065?ysclid=m5mfsex913492165659>

2. Толстых В.Л. Курс международного права : учебник. – М. : Проспект, 2019.

3. Организация Объединенных Наций A/CN.4/743 Генеральная Ассамблея Distr.: General 27 March 2020 Russian Original: English 20-04661 (R) 040520 210520 *2004661* Комиссия международного права Семьдесят вторая сессия Женева, 27 апреля – 5 июня и 6 июля – 7 августа 2020 года Четвертый доклад о правопреемстве государств в отношении ответственности государств (подготовлен Специальным докладчиком Павлом Штурмой). – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n20/078/95/pdf/n2007895.pdf>

4. Кривенкова М.В. Нематериальная ответственность государств в современном международном праве : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук (специальность 12.00.10 – международное право. европейское право). – Казань, 2009. – С. 18. – URL: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/92557/2009-002.pdf>

5. Решетнева Т.В., Орлов А.С. Международное право : учебно-методическое пособие. – Ижевск : Издательский центр «Удмуртский университет», 2021. – 220 с.; см. также: URL: russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2015-09/18/content_36623582.htm

6. URL: https://zakon.ru/blog/2022/12/29/2022_itogi_mezhdunarodnogo_pravosudiya

7. URL: <https://ria.ru/20241228/putin-1991880890.html?ysclid=m8bkq5j0yx189796343>

8. Международное право = Völkerrecht / Вольфганг Граф Витцтум [и др.] ; пер с нем. – 2-е изд. / [В. Бергманн, сост.]. – М. : Инфотропик Медиа, 2015. – 1072 с. – (Германская юридическая литература: современный подход: серия ; Кн. 2).

9. Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права», приняты Резолюцией 60/147 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 2005 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles_right_to_remedy.shtml

Сегал Ольга Александровна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права,

Трищенко Андрей Анатольевич,

старший преподаватель кафедры гражданского права

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,

г. Ижевск

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НОТАРИАЛЬНОЙ ТАЙНЫ

Как известно, для правильного функционирования правовой системы первостепенное значение имеют принципы, которые заложены законодателем в ее основу. Система нотариата имеет свои специфические принципы, которые имеют особое значение для участников отношений в области нотариата. Мы остановимся на некоторых проблемных аспектах ответственности субъектов, связанных с реализацией вопросов конфиденциальности нотариальных действий, которые традиционно обозначают как нотариальную тайну.

Принцип обеспечения тайны совершения нотариальных действий представляет собой такое правило, согласно которому сведения и документы, а также устная информация, которые используются в нотариальном производстве в связи с осуществлением профессиональной деятельности либо как результат совершения нотариальных действий, признаются нотариальной тайной и охраняются законом. Лица, разгласившие сведения, являющиеся нотариальной тайной, несут ответственность в порядке и по основаниям, которые установлены федеральным законом. Данный принцип отражен в содержании ст. 5, 16, 28 и других статей Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (далее – Основы)⁶¹. В силу складывающихся отношений между ним и клиентами, нотариус может быть информирован о самых разных сторонах личной жизни граждан. Об их имущественном положении, волеизъявлении на случай смерти и другой конфиденциальной информации, составляющей частную жизнь лица. Поэтому нотариус обязан сохранять в тайне известную ему информацию, которая не может быть им разглашена, за исключением случаев, предусмотренных законом⁶².

По субъектам участников нотариальных правоотношений обязанность обеспечивать тайну нотариальных действий и нотариального производства распространяется на следующих лиц. Нотариуса

⁶¹ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1, ред. от 28.12.2024).

⁶² *Никлаус Р.* Нотариальная этика. Основные принципы и случаи из практики // Развитие небюджетного нотариата в России: квалифицированная юридическая помощь, защита прав граждан и юридических лиц. С. 59. См., напр.: *Шарафетдинов Н.* Нотариальная тайна: аспекты теоретические и практические // Нотариальный вестник. 1998. № 2; *Комаров В.В., Баранкова В.В.* Нотариат и нотариальный процесс. С. 99. *Тарбагаева Е.Б.* Нотариат в Российской Федерации. СПб., 2001. С. 117–123; *Бюрри П.-Ж.* Профессиональная тайна // Развитие небюджетного нотариата в России: квалифицированная юридическая помощь, защита прав граждан и юридических лиц. С. 103–116; *Пиену Ж.-Ф., Ягр Ж.* Профессиональное нотариальное право. С. 172–178. Нотариальное право : учебник / под ред. В.В. Яркова. 2-е издание, исправленное и дополненное. Статут, 2017.

при исполнении служебных обязанностей, в том числе и после сложения полномочий. На лиц, работающих в нотариальной конторе, стажеров, помощника нотариуса. На должностных лиц и работников нотариальной палаты, органа юстиции, которым стали известны сведения, являющиеся нотариальной тайной, в связи с проводимой проверкой работы нотариуса. Однако данная обязанность не распространяется на должностных лиц и работников суда общей юрисдикции, арбитражного суда, прокуратуры, органов следствия, которым стали известны материалы нотариального производства и сведения о совершенных нотариальных действиях в связи с их запросами. Указанная обязанность распространяется также на иных лиц, которым стала известна информация, составляющая нотариальную тайну, в связи с их работой (должностных лиц Федеральной налоговой службы, банков, организаций связи, иных организаций и лиц).

Помещение нотариальной конторы должно отвечать условиям для обеспечения конфиденциальности и тайны совершения нотариальных действий. Представляется правильным такое положение, когда участники, обращающиеся к нотариусу, не должны видеть, кто именно входит и выходит от нотариуса. Посторонние лица могут находиться в помещении при совершении нотариальных действий только с согласия самих участников нотариального производства. Не допускается разглашение самого факта обращения гражданина к нотариусу. Соответственно, любые данные (начиная от посещения нотариальной конторы, фактов входа и выхода из помещения нотариальной конторы) являются *«сведениями, составляющими нотариальную тайну»*. И нотариус обязан обеспечить соблюдение и неразглашение данных сведений.

Сведения о совершенных нотариальных действиях выдаются по требованию суда, прокуратуры, органов следствия в связи с находящимися в их производстве уголовными, гражданскими или административными делами, а также по требованию судебных приставов-исполнителей в связи с находящимися в их производстве материалами по исполнению исполнительных документов; по запросам

органа, осуществляющего государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в связи с государственной регистрацией, а также по запросам органов, предоставляющих государственные и муниципальные услуги и исполняющих государственные и муниципальные функции, в порядке, установленном частью шестой статьи 34.4 Основ, и нотариусов в связи с совершаемыми нотариальными действиями. Справки о выдаче свидетельств о праве на наследство и о нотариальном удостоверении договоров дарения направляются нотариусом через единую информационную систему нотариата в налоговый орган не позднее пяти дней со дня совершения соответствующего нотариального действия, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

Интересно и то законодательное положение, согласно которому справки о завещании выдаются нотариусом только после смерти завещателя.

Сведения о наследниках, принявших наследство, в состав которого входит ранее учтенный объект недвижимости, выдаются по запросам органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации – городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя, органов местного самоуправления в связи с проведением мероприятий по выявлению правообладателей ранее учтенных объектов недвижимости. Информация предоставляется в соответствии с Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». В запросе органов публичной власти должны быть указаны номер наследственного дела и (или) фамилия, имя, отчество (при наличии) наследодателя, дата его смерти, место открытия наследства (последнее место жительства наследодателя), а также сведения о ранее учтенном объекте недвижимости. Сведения (документы) о совершенной исполнительной надписи и об удостоверенном медиативном соглашении предоставляются федеральному органу исполнительной власти, принимающему меры по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма

и финансированию распространения оружия массового уничтожения, по его запросу в связи с проводимой им проверкой операций и сделок на предмет их связи с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, или финансированием терроризма.

В отличие от адвоката нотариус не наделен свидетельским иммунитетом, в связи с чем он может быть вызван и допрошен в суде в качестве свидетеля по совершенным им нотариальным действиям. При этом нотариус освобождается от ответственности за разглашение сведений, составляющих нотариальную тайну в следующих случаях. Если нотариус освобожден судом от обязанности сохранения нотариальной тайны в связи с возбужденным против него уголовным делом по факту совершения нотариального действия, если нотариус допрашивается в качестве свидетеля судом на стадии дознания или предварительного следствия в связи с возбужденным уголовным делом, по факту совершения им нотариальных действий, а также если нотариус сообщает в случаях, предусмотренных федеральным законом, информацию налоговым органам, органам опеки и попечительства, наследникам, другим органам и лицам.

В случае умышленного разглашения сведений, составляющих нотариальную тайну, на нотариуса может быть возложена обязанность возмещения причиненного ущерба (ст. 17 Основ).

Во многих ситуациях возникает проблема обеспечения тайны личной жизни, которую можно определить как сведения (информация) о различных сторонах индивидуальной жизнедеятельности человека, разглашение (передача, утечка) которых может нанести ущерб гражданину.

Она охватывает различные стороны индивидуальной жизнедеятельности человека (интимные стороны, привычки и наклонности, здоровье, физические и физиологические особенности, средства личного общения, совершаемые человеком юридически значимые действия, финансовые дела и т.п.).

При всем многообразии проявлений личной жизни граждан применительно к охране тайны личной жизни всех их объединяет то, что речь идет об информации конфиденциального характера,

доступ посторонних лиц к которой возможен только в силу прямого указания закона, но со строгим и тщательным соблюдением оснований, условий и порядка ее получения и использования.

Требование оберегать тайну нотариальных действий означает, что их надлежит выполнить в присутствии только непосредственно заинтересованных лиц и по мере необходимости тех, кто оказывает им помощь: переводчиков, граждан, подписывающих документы за больных или неграмотных, и т.д.

Никто из посторонних лиц не должен наблюдать за ходом совершения нотариального действия, и нотариус обязан обеспечивать выполнение этого условия, независимо от того, совершается ли нотариальное действие на его рабочем месте или вне его. При этом стоит обратить внимание на то, что технические сотрудники или специалисты охранных фирм, имеющие доступ к системе видеонаблюдения, свободны от ограничений, возложенных на нотариуса и его помощников. Соответственно, за их возможные злоупотребления, по сути, отвечает сам нотариус.

Следует обратить внимание, что нотариус обязан хранить в тайне не только документированную информацию. Часто сведения, получаемые при общении с клиентом, более информационно насыщены, чем задокументированные данные, и, следовательно, необходимо тщательно соблюсти все процедурные и технические требования, чтобы сохранить их тайну, в частности освободить помещение от посторонних лиц, исключить возможность прослушивания и т.д.⁶³ Обязанность соблюдения тайны гарантирована Конституцией РФ (пункт 1 статьи 23) о неразглашении тайны личной жизни, семейных взаимоотношений. То есть для гражданина, заключающего, например, брачный договор, тайна его заключения относится к личной его тайне, а для нотариуса, удостоверяющего такой брачный договор, это будет профессиональная тайна. В случае если нотариус умышленно разгласит сведения о нотариальном действии, на него возлага-

⁶³ Идрисова Л.А., Ярлыкова Е.Л., Юдина А.Б. Комментарий к основам законодательства Российской Федерации о нотариате (от 11.02.1993 № 4462-1 (постатейный)).

ется обязанность возместить причиненный им ущерб, а в зависимости от обстоятельств разглашения возможно и привлечение к уголовной ответственности по статье 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни».

Еще одним важным аспектом является определение необходимости обеспечения безопасности информации, составляющей нотариальную тайну, к которой имеют доступ сотрудники Росфинмониторинга. Данный федеральный орган исполнительной власти, имеет широкие полномочия. Так, он создаёт единую информационную систему в установленной сфере деятельности; формирует и ведет федеральную базу данных; обеспечивает соответствующий режим хранения и защиты полученной в процессе своей деятельности информации, составляющей государственную, служебную, банковскую, налоговую, коммерческую тайну, тайну связи, и иной конфиденциальной информации.

Представляется, что все обозначенные моменты должны быть урегулированы на законодательном уровне, и должно быть найдено оптимальное соотношение в реализации правовых принципов с целью защиты прав и интересов субъектов гражданского оборота и государства в целом.

Библиографический список

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1, ред. от 28.12.2024).
2. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (ред. от 26.12.2024).
3. Бюрри П.-Ж. Профессиональная тайна // Развитие небюджетного нотариата в России: квалифицированная юридическая помощь, защита прав граждан и юридических лиц. – М., 2000.
4. Идрисова Л.А., Ярлыкова Е.Л., Юдина А.Б. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (постатейный) // СПС «Консультант-Плюс». – 2013.
5. Комаров В.В., Баранкова В.В. Нотариат и нотариальный процесс : учебник. – Харьков : Консум, 2000.

6. Никлаус Р. Нотариальная этика. Основные принципы и случаи из практики // Развитие небюджетного нотариата в России: квалифицированная юридическая помощь, защита прав граждан и юридических лиц. – М., 2000.

7. Нотариальное право : учебник / под ред. В.В. Яркова. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Статут, 2017.

8. Пиепу Ж.-Ф., Ягр Ж. Профессиональное нотариальное право. Перевод с французского. – М. : Юристь, 2001.

9. Тарбагаева Е.Б. Нотариат в Российской Федерации. – СПб., 2000.

10. Шарафетдинов Н. Нотариальная тайна: аспекты теоретические и практические // Нотариальный вестник. – 1998. – № 2.

Стяжкина Светлана Александровна,

*к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск*

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ СОУЧАСТНИКОВ ПРИ ЭКСЦЕССЕ ИСПОЛНИТЕЛЯ

Институт соучастия традиционно является одним из самых сложных и неоднозначных в системе норм уголовного права. Несмотря на огромное количество работ, посвященных вопросам соучастия и квалификации действий соучастников, в правоприменительной и судебной практике возникает множество проблем при оценке действий соучастников и их квалификации. Следует отметить, что судебная практика складывается таким образом, что правила квалификации действий соучастников зачастую зависят от конкретного состава преступления и будут различными по различным преступлениям. Особые сложности представляет проблема квалификации действия лица, вышедшего за пределы умысла соучастников. Уголовное законодательство определяет общее правило квалификации действия исполнителя, вышедшего за рамки умысла дру-

гих соучастников. Безусловно, другие соучастники, умыслом которых не охватывались действия исполнителя, не могут нести уголовную ответственность за его действия. Но, будут ли нести ответственность соисполнители за действия лица, вышедшего за рамки предварительной договоренности соучастников.

В научной литературе наиболее разработанной является классификация эксцесса исполнителя на количественный и качественный. В данной работе предлагается анализ проблем квалификации эксцесса исполнителя с позиций выделения несколько иных видов эксцесса исполнителя.

Представляется, что следует выделить два вида эксцесса исполнителя. Первый вид эксцесса исполнителя при сложном соучастии с одним исполнителем, второй вид эксцесса исполнителя при соисполнительстве.

В первом случае, как правило, проблем с квалификацией не возникает. Если исполнитель вышел за рамки умысла соучастников и совершил другое преступление, как однородное, так и неоднородное, то несет ответственность исполнитель. Остальные соучастники несут ответственность в зависимости от того, на какой стадии исполнитель вышел за рамки умысла соучастников.

Гораздо сложнее решается проблема квалификации действий соучастников при соисполнительстве. Как указывает Н.В. Зимин, «Ключевым значением при таком эксцессе является выход исполнителя за пределы оговоренных условий с иными исполнителями, в результате чего меняется объективная сторона преступления» [2. С. 231]. По общему правилу, независимо от вида эксцесса исполнителя, при эксцессе исполнителя ответственность несет только исполнитель. Но в ситуации совместного причинения вреда зачастую возникают проблемы определения субъективной стороны каждого из лиц, участвующих в совершении противоправных действий. Сложности возникают и при оценке такого признака соучастия, как единство умысла всех соучастников, предполагающих наличие общей цели, к достижению которой стремятся соучастники, объединяя свои усилия.

Кроме того, при соисполнительстве часто возникает проблема разграничения действий соучастников. Особенно актуальна эта проблема по преступлениям против жизни и здоровья. Во многих случаях не представляется возможным определить от чьих действий наступили те или иные последствия. В этом случае, как правило, последствия вменяются всем исполнителям. В ситуации, когда, например, тяжкий вред здоровью причинен одним из соисполнителей, остальные лишь применяли насилие неопасное для жизни или здоровья, то, по общему правилу, ответственность за вред здоровью несет только лицо, причинившее вред, чьим умыслом охватывалось причинение вреда здоровью. С другой стороны, по преступлениям против собственности существует разъяснение Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», где сказано, что «в тех случаях, когда группа лиц предварительно договорилась о совершении кражи чужого имущества, но кто-либо из соисполнителей вышел за пределы состоявшегося сговора, совершив действия, подлежащие правовой оценке как грабеж или разбой, содеянное им следует квалифицировать по соответствующим пунктам и частям статей 161, 162 УК РФ. Если другие члены преступной группы продолжили свое участие в преступлении, воспользовавшись примененным соисполнителем насилием либо угрозой его применения для завладения имуществом потерпевшего или удержания этого имущества, они также несут уголовную ответственность за грабеж или разбой группой лиц по предварительному сговору с соответствующими квалифицирующими признаками». Таким образом, если лица продолжают совместные преступные действия, то действия всех исполнителей квалифицируются одинаково. Предполагается, что исполнители присоединяются к начатому новому преступлению, тем самым принимая на себя роль соисполнителей.

Таким образом, можно прийти к выводу, что эксцесс исполнителя при простом соучастии может быть только в случаях, если другие исполнители отказались от доведения преступления, на которое

заранее договаривались до конца. В противном случае все соучастники будут нести ответственность за причиненный вред с признаками соучастия независимо от того, какой вклад каждый из соучастников внес в общий преступный результат. В целом, соглашаясь с позицией Верховного Суда РФ, следует отметить, что, на наш взгляд, вменение квалифицирующего признака «группы лиц по предварительному сговору» в описанной ситуации представляется излишним. Предварительного сговора на применение насилия у соучастников не было, таким образом, вменение данного признака нецелесообразно. Представляется, что квалификация должна быть по соответствующим частям статей 161 или 162 УК РФ без признака «группы лиц по предварительному сговору». Речь идет о присоединении остальных соучастников к действиям исполнителя и, соответственно, имеет место быть такой вид соучастия, как группа лиц без предварительного сговора.

Решая вопрос об ответственности соучастников при эксцессе исполнителя, необходимо учитывать общие положения о соучастии. Обязательным условием квалификации действий соучастников является наличие умысла всех соучастников на совершение преступления. Умыслом всех исполнителей должны охватываться как действия, так и последствия их совместных действий. Причем, как правильно отмечено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) от 27.01.1999 № 1, «Убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них (например, один подавлял сопротивление потерпевшего, лишал его возможности защищаться, а другой причинил ему смертельные повреждения)». В данном постановлении Верховного Суда РФ четко указывается на совместность умысла как необходимого признака квалификации действий соучастников. В противном случае речи о соучастии быть не может.

Как справедливо указывается в литературе «единый умысел соучастников определяет рамки, в границах которых должен действовать (бездействовать) исполнитель (именно рамки, а не единственно возможную линию преступного поведения)» [1. С. 136].

Определяя направленность умысла, необходимо учитывать ряд обстоятельств, связанных с формой и видом соучастия. Если речь идет о группе лиц по предварительному сговору, то единство умысла как раз определяется через наличие предварительного сговора на совершение конкретного преступления. Отклонение исполнителя от предварительной договоренности и совершение другого преступления свидетельствуют об эксцессе исполнителя. Остальные соучастники несут ответственность за то преступление, которое охватывалось их умыслом. Сложности возникают с оценкой степени отклонения. Если исполнитель совершает однородное преступление, но причиняет более существенный вред, то соисполнители, продолжившие преступные действия, должны нести ответственность одинаково с исполнителем, отклонившимся в действиях. Если же исполнитель совершает неоднородное преступление, то остальные соучастники не должны нести за него ответственность (даже при условии, что они продолжили преступные действия, которые охватывались их умыслом).

Если речь идет о группе лиц без предварительного сговора, то и эксцесса исполнителя быть не может. За вред, причиненный совместными действиями, несут ответственность все соучастники, присоединившиеся к совершению преступления. В группе лиц отсутствует признак предварительной договоренности, поэтому определять единство умысла и цели можно только исходя из фактических обстоятельств содеянного, в частности из факта совместного причинения вреда несколькими лицами и осознания ими этого факта.

В заключение следует отметить, что проблема квалификации действий соучастников при эксцессе исполнителя очень сложная и многогранная, решение которой зависит от многих факторов, в том числе конкретного состава преступления, которое совершается исполнителем. Безусловно, хотелось бы единства подходов к решению данной проблемы независимо от вида состава, но, к сожалению,

следует признать, что пока очень многое в оценке действий соучастников будет зависеть от совершаемого преступления.

Библиографический список

1. Гюлбанкян А.А. Сложные вопросы квалификации эксцесса исполнителя преступления // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2023. – Т. 25, № 2.
2. Зимин Н.В. некоторые особенности квалификации эксцесса исполнителя // Закон и право. – 2024. – № 5. – С. 231.

Туров Сергей Юрьевич,

*к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск*

ПРАВОВОЙ КАЗУС В КОНТЕКСТЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ЗАПРЕЩЕННОЕ УГОЛОВНЫМ ЗАКОНОМ ДЕЯНИЕ В СОСТОЯНИИ НЕВМЕНЯЕМОСТИ

До настоящего времени вопросы, связанные с применением принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ), вызывают оживленные дискуссии среди представителей научного сообщества. Причины их различны, но все они, так или иначе, связаны с особым процессуальным статусом лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение. Специфичность положения указанного субъекта заключается в отсутствии у него обязанностей, которые у обычных участников корреспондируют правам. Такая конструкция его статуса обусловлена психическим расстройством,

исключающим интеллектуальный признак, а именно способность отдавать отчет своим действиям, и волевой – способность руководить своими действиями.

По данным Судебного департамента при ВС РФ за период с 2017 по 1 полугодие 2024 года суды ежегодно рассматривают около 8 000 ходатайств органов следствия о применении ПММХ, что составляет примерно 1 % от общего количества окончанных уголовных дел⁶⁴.

К лицу, в отношении которого ведется производство о ПММХ, подлежат применению общие принципы защиты, гарантированные ч. 1 ст. 46, ч. 3 ст. 123 Конституции РФ. Оно, согласно ч. 1 ст. 437 УПК РФ, наделяется правами, предусмотренными ст. 46, 47 УПК РФ. Неизменность данных положений подтвердил Конституционный Суд РФ, отметив, что данный субъект обладает правами подозреваемого (обвиняемого), хотя и не привлекается к уголовной ответственности⁶⁵. Ограничение его в правах допускается, только если его психическое состояние препятствует участию в производстве по делу. Невозможность присутствия в судебном процессе, как следует из ч. 1 ст. 437 УПК РФ, должна подтверждаться заключением экспертов, а при необходимости заключением медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях. По мнению Судебной коллегий по уголовным делам ВС РФ вопрос личного участия такого лица следует проверять путем его вызова и исследования всех данных о состоянии его психического здоровья на момент рассмотрения дела⁶⁶.

⁶⁴ См. отчеты о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за 2018–2024 годы // Сайт Судебного департамента при ВС РФ. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 15 января 2025 г.)

⁶⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2007 г. № 13-П. Здесь и далее, если не оговорено иное, ссылка сделана на источники (нормативные и научные, а также на судебные решения), опубликованные в СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁶ Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 9 октября 2018 г. № 204-АПУ18-2.

Предоставив лицу, в отношении которого ведется производство о ПММХ, права, предусмотренные ст. 46, 47 УПК РФ, законодатель никак не регламентировал их оценку. В УПК РФ его показания в качестве доказательств по уголовному не указаны. Посвященное ПММХ постановление Пленума ВС РФ № 6⁶⁷ также не вносит ясности по этому вопросу. Определенные разъяснения даны Судебной коллегией ВС РФ, которой сделан вывод, что показания такого лица, не могут рассматриваться как источник доказательств по уголовному делу⁶⁸, что вполне согласуется с положениями ч. 2 ст. 434 УПК РФ, где форма вины и мотивы посягательства не включены в предмет доказывания при производстве ПММХ. Этим обусловлена и особенность квалификации деяний невменяемых, осуществляемая без учета содержания и направленности умысла, в зависимости от объекта уголовно-правового посягательства.

В силу ч. 1 ст. 443 УПК РФ при признании доказанным, что криминальный акт совершен лицом в состоянии невменяемости, или она наступила после совершения преступления, суд выносит постановление в соответствии со ст. 21 и 81 УК РФ об его освобождении от уголовной ответственности или от наказания и о применении ПММХ. Из ч. 2 ст. 443 УПК РФ следует, если такое лицо не представляет опасности по своему психическому состоянию, то суд выносит два, хотя и взаимосвязанных, но самостоятельных решения: 1) постановление о прекращении уголовного дела и 2) об отказе в применении ПММХ. Приведенная норма соответствует общепризнанной дефиниции уголовной ответственности, согласно которой она подразделяется на наказание и иные меры уголовного правового характера, применяемые только в рамках её реализации. ПММХ и принудительные меры воспитательного воздействия в её структуру

⁶⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера».

⁶⁸ Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 6 июля 2017 г. № 48-АПУ17-12.

не включаются [1. С. 8–9]. Также вписываются в обозначенную дефиницию взаимосвязанные между собой ст. 25, 25.1, 28 УПК РФ и ст. 76, 76.2, 75 УК РФ. Ведь они содержат лишь дискрецию на освобождение от уголовной ответственности, но не от ПММХ. В связи с этим представляется не совсем логичной ч. 3 ст. 443 УПК РФ, определяющая право суда в ходе производства о ПММХ, при наличии оснований, предусмотренных ст. 24–28 УПК РФ, вынести только одно решение – постановление о прекращении уголовного дела – без оценки необходимости применения ПММХ. Причем решение о прекращении дела при указанных обстоятельствах принимается независимо от наличия и характера заболевания лица, то есть даже в случае если психическое расстройство связано с его опасностью для себя и других либо возможностью причинения ими иного вреда.

Положения ч. 2 ст. 27 УПК РФ содержат запрет на прекращение уголовного преследования по ст. 28 УПК РФ, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает. На важность соблюдения этого правила обращает внимание Пленум Верховного Суда РФ в п. 21 постановления № 19, где ориентирует суды разъяснять лицу, совершившему преступление, право возражать против прекращения уголовного дела, его юридические последствия, а также выяснять согласие на такой исход по делу⁶⁹. Однако если считать семантически верным определение словосочетания «дача согласия» как результат мыслительного процесса в виде сформированного мнения, основанного на уяснении и осознании информации о последствиях принимаемого решения, то представляется абсурдным выяснять его у невменяемого. В рассматриваемой ситуации согласие вряд ли может носить правовой характер и являться причиной правовых последствий, поскольку основанием для производства о ПММХ выступает неспособность делинквента отдавать отчет своим действиям и руководить ими.

⁶⁹ См. п. 21 постановления Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

Предоставляя властным субъектам право прекратить уголовное преследование в отношении лица впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, взаимосвязанные между собой ст. 28 УПК РФ и ч. 1 ст. 75 УК РФ требуют соблюдения условий, позволяющих оценить им утрату лицом общественной опасности. К таковым относятся: добровольная явка с повинной, способствование лицом раскрытию и расследованию преступления, возмещение ущерба или заглаживание вреда. Разъясняя судам правила оценки утраты общественной опасности и условия освобождения от уголовной ответственности, Пленум Верховного Суда РФ в пп. 4, 5 постановления № 19 предписывает им учитывать всю совокупность обстоятельств, характеризующих поведение лица после совершения преступления, а также данные о его личности⁷⁰. В отличие от закрепленного в законе весьма сжатого операционального понятия деятельного раскаяния, содержание которого раскрывается в выполнении определенных условий, доктринально оно толкуется более широко. Под ним понимается активное, осознанное поведение виновного вменяемого лица, установленного законом возраста привлечения к уголовной ответственности, утратившее общественную опасность в результате совершения действий, направленных на смягчение последствий преступления, перечисленных в ст. 75 УК РФ или тех из них, которые оно с учетом конкретных обстоятельств имело объективную возможность совершить. Это осознание причин совершения преступления, пагубности стремления к преступному результату, сожаления о содеянном и обещание изменить свое отношение к тем сторонам действительности, которые послужили основой для формирования личностного смысла преступного поведения [4. С. 135]. В науке прочно сформировалось мнение, что раскаяние – это прежде всего позитивное постпреступное поведение, предусмотренное законом в качестве основания для смягчения уголовного

⁷⁰ Постановление Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

наказания или для полного освобождения в некоторых случаях от уголовной ответственности и наказания [5. С. 417]. Для точного понимания выражения «поведение человека» необходимо обратиться к психологии. В ней оно объясняется, как имеющее природные предпосылки, но по своему содержанию социально обусловленное, опосредованное языком взаимодействие с окружающей средой, реализуемое в форме деятельности и общения [6. С. 637]. Более упрощенно «поведение» означает способность действовать в направлении сознательно поставленной цели, преодолевая при этом внутренние препятствия, связана с наличием воли [7. С. 290]. По мнению выдающегося российского психолога С.Л. Рубинштейна, сознательный человек, приступая к действию, отдает себе отчет о последствиях, которые повлекут за собой осуществление стоящей перед ним цели, а также о мотивах, побуждающих его к этому действию. Поражение отдельных участков головного мозга вызывает так называемые апраксиические расстройства – расстройства сложного волевого действия [8. С. 587–612]. Между тем у лиц, перечисленных в ч. 1 ст. 433 УПК РФ, воля подавлена психическим расстройством.

Изучение правоприменительной практики показывает, что суды активно прекращают уголовные дела за деятельным раскаянием в отношении невменяемых, невзирая на их нуждаемость в постоянном медицинском наблюдении из-за опасности для себя и других, то есть реальной угрозы совершения ими повторных злодеяний.

Изложенное дает основание резюмировать, что прекращение уголовных дел по основаниям, предусмотренным ст. 25, 25.1, 28 УПК РФ, в отношении лиц, перечисленных в ч. 1 ст. 433 УПК РФ, противоречит духу и букве закона. Испытывая психический недуг, они не способны осознавать характер совершаемых действий и руководить ими, понимать последствия преступления, сознательно изменять отношение к содеянному и потерпевшему, уяснить порядок и последствия прекращения уголовного преследования, включая конфискацию имущества. Если такие лица по своему психическому состоянию представляют опасность для себя или окружающих,

то прекращая производство о ПММХ по нереабилитирующим основаниям, суд фактически отказывает им в необходимой и своевременной, хотя и принудительной, медицинской помощи, не защищает их от собственного общественно опасного поведения и возможного негативного воздействия на иных лиц.

Библиографический список

1. Бриллиантов А.В. Освобождение от уголовной ответственности: с учетом обобщения судебной практики : научно-практическое пособие. – Москва : Проспект, 2014. – 112 с.
2. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование : научно-практическое пособие / под ред. А.В. Галаховой. – М. : Норма, 2014. – 735с.
3. Уголовное право России : в 2 т. / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М. : Норма; Инфа-М, 2010. – 930 с.
4. Психология человека от рождения до смерти. Психологический атлас человека / под. ред. А.А. Реана. – М. : АСТ; СПб. : Прайм-еврознак, 2010. – 651с.
5. Современный психологический словарь / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – М. : АСТ; СПб. : Прайм-еврознак, 2007. – 490 с.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб. : Питер, 2010. – 713 с.

Фетищева Лидия Михайловна,

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики ФКОУ ВО «Пермский институт
ФСИН России», г. Пермь*

СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЁННЫХ СОТРУДНИКАМИ УИС РОССИИ

Преступления, совершенные в области коррупции в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) создают большой общественный резонанс в обществе. Учитывая, что охрану исправительных учреждений обеспечивают сотрудники УИС, лица, отбывающие наказание, стараются склонить данных сотрудников к коррупционным преступлениям, чтобы получить определенные блага. Эти обстоятельства обуславливаются различными факторами, такими как:

- криминальная среда в местах лишения свободы;
- желание осужденных «откупиться» от юридической ответственности за совершения преступлений в стенах исправительного учреждения;
- желание осужденных получить запрещенные в учреждениях УИС предметы и вещества;
- низкая заработная плата сотрудников и др.

Расследование коррупционных преступлений, совершенных сотрудниками УИС, затрудняется различными условиями режима учреждения и отбывания уголовного наказания осужденных в местах лишения свободы. Но это обстоятельство не изменяет определенного порядка выдвижения общих и частных версий, планирования проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, при расследовании данного вида преступлений. Именно поэтому высокие моральные и профессиональные качества сотрудников УИС

могут предупредить и предотвратить в исправительных учреждениях преступления и правонарушения коррупционной направленности. Знание особенностей криминалистической методики расследования коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками УИС, способствует быстрому и качественному раскрытию и расследованию уголовного дела сотрудниками предварительного расследования. Вышеперечисленные обстоятельства определяют актуальность и значимость данной статьи.

Ключевым объектом криминалистического исследования данного вида общественно опасного деяния является личность преступника. Данный элемент также обладает собственными проблемными аспектами, такими как обширный диапазон лиц, которые могут быть признаны преступниками. Это выражается тем, что состав субъекта должностных преступлений в сфере коррупции наиболее обширен и разнообразен, что его называет ловля не в представление данного элемента криминалистической характеристики. Также особые проблемы возникают и в понимании, какие именно сведения следует собирать о личности преступника. В первую очередь к этим сведениям можно отнести:

- сведения о доходах данного должностного лица и членов его семьи. В данную категорию следует относить саму заработную плату, иные денежные средства в виде за вознаграждение за какую-либо деятельность, иные виды доходов:

- сведения об имеющемся недвижимом имуществе;
- сведения об имеющемся движимом имуществе;
- сведения о денежных средствах, находящихся на вкладах в банковских учреждениях;

- определенная информация о существующих вкладах в банковских организациях, обладание ценными бумагами и иными видами активов, которые находятся в собственности преступного лица либо членов его семьи;

- сведения о различных денежных обязательствах правонарушителя и членов его семьи;

- сведения об иных видах расходов⁷¹.

Следующей составляющей личности преступника являются его общедемографические сведения о личности. Помимо вышеуказанных данных, анализу подлежат различные психологические либо биологические сведения, характеризующие личность правонарушителя.

Еще одной категорией, которая также наиболее важна для криминалистической особенности указанного вида преступлений, является информация о его социальных связях:

- информация о членах семьи, родственниках и близких друзьях;
- информация о его соучастниках;
- информация о сослуживцах и многих других видах сведений.

Помимо вышесказанного следует указать, что коррупционные преступления обладают повышенным уровнем латентности, то есть не все осуществляемые сотрудниками УИС коррупционные общественно противоправные деяния могут быть обнаружены и расследованы. Данное явление наносит огромный ущерб доверию и престижности в обществе служебной деятельности в пенитенциарной системе⁷².

Особенность выявления и расследования общественно опасных деяний коррупционной направленности определена тем, что основные данные и основной размер фактических сведений, которые применяются при их доказывании, обнаруживаются и закрепляются, как принцип, еще до принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела⁷³. Описывая при этом понимание раскрытия общественно опасных деяний, принося при этом согласие с различными научными исследователями, подчеркнем, что оно предполагает собою длящийся процесс от выявления самого факта содеянного

⁷¹ *Халиков А.Н.* Оперативно-розыскная деятельность по борьбе с коррупционными преступлениями, совершаемыми должностными лицами органов власти. М. : РИОР, 2020. С. 35.

⁷² *Чуйко С.С.* Личность преступника как элемент криминалистической характеристики коррупционных преступлений в УИС // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика : сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции. Рязань, 2023. С. 265.

⁷³ *Потанов И.Н.* Выявление и раскрытие преступлений коррупционной направленности, совершаемых в негосударственном секторе экономики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 168.

правонарушения или действий по ранее известному (зарегистрированному) правонарушению, но реализованному в обстоятельствах неочевидности, когда предстоит определить субъект, его совершивший, а также до этапа судебного решения по делу⁷⁴. Обнаружение и расследование предполагают собою разнообразные процессы, исполняемые различными субъектами и в различных целях, при этом в одинаковой мере направленные на поиск важных данных.

Расследование общественно опасных деяний коррупционной направленности начинается с обнаружения прецедентов, которые могут подтвердить совершение данного преступного деяния, и построения следственных ситуаций совершенного деяния. Одной из наиболее важных составляющих криминалистической характеристики указанного вида преступления является личность самого преступника. Поэтому с самого начала начинаются действия правоохранительных органов, нацеленные на получение данных о личности преступника и лиц, сопричастных к реализации противозаконного деяния.

Затем выстраиваются следственные ситуации, которые зависят от профессионализма и навыков сотрудников предварительных расследований. Данные ситуации обладают разнообразием, которые выражаются в конкретных действиях сотрудников отдела охраны, а также своевременностью производства неотложных следственных действий и различных форм взаимодействия между следователем, проводящим расследование, и оперативным сотрудником.

К сожалению, все следственные действия мы не сможем рассмотреть подробно в данной статье, а раскроем их лапидарно. Первым следственным действием, при совершении коррупционных преступлений сотрудников отделов охраны, является проведение осмотра места происшествия. При этом сотрудники предварительного расследования должны организовать осмотр места происшествия, взаимодействуя с оперативными сотрудниками ФСИН России и МВД России. Их действия, как правило, фиксируются различными техническими средствами и прилагаются к протоколу осмотра.

⁷⁴ Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М. : Инфра-М, 2014. С. 21.

В ходе задержания подозреваемого следователь должен реализовать такое следственное действие, как освидетельствование, при котором фиксируется наличие люминисцентных частиц на руках сотрудника УИИ. Это необходимо в том случае, если предмет коррупционной направленности был обработан люминисцентными карандашами или порошком.

После этого проводится еще одно из главных следственных действий по данной категории преступлений – это допрос потерпевшего. При реализации данного следственного действия следует уточнить различные условия совершения взятки, такие как:

- размер взятки;
- условия, при которых взятка была дана;
- сроков ее выплаты;
- цель её получения;
- будет ли реализованы какие-либо угрозы в отношении потерпевшей стороны.

Должностным лицам органов предварительного расследования не следует также забывать и о том, что потерпевшая сторона могла быть осведомлена о незаконной деятельности преступной стороны. Именно по данной причине сотрудники правоохранительных органов вправе задавать различные прямые вопросы, которые касаются информации:

- о прошедших обращениях в правоохранительные органы по данному вопросу;
- о возможном конфликте между потерпевшей и преступной сторонами;
- сведений о различных очевидцах незаконной деятельности.

Помимо этого, не стоит забывать, что потерпевшая сторона могла просто вымогать денежные средства у подозреваемого, что также влияет на производство допроса потерпевшего. В то же время при производстве допроса не стоит отрицательно настраивать потерпевшую сторону в отношении сотрудников правоохранительных органов. Для этого данному лицу можно сказать, что информация

собирается для реализации различных проверочных действий в ходе дальнейшего расследования уголовного дела⁷⁵.

В окончании нашей статьи хочется привести несколько практических примеров совершения сотрудниками УИС коррупционных преступлений. Например, период с января 2022 года по февраль 2024 года начальник кустовой инспекции технического надзора ГУФСИН России по Челябинской области совместно со своим подчиненным предоставляли в бухгалтерию ГУФСИН России недостоверные отчетные документы о месте и стоимости проживания в период служебных командировок в УФСИН России по Курганской области. Материальный ущерб составил 132,0 тыс. рублей⁷⁶.

Другой пример. Начальника ИК-10 по Пермскому краю привлекли к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 160 УК РФ, к 3 годам лишения свободы условно. Он растратил более 2 миллионов рублей за сбыт пиломатериалов, производящихся в колонии⁷⁷. Еще одним примером совершения коррупционных преступлений служат случаи привлечения к уголовной ответственности начальников ИК-37 и ИК-29 по Пермскому краю. Данные начальники обвиняются в получении взятки в особо крупном размере⁷⁸.

Исходя из вышеизложенного, мы делаем вывод, что несмотря на частые случаи привлечения сотрудников УИС России к уголовной ответственности и проведения профилактических мероприятий в данном направлении, указанные сотрудники продолжают совершать данные преступления. При таких обстоятельствах значимым

⁷⁵ Долинин В.Н. Особенности тактической операции «задержание с поличным» при расследовании взяточничества // Российский юридический журнал. 2015. № 3. С. 175.

⁷⁶ Письмо от 03.05.2024 исх-65/ТО/27-8764 «Анализ данных о совершенных личным составом уголовно-исполнительной системы Российской Федерации правонарушений» (текст опубликован не был).

⁷⁷ Экс-начальник пермской ИК-10 получил три года условно за растрату. URL: <https://ria.ru/20241104/rastrata-1981800220.html> (дата обращения: 08.11.2024).

⁷⁸ Что известно об арестованных начальниках пермских колоний. URL: <https://ura.news/articles/1036288628> (дата обращения: 08.11.2024).

условием, характеризующим результат расследования преступлений коррупционной направленности в пенитенциарной системе, считается способность следователя грамотно исследовать и произвести оценку сформировавшейся по уголовному делу следственной ситуации и профессиональное проведение следственных действий. Это содействует полноте, а также правильности версий, выставляемых при расследовании уголовного дела⁷⁹.

Хомяков Эдуард Геннадьевич,

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный
университет», г. Ижевск*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА ЗА ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Профессиональные оценки и заключения судебных экспертов играют решающую роль в правосудии, влияя на итоги судебных разбирательств.

В статье 5 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» говорится о том, что «нарушение закона при осуществлении судебно-экспертной деятельности недопустимо и влечет за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации».

Среди различных видов ответственности судебного эксперта, предусмотренных законодательством Российской Федерации, особый интерес вызывает ответственность за заведомо ложное заключение эксперта. Когда эксперт предоставляет заведомо ложное заключение,

⁷⁹ Крюков В.В. Исходные следственные ситуации при расследовании должностных преступлений коррупционной направленности // Российский следователь. 2010. № 23. С. 6.

это может привести к серьезным последствиям как для конкретного дела, так и для общества в целом; подобное заключение является нарушением законодательства и профессиональной этики, а также подрывает доверие к судебной системе.

Ответственность за заведомо ложное заключение судебного эксперта предусмотрена в соответствующих нормативно-правовых актах: в Уголовном кодексе (УК) Российской Федерации (статья 307), в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (статья 17.9), в Налоговом кодексе Российской Федерации (часть 2 статьи 129).

В статье 8 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» говорится о том, что «заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных».

При этом Пленум Верховного Суда Российской Федерации в одном из своих постановлений разъяснил, что «заведомо ложные заключение или показание эксперта, показание специалиста... в суде либо в ходе досудебного производства (статья 307 УК РФ) заключаются, в частности, в таких умышленных действиях, как... неправильное отражение экспертом в заключении результатов проведенного исследования, а также в бездействии в тех случаях, когда, например, специалист или эксперт в ответах на поставленные им вопросы не сообщают (умалчивают) о существенных для дела обстоятельствах, о которых им известно или которые были установлены ими в ходе исследования...» [1, п. 23].

Анализируя статистику по регистрации преступлений, предусмотренных статьей 307 УК РФ, можно отметить, что в отношении судебного эксперта как специального субъекта данного состава преступления статья практически не работает. Это связано прежде всего с ее бланкетным составом (содержанием). В данной статье, в УК РФ в целом не раскрывается понятие «заведомо ложное заключение

эксперта», не раскрывается оно и в других российских нормативно-правовых актах. Попытку разъяснения данного понятия в вышеуказанном постановлении Пленума Верховного Суда РФ [1] следует признать неудачной.

В феврале 2024 года по итогам онлайн-конференции судебных экспертов, принявших участие в обсуждении проекта федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», среди прочего предложена редакция термина «заведомо ложные заключение эксперта или показания эксперта», которым может считаться «заключение, сформулированное, в частности, на основе умышленных действий, таких как искажение специалистом в своих показаниях действительных обстоятельств, имеющих значение для доказывания, неправильное отражение экспертом в заключении результатов проведенного исследования, искажение переводчиком смысла переведенного текста, а также в бездействии в тех случаях, когда, например, специалист или эксперт в ответах на поставленные им вопросы не сообщают (умалчивают) о существенных для дела обстоятельствах, о которых ему известно или которые были установлены им в ходе исследования, либо когда переводчик осуществляет неполный перевод» [2].

Расплывчатость существующих формулировок понятия «заведомо ложное заключение эксперта» и отсутствие механизмов доказывания умысла в действиях судебного эксперта требуют как более четкого его разъяснения, так и разработки соответствующей методики расследования соответствующих преступлений, предусмотренных статьёй 307 УК РФ.

В качестве одного из вариантов заведомо ложное заключение эксперта можно рассматривать как умышленное искажение или фальсификация результатов экспертного исследования, представленное в виде выводов, которые не соответствуют действительности, но были подготовлены экспертом с осознанием их ложности; а также как умышленное введение суда или иного органа, в производстве которого находится дело, в заблуждение относительно результатов исследования, произведенного экспертом.

Инициаторами возбуждения уголовного дела по рассматриваемому основанию могут выступать: суд и прокуратура, выявившие искажения фактов в заключении эксперта; стороны процесса (истец, ответчик, защита, обвинение); правоохранительные органы (согласно статье 151 УПК РФ).

Одним из способов оценки заключения эксперта на предмет его ложности является повторная экспертиза, которая может проводиться комиссией независимых экспертов, не связанных с первоначальным исследованием. В рамках повторной экспертизы должны быть проанализированы исходные данные на предмет их достоверности (например, произведена оценка подлинности объектов экспертизы и образцов для сравнительного исследования), изучены примененные экспертные методики, полнота и обоснованность выводов; при необходимости отдельные этапы исследования воспроизводятся в аналогичных условиях для подтверждения или опровержения первоначальных выводов.

В обязательном порядке должна быть установлена специальная субъектность лица, выступающего в качестве судебного эксперта. При этом компетентность лица как судебного эксперта должна быть подтверждена документально. Безусловно, именно надлежащая компетентность судебного эксперта является основным критерием объективности его заключений [3, 4, 5].

В качестве свидетелей в ходе расследования могут быть допрошены руководитель и иные сотрудники судебно-экспертного учреждения, в котором судебный эксперт состоял в штате в период подготовки соответствующего экспертного заключения.

В целом для усиления доверия к институту судебной экспертизы требуется внесение изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации, а также создание федеральной системы контроля за деятельностью судебных экспертов. Кроме того, для повышения эффективности правоприменения необходимо либо внести изменения в действующий Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности», либо предусмотреть в его новой редакции четкое разъяснение понятия «заведомо ложное заключение судебного эксперта».

Библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420839/ (дата обращения: 10.03.2025).
2. Отзыв профессионального сообщества судебных экспертов на проект Федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». – URL: https://exprus.ru/conference-10-feb-2024?utm_source=ok.ru&utm_medium=social&utm_campaign=22.02.2024 (дата обращения: 10.03.2025).
3. Парамонова Л.Ф. Определение компетентности судебного эксперта в рамках уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 2 (75). – С. 198–208. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28983037_91743447.pdf (дата обращения: 10.03.2025).
4. Навасардов Н. Компетентность эксперта как один из ключевых факторов. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kompetentnost-eksperta-kak-odin-iz-klyuchevykh-faktorov/> (дата обращения: 10.03.2025).
5. Ершов О., Ефименко Е. Минюст признал неквалифицированным автора десятков экспертиз. – URL: <https://pravo.ru/story/242269/> (дата обращения: 10.03.2025).

Шайхутдинова Надежда Павловна,

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры экологического,
трудового, административного права, основ права
и российской государственности ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», г. Ижевск*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАБОТОДАТЕЛЯ ПРИ ПРИЗНАНИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА ТРУДОВЫМ

Одной из главных проблем в регулировании наемного труда является проблема разграничения трудового договора и договора гражданско-правового характера. Правовая природа указанной проблемы связана прежде всего с тем, что в том и другом случае в правовом отношении участвуют субъекты по поводу использования труда, где труд рассматривается как индивидуально или общественно полезная деятельность человека, реализующего свой умственный и физический потенциал ради получения материальных и духовных благ.

В отличие от трудового договора, где правом регулируется живой процесс труда, то есть общественные отношения, представляющие собой взаимосвязь людей по поводу использования рабочей силы, гражданско-правовой договор, связанный с выполнением работ или оказанием услуг, предусматривает наличие результата труда, в том числе овеществлённого характера. Заключение гражданско-правового договора с исполнителем вместо трудового договора с работником потенциальному работодателю значительно выгоднее, поскольку это связано с отсутствием обязанности предоставления государственных гарантий и экономией финансовых средств: нет необходимости создавать рабочее место, осуществлять социальное страхование, предоставлять и оплачивать ежегодные отпуска, производить доплаты за работу при отклонении от нормальных условий труда (сверхурочная работа, работа в ночное время, в выходные

и нерабочие праздничные дни, периоды простоя и приостановления работы и т.д.), а также предоставлять время для исполнения государственных обязанностей, участия в мероприятиях по социальному партнерству, для профсоюзной и иной общественной работы. К тому же гражданско-правовой договор носит, как правило, срочный характер, что также позволяет работодателю, выступающему в роли заказчика, гибко и на свое усмотрение планировать сроки на выполнение работ или оказание услуг исполнителю. Как известно, заключение срочного трудового договора между работодателем и работником возможно только в строго определенных случаях, предусмотренных трудовым законодательством, например статьей 59 Трудового кодекса Российской Федерации [1] (далее – ТК РФ). Превосходство гражданско-правового договора над трудовым для работодателя также видится в том, что на договор гражданско-правового характера не распространяются государственные гарантии по оплате труда работников, что позволяет работодателю устанавливать вознаграждение независимо от минимального размера оплаты труда, учета индексации заработной платы, регулярности не менее двух раз в месяц выплаты денежного вознаграждения, платы времени простоя и установления нормирования труда. Преимущество гражданско-правового договора над трудовым договором работодателя усматривают также в том, что гражданско-правовой договор можно расторгнуть в одностороннем порядке, отказавшись от исполнения договора, оплатив уже выполненную работу с возмещением расходов исполнителю. Трудовой договор же можно расторгнуть только в определенных случаях, предусмотренных ТК РФ.

В случае заключения гражданско-правового договора, фактически регулирующего трудовые отношения между работником и работодателем, часть четвертая статьи 5.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) предусматривает наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 10000 до 20000 рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, – от 5000 до 10000 рублей; на юридических лиц –

от 50000 до 100000 рублей [2]. Более суровое наказание предусматривается в случае совершения такого правонарушения лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное правонарушение, и может выразиться в виде дисквалификации для должностных лиц на срок от одного года до трех лет, а для юридических лиц предусматривается штраф в размере от 100000 до 200000 рублей согласно частям четвертой и пятой статьи 5.27 КоАП [2].

Трудовое законодательство предусматривает прямой запрет на заключение гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения, о чем указано в ч. 2 ст. 15 ТК РФ [1].

Признать гражданско-правовой договор трудовым можно как во внесудебном, так и в судебном порядке. Внесудебный порядок признания гражданско-правового договора трудовым, согласно статье 19.1 ТК РФ, предусматривает возможность его переквалификации самим работодателем, выступающим в качестве заказчика по гражданско-правовому договору, на основании обращения работника, являющегося стороной исполнителя, или на основании предписания Государственного инспектора труда. Судебный порядок предусматривает непосредственное обращение исполнителя по гражданско-правовому договору либо направление материалов (документов) Государственной инспекцией труда или иными уполномоченными на то органами. Исключительно судебный порядок признания отношений, возникших на основании договора гражданско-правового характера, трудовыми предусматривается только в случае, когда указанные отношения уже прекращены. С заявлением в суд может обратиться бывший исполнитель по гражданско-правовому договору в соответствии с частью второй статьи 19.1 ТК РФ в порядке и сроки, которые предусмотрены для рассмотрения индивидуальных трудовых споров [1].

В случае признания гражданско-правовых отношений трудовыми трудовой договор должен быть заключен в течение трех рабочих дней со дня признания этих отношений трудовыми в соответствии со статьей 67 ТК РФ [1].

Признание гражданско-правовых отношений трудовыми влечет для работодателя обязательность оформления всех необходимых по трудовому законодательству документов. В числе таких документов трудовой договор, оформленный и подписанный сторонами в двух экземплярах; штатное расписание с внесенными изменениями, если в нем отсутствует соответствующая должность по трудовой функции работника; приказ о приеме на работу, если его издание предусмотрено локальными актами работодателя; дополнение к графику отпусков; трудовая книжка с внесенными записями, если на работника она ведется в бумажной форме, а также иные локальные нормативные акты, действующие у работодателя и касающиеся работника. Кроме того, работодателю следует подать новые и скорректировать ранее поданные необходимые сведения в Социальный фонд России по единой форме «Сведения для ведения индивидуального (персонифицированного) учета и сведения о начисленных страховых взносах на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (ЕФС-1)» согласно требованиям трудового законодательства [1] и законодательства о персонифицированном учете [3].

Вместе с тем при признании гражданско-правового договора трудовым работодатель обязан произвести доначисление страховых взносов и налогов, предусмотренных действующим законодательством по отношению к работникам. В частности, налог на доходы физических лиц, взносы на обязательное пенсионное страхование, обязательное медицинское страхование, страхование на случай временной нетрудоспособности и материнства, страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. За неуплату указанных налогов и страховых взносов законодательством о налогах и сборах предусмотрена административная ответственность работодателя, о чем указано в статьях 75, 122, 123 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) [4].

При наличии оснований для выплаты работнику недополученных сумм за весь период работы по договору гражданско-правового характера, если бы в указанный период работник работал по трудовому договору, работодатель обязан выплатить их за каждый месяц

работы по гражданско-правовому договору с учетом фактически отработанного времени и не ниже минимальной заработной платы в регионе, где трудился работник. При этом необходимо учесть все компенсационные выплаты, если работа производилась в условиях, отклоняющихся от нормальных (работа в выходной или нерабочий праздничный день, сверхурочная работа, работа во вредных или опасных условиях, в районах Крайнего Севера и местностях к ним приравненных и других случаях).

В случае невыплаты или неполной выплаты заработной платы и других причитающихся работнику выплат, осуществляемых в рамках трудовых отношений, в установленный срок, а также при установлении размера заработной платы меньше минимального размера оплаты труда, в том числе в субъекте, где трудится работник, предусмотрена административная ответственность в виде предупреждения или наложения штрафа на должностных лиц в размере от 10000 до 20000 рублей, на индивидуальных предпринимателей – от 1000 до 5000 рублей, а на юридических лиц – в размере от 30000 до 50000 рублей, если данное правонарушение совершено впервые. В случае, если такое правонарушение совершено не впервые, то размер штрафа увеличивается и составляет для должностных лиц от 20000 до 30000 рублей или дисквалификацию на срок от одного года до трех лет, для индивидуальных предпринимателей – от 10000 до 30000 рублей, а для юридических лиц штраф составляет от 50000 до 100000 рублей, согласно части шестой и части седьмой статьи 5.27 КоАП РФ [2].

Библиографический список

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.12.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 01.04.1996 № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системах обязательного пенсионного страхования и обязательного социального страхования» (ред. от 25.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024, с изм. от 21.01.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

Клинецов Андрей Борисович,

*старший преподаватель кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск*

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ

В финансово-правовой науке вопрос о финансово-правовой ответственности среди ученых всегда был и остается дискуссионным и значимым. Разновидностью такой ответственности является банковско-правовая и бюджетно-правовая ответственность.

В случае нарушения кредитной организацией федеральных законов, издаваемых в соответствии с ними нормативных актов и предписаний Банка России или допущения бюджетных нарушений участниками бюджетного процесса к ним вправе применяться предусмотренные статьей 74 Закона о Центральном банке Российской Федерации и, соответственно, статьей 306.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации меры государственного принуждения.

Федеральным законом от 23.07.2013 № 252-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» введены новые главы – 29-я, посвященная общим положениям о бюджетных нарушениях и применении бюджетных мер принуждения, и 30-я, закрепляющая виды бюджетных нарушений и бюджетные меры принуждения, применяемые за их совершение. Глава 28 БК РФ утратила силу. Новая редакция части четвертой БК РФ не использует такие понятия, как ответственность и правонарушение.

Проблемы отдельных видов юридической ответственности актуальны и в настоящее время. Значительный вклад в разработку теории юридической ответственности внесли О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский, О.Э. Лейст, Д.А. Липинский, Н.С. Малеин, И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшин и др. По мнению ученых, правонарушение является основанием юридической ответственности, где особое значение имеет его состав. Состав правонарушения – это фактическое основание юридической ответственности, а норма права – правовое основание, без которого юридическая ответственность немыслима [1. С. 591].

Таким образом, основанием для привлечения к ответственности, в частности к бюджетной, является нарушение положений бюджетного законодательства (бюджетное правонарушение). Однако следует отметить, что редакция части четвертой БК РФ 2013 года «Бюджетные нарушения и бюджетные меры принуждения» не содержит таких понятий, как «бюджетное правонарушение» и «ответственность», которые могли бы указать на то, что за бюджетные правонарушения Бюджетным кодексом установлена юридическая ответственность.

Рассмотрим субъективную сторону бюджетного нарушения. Субъективной стороной бюджетного нарушения или субъектами «бюджетной ответственности», согласно статье 306.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации, являются коллективные субъекты – участники бюджетного процесса, наделенные статусом финансового органа, главного распорядителя бюджетных средств, распорядителя бюджетных средств, получателя бюджетных средств, главного администратора доходов бюджета, главного администратора источников финансирования дефицита бюджета.

Участники бюджетного процесса не обладают полной правосубъектностью, поскольку это органы государственного управления. К таким субъектам фактически не применяются указанные в статье 306.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации бюджетные меры принуждения. Следует отметить, что часть 3 статьи 306.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации не относит бюджетные меры принуждения к мерам ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации.

Из правовой доктрины следует, что меры юридической ответственности выполняют карательную, компенсационную или превентивную функции.

Е.С. Алексеева считает, что к таким лицам бессмысленно применять карательные меры воздействия. Не имеет смысла и применение к ним мер, которые имеют компенсационный характер, так как участники бюджетного процесса являются органами публичной власти, казенными учреждениями, функционирующими за счет средств бюджета. Любое имущественное взыскание повлечет имущественные потери не для субъекта ответственности, а для соответствующего бюджета из-за перемещения денежных средств из одного бюджета в другой бюджет [2].

Субъективная сторона в рамках теории бюджетно-правовой ответственности не имеет однозначного понимания, но при этом необходимость ее учета при совершении правонарушения не вызывает сомнений у большинства исследователей-правоведов.

По мнению Е.Г. Васильевой, субъективная сторона бюджетных правонарушений характеризуется психологическим отношением субъекта к противоправным действиям (бездействию) и их последствиям. Однако законодатель прямо не определяет такой признак правонарушения, как виновность субъекта, но его вина предполагается [3].

Как полагает Д.Л. Комягин, бюджетная ответственность представляет собой ответственность не просто без вины, но вовсе без отвечающего лица [4. С. 105].

Под правонарушением понимается противоправное, общественно опасное виновное деяние, за совершение которого законом установлена ответственность, и наказание возможно только в рамках привлечения к юридической ответственности, а санкции выступают в качестве мер ответственности.

Предполагается, что мерами ответственности являются юридические санкции.

За бюджетные нарушения в качестве мер юридической ответственности применяются бюджетные меры принуждения.

В части 2 статьи 306.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации перечислены следующие бюджетные меры принуждения:

- бесспорное взыскание суммы средств, предоставленных из одного бюджета бюджетной системы Российской Федерации другому бюджету бюджетной системы Российской Федерации;
- бесспорное взыскание суммы платы за пользование средствами, предоставленными из одного бюджета бюджетной системы Российской Федерации другому бюджету бюджетной системы Российской Федерации;
- бесспорное взыскание пеней за несвоевременный возврат средств бюджета;
- приостановление (сокращение) предоставления межбюджетных трансфертов (за исключением субвенций).

Юридическая ответственность предусматривает установленный законом порядок привлечения к ответственности.

Частью 1 статьи 306.2 Бюджетного кодекса предусмотрено, что бюджетная мера принуждения за совершение бюджетного нарушения применяется на основании уведомления о применении бюджетных мер принуждения органа государственного (муниципального) финансового контроля.

Положениями части 1 и 3 статьи 306.1 Бюджетного кодекса определено, что меры принуждения применяются к участнику бюджетного процесса, указанному в п. 2.1 статьи 266.1 Бюджетного кодекса, к которым отнесены в том числе финансовые органы и органы государственных внебюджетных фондов.

Из положений статьи 306.3 Бюджетного кодекса следует, что решение о применении бюджетных мер принуждения принимают финансовые органы (органы управления государственными внебюджетными фондами), которое затем для исполнения передается Федеральному казначейству, финансовому органу субъекта Российской Федерации (муниципального образования), органу управления государственным внебюджетным фондом.

Из приведенных норм следует, что финансовые органы в отношениях по применению мер принуждения могут быть как субъектами ответственности, к которым применяют меры принуждения, так и органами, принимающими и исполняющими решение о применении указанных мер принуждения. Что фактически приводит к конфликту интересов участников и нарушению принципов финансовой деятельности.

Появление в бюджетном законодательстве норм, регулирующих применение мер государственного бюджетного принуждения за совершение бюджетных нарушений, возвело эти положения в некоторой научной и учебной литературе в отдельный правовой институт «бюджетной ответственности».

По мнению автора, бюджетная, банковская, налоговая и другие виды финансовой ответственности в целом не имеют самостоятельного значения.

Правовой доктриной определено, что юридическая ответственность выражается в трех видах: уголовно-правовой, административной либо гражданско-правовой. Специфические санкции, которые предусмотрены в бюджетном и банковском законодательстве, выступают не иначе как меры по восстановлению законности нарушенных бюджетных и банковских правоотношений.

Такие меры, как взыскание суммы нецелевого использования бюджетных средств, пени за просрочку возврата кредита, многими авторами рассматриваются как правовосстановительные или компенсационные. Все эти меры следует рассматривать как формы государственного принуждения (особые бюджетные полномочия), но не как новый вид юридической ответственности.

Бюджетный кодекс закрепляет правовые основы порядка и условий привлечения к ответственности за нарушения бюджетного законодательства. В то же время привлечение к указанной выше ответственности не отнесено к бюджетным правоотношениям.

Бюджетным нарушением признается совершенное высшим исполнительным органом субъекта Российской Федерации (местной администрацией), финансовым органом (органом управления государственным внебюджетным фондом), главным администратором

(администратором) бюджетных средств, государственным (муниципальным) заказчиком:

1) нарушение положений бюджетного законодательства Российской Федерации и иных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения;

2) нарушение положений правовых актов, обуславливающих публичные нормативные обязательства и обязательства по иным выплатам физическим лицам из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, формирование доходов и осуществление расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации при управлении и распоряжении государственным (муниципальным) имуществом и (или) его использовании, повлекшее причинение ущерба публично-правовому образованию;

3) нарушение условий договоров (соглашений) о предоставлении средств из бюджета;

4) нарушение условий государственных (муниципальных) контрактов.

Следует подчеркнуть ограниченный и исчерпывающий перечень лиц, которыми могут быть совершены бюджетные нарушения.

Бюджетные меры принуждения за совершение бюджетного нарушения применяются на основании уведомления органа государственного (муниципального) финансового контроля.

Бюджетные меры принуждения применяются на основании уведомлений органов финансового контроля в адрес финансовых и других органов, которые представляют собой обязательный к рассмотрению документ, содержащий основания для применения бюджетных мер принуждения.

Главой 30 Бюджетного кодекса установлены следующие виды бюджетных нарушений: нецелевое использование бюджетных средств; невозврат либо несвоевременный возврат бюджетного кредита; неперечисление либо несвоевременное перечисление платы за пользование бюджетным кредитом; нарушение условий предоставления бюджетного кредита.

При ознакомлении с главой 29 «Общие положения о бюджетных нарушениях и применении бюджетных мер принуждения» Бюджетного кодекса возникают вопросы об отнесении бюджетных нарушений к правонарушениям, и для каких целей применяются бюджетные меры принуждения.

Как полагает Д.Л. Комягин, отношения, связанные с привлечением к ответственности за нарушения бюджетного законодательства (иначе – охранительные отношения, связанные с применением бюджетных мер принуждения) не отнесены к бюджетным правоотношениям. Таким образом, юридическая ответственность бюджетным законодательством устанавливаться не может [4. С. 106].

Так что же представляют собой меры принуждения, применяемые к отдельным участникам бюджетного процесса, допустившим бюджетные нарушения?

На сайте Минфина России опубликован подготовленный Правительством Российской Федерации проект нового Бюджетного кодекса в редакции от 7 февраля 2018 года.

Из пояснительной записки к проекту Бюджетного кодекса следует, что проект Бюджетного кодекса разработан в соответствии с программой повышения эффективности управления общественными (государственными муниципальными) финансами на период до 2018 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 года № 2593-р и государственной программой Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 320.

В приведенной записке указано, что данным законопроектом предполагается также совершенствование применения мер принуждения и понятийного аппарата, необходимого для квалификации нарушений.

Из законопроекта следует, что часть четвертая нынешнего БК РФ «Бюджетные нарушения и меры принуждения» исключена. Указанные положения данной части вошли в статью 286 «Исполнение уведомлений о применении бюджетных мер принуждения»

Главы 33 «Результаты государственного (муниципального) бюджетного контроля» Раздела IX «Государственный (муниципальный) бюджетный контроль». В указанной статье закреплён порядок применения специальных полномочий органами государственного (муниципального) контроля и финансовыми органами по применению мер принуждения, соответствующих выявленному нарушению.

Таким образом, учитывая изложенное, автор полагает, что меры государственного принуждения не являются мерами юридической бюджетно-правовой ответственности и представляют собой особые специальные государственные полномочия, направленные на восстановление установленного бюджетным законодательством правопорядка в бюджетных отношениях, существовавшего до совершения бюджетного правонарушения.

Библиографический список

1. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – 3-е изд, перераб, и дом [Книга]. – М : Норма: НИЦ ИНФРА, 2013. – 640 с.
2. Алексеева Е.С. Проблемы реализации ответственности за нарушение бюджетного законодательства [Электронный ресурс] // Lex Russica. – ноябрь, 2017. – № 11(132), – С. 58–65.
3. Васильева Е.Г. Бюджетно-правовая ответственность в РФ: проблемы правового регулирования и реализации // Финансовое право. – 2015. – № 9 – С. 14–18. Режим доступа: СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 15.01.2025).
4. Комягин Д.Л. Бюджетная ответственность // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2014. – № 4. – С. 98–107.

Лушников Павел Викторович,

*старший преподаватель кафедры теории и истории
государства и права ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный
университет», г. Ижевск*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОЛЛЕКТИВНЫХ СУБЪЕКТОВ ПРАВА

Правовая доктрина рассматривает коллективных субъектов права как участников правоотношений, они присутствуют во всех отраслях российского права. Понимание коллективных субъектов права необходимо для правового регулирования общественных отношений с их участием и для повышения эффективности правового воздействия. Общим для регулирования поведения коллективных субъектов является то, что законодатель придает коллективу людей признаки самостоятельного субъекта права.

Выделяют следующие признаки субъекта права: индивидуализация, самостоятельность (автономность), наличие воли (способности формировать и выражать свою волю), вменяемость и осознанность поведения, наличие интересов, возможность реализовывать и защищать их, наличие достаточного уровня социального развития для того, чтобы быть способным приобретать, реализовывать и соблюдать права и обязанности.

Исходя из представления психологии, социологии, а также из собственных научных наблюдений, прихожу к выводу о том, что у коллектива есть следующие основные признаки: общая картина мира и ценности, совпадающие интересы, цели и задачи, наличие внутренней вертикальной и горизонтальной структур (иерархия и гетерархия), наличие общего пространства, осуществление совместной деятельности для достижения своих целей и задач, свои правила внутреннего и внешнего поведения, наличие и использование общих ресурсов.

Исходя из этих признаков, можно выделить основную характеристику коллектива – общность (мировоззрения, интересов, целей, задач, пространства, деятельности, правил поведения, ресурсов). Еще одним признаком является обособленность – отграничение от индивидов и других коллективов и осознание своих возможностей и невозможностей (ограничений).

Применительно к правовой сфере можно говорить, что коллектив как общность людей вбирает в себя часть правосубъектности ее членов, при этом правосубъектность членов коллектива ограничивается, но сохраняется.

Коллектив можно рассмотреть и как систему. В системологии основными элементами системы являются: масса, энергия и информация. Полагаю, что применительно к социальным системам эти признаки можно понимать таким образом. **Масса** – это сама коллективность (то есть наличие более двух человек). **Информация** – сведения, которые циркулируют в системе и используются для ее функционирования. Информацию разделяю на базовую, текущую, вспомогательную. *Базовая* – картина мира, *текущая* – используемая в коммуникациях, *вспомогательная* – необходимая для создания, использования, обмена, понимания, сохранения базовой и текущей информации. **Энергия** – это «движение» к системе. Движение проявляется в коммуникациях. «Движение» предполагает коммуникативные процессы, происходящие в коллективе и с коллективом, а также явления, которые придают жизнь системе. Сюда отношу *внутренние и внешние коммуникации* – взаимосвязи, средства взаимосвязи, наличие коммуникативной среды. Полагаю, что еще одним элементом социальной системы можно считать **ресурсы**. К основным социальным ресурсам можно отнести имущество, свободное время, избыточные (свободные) денежные средства, знания-умения, устойчивые социальные связи. Ресурсы условно можно разделить на материальные и нематериальные. Материальные ближе к «массе», нематериальные ближе к «информации» и к «энергии». Материальные ресурсы необходимы для «физической» жизнедеятельности системы. Информация может рассматриваться как ресурс, необходимый для правильной деятельности и функционирования системы.

Энергия системы также обеспечивается использованием *нематериальных ресурсов*, необходимых для осуществления человеческой деятельности (свободное время, воля, мотивация поведения, знания и умения и др.). Ресурсы могут накапливаться и сохраняться.

Коллективный субъект в праве нужен для двух основных целей правового регулирования.

1. *Для регулирования процесса объединения людей для совместной деятельности и использования общих ресурсов.*

Объединение предполагает осознание общих целей, их декларирование, определение форм и порядка взаимодействия, определение общих ресурсов, способов их накопления и порядка их использования. Все эти действия могут порождать споры, что в конечном счете требует правового регулирования.

2. *Для определения субъекта ответственности за результаты коллективной деятельности.*

Привлечение к ответственности коллективов обосновывается следующими причинами:

1. Трудность определения лица, принимающего решение в некоторых коллективах. Коллективное принятие решения делает сложным выявление конкретного лица, которое принимало решения.

2. Определение виновного лица. Коллективное исполнение решений делает невозможным определить степень участия членов коллектива в деятельности и выявить конкретное лицо, которое воплощало в жизнь принятые в коллективе решения, то есть определило юридически значимое для всего коллектива поведение или создало юридически значимые последствия. Особенно это сложно делать тогда, когда правонарушения совершаются действиями на нескольких управленческих уровнях коллектива.

3. Сложная внутренняя среда. Низкий уровень правосознания, нигилизм членов коллектива может приводить к тому, что внутри коллектива появляются свои асоциальные правила поведения, и формируется атмосфера пренебрежительного отношения к исполнению правовых требований. Ярким примером этого является криминальная культура с ее антисоциальными ценностями.

Субъектами юридической ответственности признаются коллективные образования, как имеющие статус юридического лица, так и не имеющие такового, но обладающие правосубъектностью, то есть способностью иметь и осуществлять юридические права и обязанности (непосредственно или через своих представителей), то есть выступать субъектом правоотношений, включая правоотношения юридической ответственности. Ответственность для коллективного лица обусловлена совершением правонарушения физическим лицом (или несколькими физическими лицами), связанным с соответствующим коллективом (трудовыми отношениями, членством, финансовым участием, фактическим участием). Такие правонарушения совершаются физическими лицами от имени юридических лиц, за их счет либо для их выгоды. В этом случае коллективное лицо является бенефициаром, получающим денежные или иные выгоды от совершения правонарушений⁸⁰.

Пониманию юридической ответственности коллективных субъектов может помочь применение метода научного моделирования. Этот метод позволит увидеть модели правового регулирования, свойственные для разных отраслей права, выявить аспекты юридической ответственности.

Произведем моделирование оснований юридической ответственности – правонарушений, совершаемых коллективами. Анализ законодательства показывает, что существуют следующие базовые основания ответственности коллективных субъектов:

- несоблюдение внутренних правил коллектива;
- несоблюдение внешних для коллектива правил – законодательно установленных требований, условий договора;
- получение незаконной выгоды для всего коллектива или его части;

⁸⁰ См.: Федоров А.В. Новая криминализация: уголовная ответственность юридических лиц // Российский следователь. 2024. № 10 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.01.2025); Федоров А.В. Скандинавские модели уголовной ответственности юридических лиц: общее и особенное в национальных законодательствах // Российский следователь. 2024. № 9 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.01.2025).

– невыполнение коллективом обязанностей, которые повлекли причинение вреда и ущерба – как внутри (членам коллектива), так и снаружи (другим коллективам и индивидам).

Отсюда можно выделить такие модельные основания формирования составов правонарушений, совершаемых коллективными субъектами:

Внутренние нарушения:

– нарушения правил управления: нарушение процедуры принятия решения, выполнение управленческих функций в отношении неподотчетных членов коллектива и др.;

– нарушение правил взаимодействия между членами: нарушение иерархии и гетерархии, использование негодных способов обмена информацией и др.;

– нарушения требований безопасности: не соблюдение конфиденциальности, нарушение требований техники безопасности и др.

Внешние нарушения:

– при взаимодействии с государством, его органами и должностными лицами, в том числе нарушение требований государства, вторжение в область исключительной компетенции;

– при взаимодействии с другими коллективами: не исполнение обязательств, вторжение в сферу деятельности и управления другими коллективами, причинение ущерба и др.;

– при взаимодействии с индивидами (клиентами и др.): не исполнение обязательств и причинение ущерба, выполнение управленческих функций в отношении лиц, не являющихся членами коллектива.

Следующее направление моделирования направлено на определение оснований признания коллектива субъектом юридической ответственности.

Рассуждая об ответственности коллективов, А.Ф. Федоров указывает, что «имеют место две основные модели признания юридического лица субъектом уголовной ответственности:

1) когда уголовное преступление совершено в интересах юридического лица физическим лицом, действующим в своем личном качестве или в составе органа юридического лица и занимавшим руководящую должность в юридическом лице, в процессе:

- выполнения представительских функций от имени юридического лица (в том числе по доверенности);
- осуществления права на принятие решений от имени юридического лица;
- осуществления контрольных функций в рамках юридического лица;

2) когда вследствие отсутствия руководства или контроля со стороны вышеупомянутого физического лица появляется возможность совершения уголовных правонарушений в интересах соответствующего юридического лица физическим лицом»⁸¹.

Полагаю, что коллективную ответственность нельзя рассматривать в отрыве от индивидуальной ответственности членов коллектива. Поэтому нужно говорить о соотношении коллективной и индивидуальной ответственности. В законодательстве встречаются несколько моделей.

1. Коллектив «отделяется» (признается его автономность) от членов, и он несет ответственность самостоятельно. Например, юридическое лицо за нарушение договорных обязательств.

2. Каждый участник коллектива несет свою часть ответственности (если можно определить его степень, роль и форму участия, место в структуре управления). Например, участие в преступном сообществе.

3. Все члены коллектива несут ответственность – наказание накладывается не на коллектив, а к ответственности привлекаются все его члены. Солидарную или субсидиарную ответственность. Например, участники неформального объединения.

4. К юридической ответственности привлекаются коллектив и один из субъектов, осуществляющих активную деятельность или от имени, или в интересах коллектива.

⁸¹ Федоров А.В. Новая криминализация: уголовная ответственность юридических лиц // Российский следователь. 2024. № 10 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.01.2025).

Развивая данную классификацию, я выделил несколько моделей юридической ответственности коллективов:

1. *Все за одного (за нескольких)* – коллектив несет ответственность за правонарушения, совершенные его сотрудником (членом) или внутренними группами сотрудников (членов).

2. *Один (несколько) за всех* – один член коллектива (несколько членов) несет ответственность за деятельность всего коллектива. Руководство (единоличный или коллективный орган управления) несет ответственность за деятельность всего коллектива.

3. *Все за всех* – ответственность несут все члены коллектива (весь коллектив) за действия любого своего члена. Например, весь народ несет ответственность за решения, принятые демократическим большинством.

4. *Один (несколько) за одного* – это, по сути, ответственность индивида, а не коллектива. Пример, руководитель коллектива несет ответственность за действия конкретного члена коллектива, если не обеспечил надлежащие условия его деятельности и контроль за ними. Родитель несет ответственность за поведение своего ребенка.

5. *Каждый сам за себя*. Такая модель имеет два варианта. *Первый* – каждый член коллектива несет ответственность самостоятельно за свои действия (за свою долю участия в общих действиях), но то, что он является членом коллектива может служить квалифицирующим обстоятельством. Например, признание в качестве отягчающего обстоятельства совершение преступления в составе преступной группы. *Второй* – сам коллектив и кто-то из его членов несут ответственность за правонарушение одновременно. Так, например, к административной ответственности могут быть привлечены одновременно юридическое лицо и его сотрудник (должностное лицо).

Еще одним направлением моделирования является определение видов наказаний для коллективов. Анализ законодательства показывает, что есть определенные виды наказаний для коллективов, которые устанавливаются за разные наказания и в разных сочетаниях:

1. Запрещение быть коллективом и осуществлять коллективную деятельность:

- запрет определенного вида коллективов, с определенной идеологией или способом объединения;
- ликвидация коллектива – прекращение деятельности;
- запрет собираться вместе и/или осуществлять совместную деятельность;
- запрет определённой коллективной идеологии и ее пропаганды, запрет индивидуализации.

2. Изъятие или ограничение ресурсов:

- изъятие общих ресурсов;
- изъятие ресурсов членов коллектива;
- запрет формировать и накапливать общие ресурсы.

3. Возложение обязанности к определенному поведению:

- обязанность членами коллектива совершить определенные действия;
- обязанность воздержаться от определенных коллективных действий.

Различные сочетания указанных вариантов наказаний создают разные модели возложения наказания, которые соответствуют целям юридической ответственности: предотвращение совершения правонарушений, восстановление справедливости, предотвращение совершения правонарушений в будущем, восстановление нарушенных состояний (приведение в первоначальное состояние), возмещение причиненного ущерба и вреда. Как максимум – исключение субъекта из правовой жизни, как минимум – внушение субъекту желаемого поведения.

Проведя анализ коллектива с точки зрения теории систем, я выделил несколько моделей возложения наказаний на коллективный субъект как на систему. Такие модели можно описать исходя из способа воздействия на элементы социальной системы:

1. Коллектив:

- устранение коллективности – запрет быть коллективом: запрет быть членом, запрет набирать новых членов, запрет собираться в месте;
- ограничение коллективности: возложение дополнительных обязанностей: введение специальных условий для вступления или для нахождения в коллективе.

2. Информация:

- устранение или ограничение доступа к информации, используемой коллективом. Запрет собирать информацию необходимую для деятельности;
- запрет на название, обозначение и иные средства индивидуализации;
- запрет (замалчивание) или ограничение на распространение информация о существовании коллектива и о его деятельности;
- запрет или ограничение на формирование положительного образа (запрет распространять о коллективе положительную информацию, обязанность распространять негативную информацию).

3. Энергия (деятельность):

- устранение или ограничение деятельности: запрет осуществлять совместную деятельность, ограничение параметров деятельности (в пространстве, во времени и по кругу лиц);
- запрет или ограничение коммуникаций между членами коллектива.

4. Ресурсы:

- изъятие или ограничение общих ресурсов необходимых для деятельности;
- изъятие ресурсов у членов коллектива, необходимых для участия в коллективной деятельности;
- запрет накапливать ресурсы;
- ограничение возможности использования ресурсов.

Дополнительной проработки требует моделирование процесса выявления правонарушений, совершенных коллективными субъектами, и процесса привлечения их к юридической ответственности.

Подводя итог, можно сказать, что выявление признаков коллективных субъектов права, установление их элементов, моделирование их ответственности позволяет увидеть общие черты в правовом регулировании данного явления в разных отраслях права. И, как результат, позволяет определить общеправовые направления правового регулирования, а также создавать и использовать схожие модели идентификации, создания, деятельности и ликвидации коллективных субъектов, привлечения их к юридической ответственности. Это повысит качество и эффективность правового воздействия, сделает законодательство более понятным и системным.

Библиографический список

1. Федоров А.В. Скандинавские модели уголовной ответственности юридических лиц: общее и особенное в национальных законодательствах // Российский следователь. – 2024. – № 9 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.01.2025).
2. Федоров А.В. Новая криминализация: уголовная ответственность юридических лиц // Российский следователь. – 2024. – № 10 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.01.2025).
3. Самылов И.В. Понятие и система коллективных субъектов права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2009. – № 4 (6).

Соболев Сергей Владимирович,

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики Удмуртского государственного университета,
г. Ижевск*

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Успех расследования уголовных дел складывается и достигается качественным процессом организации и планирования предварительного следствия. Но если брать преступления, совершаемые несовершеннолетними, то расследование таких дел имеет свои особенности, что выделяет их, при разработке методик в качестве дополнительного объекта изучения в криминалистике.

В Удмуртской Республике на протяжении нескольких лет наблюдается снижение преступлений, совершенных несовершеннолетними преступниками. Так, в 2023 году зарегистрировано 397 преступлений, что на 24,2 % ниже, чем в 2022 году (в 2022 году – 524), при этом снизилось и количество тяжких и особо тяжких преступлений – со 190 до 105 (–44,7 %). Несовершеннолетними совершено 1 убийство (в 2022 – 1), 7 фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (в 2022 – 4), изнасилований не зарегистрировано (как и в 2022 году), совершено 3 разбоя (в 2022 – 1) и 17 грабежей (в 2022 – 37), 21 преступление, связанное с незаконным оборотом наркотиков (в 2022 – 62)⁸².

Снизилось число преступлений, совершенных несовершеннолетними, ранее совершавшими преступления, – 173 против 208 (–16,8 %); снизилось число преступлений, совершенных находившимися в состоянии опьянения, – 51 против 60 (–15,0 %)⁸³.

⁸² Вестник Следственного управления Следственного комитета РФ по УР за IV квартал 2023 года.

⁸³ Там же.

Во многом это благодаря мерам, принятым органами власти Удмуртии в отношении несовершеннолетних подростков. Для того чтобы предотвратить правонарушения среди несовершеннолетних или по отношению к ним, Законом Удмуртской Республики от 18.10.2011 № 59-РЗ «О мерах по защите здоровья и развития детей в Удмуртской Республике» были установлены ночные ограничения на нахождение детей без родителей на улицах и других общественных местах городов и поселков Удмуртии⁸⁴.

Закон затрагивает детей до 18 лет. В республике этот запрет назвали «комендантским часом», но закон направлен на повышение контроля родителей за своими детьми и ограждает родителей от неприятностей с правоохранительными органами.

Установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок производства по делам несовершеннолетних учитывает возрастные особенности этих лиц и их правовое положение (ограничение дееспособности, обязанности родителей, психологов, педагогов, адвокатов и т.д.). В связи с этим предусмотрены дополнительные гарантии установления истины по делу, охрана прав и законных интересов несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве⁸⁵.

Так, согласно п. 4 постановления Пленума Верховного суда РФ от 1 февраля 2011 года № 1 уголовные дела в отношении несовершеннолетних в судах как первой, так и второй инстанций должны рассматриваться наиболее опытными судьями. «Специализация судей по делам несовершеннолетних предусматривает необходимость обеспечения их профессиональной компетентности путем обучения и переподготовки не только по вопросам права, но и по вопросам педагогики, социологии, подростковой психологии, криминологии, виктимологии, применения ювенальных технологий, используемых

⁸⁴ О мерах по защите здоровья и развития детей в Удмуртской Республике : Закон УР от 18.10.2011 № 59-РЗ (принят Государственным Советом УР 27.09.2011) (Зарегистрировано в Управлении Минюста РФ по УР 08.11.2011 № RU18000201100669) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁵ Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.11.2024).

в рамках процессуального законодательства. В этой связи рекомендовать судам также внедрять современные методики индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними обвиняемыми и подсудимыми»⁸⁶.

Наблюдается рост общественной опасности преступлений, совершенных несовершеннолетними: дерзость, циничность, опасность для жизни и здоровья не только сверстников, но и взрослых. Отмечается своеобразность мотивации действий несовершеннолетних: проявления корысти, стремление обеспечить себя деньгами, ценными вещами, алкоголем и наркотиками, контроль определенной территории, чаще, где проживают подростки. В подростковой среде получили распространение совершенно новые и необычные для них преступления: участие в изготовлении, сбыте наркотиков, мошенничество и целый ряд других тяжких преступлений.

Поэтому необходимо проводить профилактику правонарушений несовершеннолетних, а именно, «основной задачей ранней профилактики правонарушений несовершеннолетних являются предупреждение и коррекция социальных отклонений и социальной дезадаптации детей и подростков, которые являются результатом неблагоприятного социального развития – социопатогенеза, обусловленного различными неблагоприятными факторами среды, воспитания, психобиологическими особенностями»⁸⁷.

В настоящее время ученые-криминалисты разрабатывают и апробируют эффективные методики расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, уделяя особое внимание вопросам организации расследования и планирования предварительного следствия, а также конкретных следственных действий.

⁸⁶ Пункт 4 постановления Пленума Верховного суда РФ от 1 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (с изм. на 28.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁷ Каневский Л.Л. Расследование и профилактика преступлений несовершеннолетних. М., 2006. 160 с.

Изменения в организации расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, обусловлены социально-психологическими особенностями указанных лиц, эти индивидуальности проявляются как при совершении ими противоправных деяний: способы совершения, мотивы преступления; так и в поведении в ходе предварительного следствия.

Возраст подростка влияет на его повышенную активность, что приводит к частым конфликтам, знакомству с неизвестными им лицами, независимо от возраста. Естественное стремление к самостоятельности может получить отрицательное развитие под влиянием среды, взрослых из числа антиобщественных элементов. Главное при рассмотрении личности несовершеннолетнего преступника – возраст. С этим связаны определенные биологические, психологические и психические изменения в структуре личности⁸⁸.

Криминалистически значимую информацию о навыковых свойствах преступника можно получить на первоначальном этапе расследования в результате проведения таких следственных действий, как осмотр места происшествия, допрос потерпевшего и свидетелей, производства экспертиз и др.⁸⁹.

Особое внимание при организации расследования необходимо обратить на контакт следователя с подозреваемым (обвиняемым), где нужно придерживаться нравственных и психологических норм, морали и уголовно-процессуального законодательства. Несовершеннолетний должен видеть, что следователь не забывает его, стремится установить истину, реагирует на просьбы. На подростков большое влияние оказывает обстановка места проведения следственных действий, внешний вид следователя и т.п. Установление психологического контакта – важный элемент расследования. Психологический

⁸⁸ Антонян Ю.М. Социальная среда и формирование личности преступника. М. : Редакционно-издательский отдел, 2010. 159 с.

⁸⁹ Курс лекций по криминалистике для бакалавров : учеб. пособие / М.К. Каминский, Н.И. Вытовтова, Г.Г. Камалова [и др.] ; под ред.: М.К. Каминского, А.М. Каминского. 2-е изд., испр. и доп. Ижевск ; Москва : Институт компьютерных исследований, 2015. С. 179.

контакт – это такое состояние расследования, когда участники уголовного судопроизводства, особенно при проведении следственных действий, проявляют интерес к общению, к обмену информацией. Для этого прежде всего нужно тщательно изучить личность подростка: увлечения, свойственные подростковым группам: музыка, кино, спорт, компьютерные игры и т.п. Для преодоления скрытности и упрямства подростка, манерами поведения следователя должны стать корректность, вежливость, убеждение совместно с терпением.

Рассматривая индивидуальные особенности несовершеннолетних, включенных в систему преступной деятельности, следователь должен иметь в виду, что личностные особенности данной категории лиц находятся в процессе развития и еще не до конца сформированы. И тем не менее это система социально-психологических свойств индивида, сформировавшихся в процессе его социализации и детерминировавших выбор им преступного способа удовлетворения своих потребностей, повлекших совершение преступления. Личностные особенности данной категории лиц обусловлены психофизиологическими и социокультурными факторами. Самосознание несовершеннолетних правонарушителей сводится к утверждению себя как личности в стихийно создаваемых группах подростков, называемых в социологии референтными⁹⁰.

При планировании расследования преступлений несовершеннолетних учитывается общий предмет доказывания вины, но особенно его детализация. Даже в случаях достаточно простой фабулы такие дела характеризуются большим объемом и трудоёмкостью следственных действий, это связано с групповым, как правило, характером большинства дел, с более широким кругом обязательных версий, с необходимостью реализации дополнительных процессуальных гарантий, с привлечением обязательных участников (родителей,

⁹⁰ Курс лекций по криминалистике для бакалавров : учеб. пособие / М.К. Каминский, Н.И. Выговтова, Г.Г. Камалова [и др.] ; под ред.: М.К. Каминского, А.М. Каминского. 2-е изд., испр. и доп. Ижевск ; Москва : Институт компьютерных исследований, 2015. С. 182.

педагогов и др.), необходимостью исследовать условия жизни подростка и его воспитания⁹¹.

Включение в план конкретных следственных действий и определение их сроков и очерёдности зависит от характера преступления и от тех исходных данных, которые были собраны к моменту возбуждения уголовного дела или наличествуют на данный момент ситуации. Однако при планировании следственных действий рекомендуется учитывать возраст подростков: определять очерёдность и тактику допросов, не забывать и о быстрой утомляемости несовершеннолетних и т.п.

Это определяет специфический круг вопросов, подлежащих выяснению в процессе расследования, что отражается в планах допроса по делам в отношении несовершеннолетних.

Приглашать родителей или заменяющих их лиц для участия в допросе несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), как правило, нецелесообразно: нередко они пытаются помешать ходу следствия, влияя на допрашиваемого. Последний в большинстве случаев испытывает в их присутствии стыд, отвлекается от задаваемых вопросов для того, чтобы следить за их реакцией, и т.д.

Допрос несовершеннолетних желательно начинать с выяснения условий жизни и воспитания, состава семьи, ее жилищных и материальных условий, бытового окружения и интересов свидетеля, его успеваемости, поведения в школе и дома. При этом необходимо устанавливать:

- сколько родителей у подростка – два, а если нет, как давно и по какой причине;
- кто занимается воспитанием подростка;
- характеристики его родителей, других членов его семьи (братья, сёстры и т.п.);

⁹¹ *Вергунова С.Н.* Уголовно-процессуальное положение несовершеннолетних при расследовании преступлений органами внутренних дел : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 23 с.

– каковы взаимоотношения в семье, нет ли источника антиобщественного воздействия;

– каковы материально-бытовые условия по месту проживания.

Существенное значение имеет ближайшее окружение подростка: знакомые, друзья, имеются ли среди них лица с уголовным прошлым, а также лица, ведущие аморальный образ жизни.

Необходимо выяснить, учится ли несовершеннолетний или работает, где именно, в качестве кого, каково его отношение к учёбе (работе), взаимоотношения с товарищами по учёбе (работе).

В ходе допроса сразу же должны пресекаться нецензурные выражения, циничные реплики, жаргон в адрес потерпевших и других участников расследования.

Допрос ведется в форме беседы, языком, доступным ребенку-подростку. Рассказ несовершеннолетнего не следует перебивать вопросами. Этим может быть нарушен ход его мыслей, что отрицательно скажется на полноте показаний.

Изучение личности подростка-нарушителя должно быть полным, всесторонним, по возможности с обязательным использованием помощи специалистов – психологов, психиатров, медиков и педагогов.

Для установления точного возраста несовершеннолетнего (число, месяц, год), могут быть направлены запросы в архивы по месту рождения, проживания или учёбы подростка, а в некоторых случаях назначение судебно-медицинской экспертизы. Она обязательна при отсутствии документов, подтверждающих возраст, и невозможности их получить. Экспертиза по установлению возраста способна установить год рождения (в этом случае за месяц и число рождения принимается 31 декабря) или указать возраст в пределах «от – до» (в этом случае за установленный принимается минимальный возраст).

Другой специфический вид экспертизы по делам, связанным с участием несовершеннолетних – судебно-психологическая. Необходимость назначения указанной экспертизы возникает, когда есть данные, что подросток развит слабее и, возможно, не осознавал в полной мере значения своих действий. Такое исследование может быть совмещено с психиатрической экспертизой, если эксперты обладают

специальными познаниями в области возрастных характеристик развития личности, или может быть назначена самостоятельная экспертиза, поручаемая специалистам в области педагогики или психологии.

По каждому делу рекомендуется выдвигать и проверять следующие версии:

- преступление совершено с участием взрослых подстрекателей или иных соучастников;
- преступление совершено группой подростков, ранее совершавших другие преступления.

Работая по данным версиям, следует учитывать необходимость выяснения различных вариантов. Например, подросток был на месте преступления, но активности не проявлял, или его принудили к совершению.

Особое внимание заслуживает позиция, которую занял подросток в ходе расследования: признал вину, желает взять все «на себя», полностью отрицает свое участие в преступлении или отказывается от дачи показаний. За этим могут стоять уговоры взрослых подстрекателей, «рекомендации» защитников и родителей, которые убеждают преступника, что ему по возрасту не грозит суровое наказание.

При планировании следует учитывать, что для выяснения обстоятельств совершенного преступления должны быть проведены и предусмотренные обязательные следственные и процессуальные действия: допросы, осмотр места проживания подростка, выемки и запросы необходимых документов, могущих дать нужные сведения для объективного расследования уголовного дела.

При расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, необходимо проводить анализ криминалистической информации, характеризующей преступление несовершеннолетних, где можно выделить следующие типичные ситуации:

1. При осмотре места преступления обнаружены и изъяты вещественные доказательства, указывающие на совершение преступления несовершеннолетними.
2. В ходе допросов потерпевшие и свидетели утверждают, что преступление совершено «несовершеннолетними»: во-первых,

они прямо указывают на конкретное лицо, во-вторых, ссылаются на внешний вид и поведение преступника.

3. Несовершеннолетний подозреваемый задержан на месте совершения преступления после его совершения или явился с повинной.

Направление расследования, характер и очередность следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий зависят от степени определённости собранной к этому времени информации.

Таким образом, организация и планирование расследования уголовных дел, совершенных несовершеннолетними, отличается от иных методик расследования тем, что их форма указывает на особенности субъекта преступной деятельности, предметов преступных посягательств, способов и орудий совершения преступлений.

Библиографический список

Нормативные акты

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001. № 174-ФЗ.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996. № 63-ФЗ.
3. Федеральный закон от 12.08.1995. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».
4. Закон Удмуртской Республики от 18.10.2011. № 59-РЗ «О мерах по защите здоровья и развития детей в Удмуртской Республике».

Материалы практики

1. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 01.02.2011. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».
2. Вестник Следственного управления Следственного комитета РФ по УР за IV квартал 2023 года.

Научная литература

1. Антонян Ю.М. Социальная среда и формирование личности преступника. – М. : Редакционно-издательский отдел, 2010. – 159 с.
2. Вергунова С.Н. Уголовно-процессуальное положение несовершеннолетних при расследовании преступлений органами внутренних дел : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – 23 с.

3. Каневский Л.Л. Расследование и профилактика преступлений несовершеннолетних. – М., 2006. – 160 с.

4. Курс лекций по криминалистике для бакалавров : учеб. пособие / М.К. Каминский, Н.И. Вытовтова, Г.Г. Камалова [и др.] ; под ред.: М.К. Каминского, А.М. Каминского. – 2-е изд., испр. и доп. – Ижевск ; Москва : Институт компьютерных исследований, 2015. – 331, [1] с.

Трищенко Андрей Анатольевич,

*старший преподаватель кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск*

ПОЗИТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧАСТНИКОВ ЗАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Как известно, залог является одним из традиционных, можно сказать, старинных способов обеспечения исполнения обязательств. Специфика залоговых правоотношений предполагает их сугубую вторичность. В то же время этот способ находится в центре внимания многих специалистов по цивилистике, поскольку считается достаточно эффективным инструментом защиты прав кредитора в основном обязательстве.

Юридическая ответственность предполагает негативный и позитивный аспекты⁹². Негативная юридическая ответственность связана с ретроспективной ситуацией. Авторы, в частности, ссылаются на мнение Н.И. Матузова, придерживающегося данного подхода, согласно которому ретроспективная ответственность вытекает из уже совер-

⁹² Шепелев Д.В. Юридическая ответственность: позитивный и негативный аспекты. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2003. № 4.

шенного правонарушения и сопряжена исключительно с отчуждением у правонарушителя благ⁹³. В то же время другие авторы считают, что ответственность имеет своего рода двусторонний диалектический аспект своего проявления, как специфическая правовая сущность. Когда в едином понятии сочетаются позитивный и негативный аспекты⁹⁴. Соответственно, позитивная юридическая ответственность считается куда более сложным правовым явлением, рассматривается как ответственность, реализуемая в перспективе.

Попробуем уяснить для себя определение позитивной ответственности. Оно является весьма дискуссионным. В литературе приводят мнения разных авторов. По поводу позитивной ответственности высказывались, в частности, М.С. Строгович, В.Н. Кудрявцев, Н.С. Малеин, Е.А. Носкова, В.В. Мальцев, В.А. Шабалин, Д.А. Липинский, И.Н. Сенякин, Б.Т. Базылев, Б.Л. Назаров, М.А. Краснов и многие другие. Краткий обзор точек зрения на сущность позитивной ответственности и соответствующих определений был дан Е.В. Лошенковой, которой была высказана ее собственная позиция, согласно которой суть позитивной ответственности состоит в обязанности не нарушать установленные запреты и действовать правомерно. Что, по ее мнению, прямо предполагается в самом понятии права как объективного социального явления⁹⁵. Поскольку такая обязанность – неперенный и определяющий признак объективного права. Говоря о праве, мы предполагаем субъективную обязательность его норм. В связи с этим автор задает резонный вопрос, стоит ли выделять, терминологически обособлять такую обязанность?⁹⁶ Исходя из этого, указанный автор приходит к выводу, что позитивная ответственность имеет неюридическую природу и представляет собою моральное, а не правовое явление⁹⁷.

⁹³ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : учебник. 4-е изд., испр. и доп. М., 2013. С. 453, 463.

⁹⁴ Шепелев Д.В. *Opus cit.* С. 143.

⁹⁵ Лошенкова Е.В. Позитивная юридическая ответственность: есть ли достаточные основания для ее признания? Актуальные проблемы права. 2007. № 7. С. 437–443.

⁹⁶ Там же. С. 438.

⁹⁷ Там же. С. 443.

Тот же Н.С. Малеин отмечает, что «если в содержание позитивной ответственности включаются права, обязанности, долг, компетенция, то при столь широком понимании позитивная ответственность утрачивает конкретность и, по существу, сливается с понятием права (осознанием права)»⁹⁸.

Как отмечает Д.А. Липинский, позитивная юридическая ответственность установлена законодательством и закреплена в нормативных правовых актах, где формализованы правила ответственного поведения⁹⁹. Анализируя его позицию, Д.В. Шепелев приводит пример позитивной юридической ответственности налогоплательщика, которую диктует ему осознание смысла предписания диспозиции нормы ст. 196 УК РФ или ст. 14.12 КоАП РФ, где санкция будет действовать через его правомерное поведение или правомерное поведение иных налогоплательщиков. Таковым поведением будет считаться модель поведения, при которой недопустимо банкротиться преднамеренно с целью уклонения от уплаты налогов, так как в противном случае за это последует применение санкций указанных норм¹⁰⁰. Этот же автор относительно ситуации позитивной ответственности такого особого субъекта, как арбитражный управляющий, высказывает мнение, согласно которому «позитивная юридическая ответственность как элемент финансово-правового статуса арбитражного управляющего требует от него осознать смысл предписания диспозиции нормы, и санкция будет действовать через его правомерное поведение»¹⁰¹.

Нас заинтересовал подход, согласно которому позитивная ответственность по сути своей – обязанность правомерного поведения

⁹⁸ Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 131.

⁹⁹ Липинский Д.А. Позитивная юридическая ответственность в системе юридической ответственности // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 3 (49). С. 10.

¹⁰⁰ Шепелев Д.В. *Opus cit.* С. 143.

¹⁰¹ Шепелев Д.В. *Opus cit.* С. 144.

субъекта¹⁰². Тот же Д.А. Липинский определяет юридическую ответственность (ее добровольную форму реализации) следующим образом: «юридическая обязанность соблюдения и исполнения требований, предусмотренных нормой права, реализующаяся в правовом поведении субъектом, одобряемом или поощряемом государством»¹⁰³.

Ключевые слова для понимания сути ситуации позитивной ответственности – поведение, одобряемое или поощряемое государством.

Применительно к залоговому правоотношению ситуация непростая. Ответственность в ситуации залога предполагается категорией, связанной исключительно с проблемами залогодателя, которые могут возникнуть у него в ситуации реализации залогового правоотношения при обращении взыскания на предмет залога. Соответственно, рассматривается всего лишь негативный аспект ответственности за совершенное правонарушение, а именно за нарушение прав залогодержателя, кредитора по залоговому обязательству.

Однако здесь присутствует важная составляющая позитивной ответственности. Прежде всего, предлагаемая залогодателю предпосылка к правомерному поведению. Соблюдению прав залогодержателя, стороны, по сути, уполномоченной на потенциальную возможность инициировать применение санкций.

В то же время в отношении стороны залогодержателя присутствует своя особая ситуация меры его правомерного поведения, предписанного государством.

Когда мы говорим о предписаниях государства, мы обычно предполагаем исключительно требования законодательства, позитивного права, выраженного в нормативных предписаниях законодательного характера. При этом имеет смысл помнить о том, что нормы толкования законодательных установлений находятся в руках судей. Которые фактически могут устанавливать свои особые требования к правомерности поведения участников правоотношений, вводя

¹⁰² Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1999. С. 478.

¹⁰³ Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. СПб., 2003. С. 15.

своеобразные санкции на случай, если эта правомерность окажется, с точки зрения судей, толкующих законодательство, сомнительной.

Обратимся к действующему в сфере залоговых правоотношений постановлению Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 июня 2023 г. № 23 «О применении судами правил о залоге вещей»¹⁰⁴ (далее – Постановление).

Не секрет, что современное законодательство о залоге ввело особую возможность факультативных действий по регистрации залоговых правоотношений в добровольном порядке через нотариусов. С 2013 года в Основы законодательства о нотариате введена Глава XX.1. «Регистрация уведомлений о залоге движимого имущества»¹⁰⁵. Согласно этим нормам законодательства нотариусы ведут реестр уведомлений о залоге движимого имущества. Реестр предполагает сугубо добровольное внесение в него соответствующей информации. В то же время имеются и иные формы регистрации залоговых правоотношений, в частности регистрация в ЕГРН.

В указанном нами Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации несколько раз упомянуты весьма специфические особенности, которые судам необходимо учитывать при реализации залоговых правоотношений. Когда Верховный Суд России фактически вводит особые требования к правомерному поведению вовсе не залогодателя, а залогодержателя и даже третьего лица, связанного с предметом залога.

В п. 16 Постановления указано, что если в момент заключения договора, направленного на приобретение третьим лицом права на недвижимую вещь, в ЕГРН имеется запись о ее ипотеке, третье лицо, проявляя обычную степень осмотрительности, должно принять меры, направленные на получение дополнительной информации

¹⁰⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» // Российская газета. 10.07.2023. № 149.

¹⁰⁵ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 28.12.2024).

о юридической судьбе вещи и обеспеченного обязательства у залогодателя, известного ему залогодержателя (в частности уточнение срока исполнения обеспеченного обязательства и действия ипотеки, дача залогодателем согласия отвечать на иных условиях, обращение взыскания во внесудебном порядке, запрет последующей ипотеки и др.). В противном случае при возникновении спора третье лицо, заключившее сделку при наличии непогашенной записи об ипотеке на свой риск, не вправе ссылаться на то, что оно не знало или не должно было знать об условиях обременения, и в том случае, если отдельные сведения или изменения не были внесены в ЕГРН (пункты 3, 4 статьи 1 ГК РФ)¹⁰⁶.

Согласно п. 45 Постановления, при наличии в ЕГРН или реестре уведомлений сведений об ипотеке или о залоге, последующий залогодержатель, проявляя обычную степень осмотрительности, должен принять меры, направленные на получение дополнительной информации об условиях предшествующего залога у залогодателя, известного ему залогодержателя. В противном случае при наличии спора последующий залогодержатель, взявший вещь в залог на свой риск, не вправе ссылаться на то, что он не знал или не должен был знать об условиях, на которых допускается последующий залог (пункты 3, 4 статьи 1 ГК РФ)¹⁰⁷.

Согласно п. 46 Постановления в предшествующем договоре об ипотеке может содержаться запрет последующей ипотеки. Если последующий залогодержатель знал или должен был знать о таком запрете, то последующий договор об ипотеке может быть признан судом недействительным по иску залогодержателя по предшествующему договору, если последний докажет, что оспариваемый им последующий договор залога нарушает его права и законные интересы (абзац первый пункта 3 статьи 43 Закона об ипотеке). При наличии в ЕГРН сведений об ипотеке последующий залогодержатель не вправе

¹⁰⁶ Пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей».

¹⁰⁷ Пункт 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей».

ссылаться на то, что он не знал или не должен был знать о запрете последующей ипотеки (пункты 3, 4 статьи 1, статья 8.1 ГК РФ)¹⁰⁸.

С этим пунктом связан п. 47 Постановления. Старшинство залоговых прав, в силу абзаца третьего пункта 4 статьи 339.1, пунктов 1, 10 статьи 342.1 ГК РФ, определяется по общему правилу в отношении недвижимого имущества – в зависимости от момента регистрации обременения в ЕГРН, а в отношении залога на движимые вещи – в зависимости от момента учета залога, если не будет доказано, что последующий залогодержатель знал или должен был знать о возникновении не учтенного в реестре уведомлений залога на соответствующую движимую вещь в отношении иного залогодержателя¹⁰⁹.

Согласно п. 48 Постановления по смыслу статьи 341 ГК РФ, а также в соответствии с пунктом 3 статьи 11 Закона об ипотеке, если стороны заключили договор залога в целях обеспечения будущего обязательства, старшинство определяется датой регистрации обременения в ЕГРН либо уведомления о залоге в реестре уведомлений. Если на момент обращения взыскания последующим залогодержателем, действующим добросовестно, будущее обязательство так и не возникло, требования удовлетворяются без учета предшествующей записи о залоге в ЕГРН. Регистрационная запись об ипотеке в таком случае погашается одновременно с регистрацией права собственности приобретателя или залогодержателя, оставляющего предмет ипотеки за собой, в порядке, установленном Законом о регистрации (пункт 4 статьи 25 Закона об ипотеке). Последующий залогодержатель не может считаться добросовестным, если срок обращения взыскания по его залогу заведомо предшествует моменту, в который должно возникнуть обеспечиваемое обязательство по первоначальной записи о залоге при обычном течении ситуации¹¹⁰.

¹⁰⁸ Там же. П. 46.

¹⁰⁹ Там же. П. 47.

¹¹⁰ Пункт 48 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей».

То есть судебным толкованием законодательства о залоге введена трактовка степени правомерного поведения залогодержателя и третьего лица. По сути, этих субъектов правоотношений Верховный Суд Российской Федерации обязал в спорных ситуациях последующих залогов, старшинства залогов, осуществлять активные действия по поиску информации в ЕГРН и нотариальном реестре уведомлений о залогах движимого имущества. Получать выписки из реестров, чтобы подтвердить свою добросовестность и осмотрительность, под угрозой признания их недобросовестными и неосмотрительными, что ставит их формально правомерное поведение под угрозу судебной санкции в виде отказа в иске.

На наш взгляд, эту интересную ситуацию можно считать проявлением позитивной ответственности, установленной в виде вполне определенного активного поведения. Причем под угрозой санкции в виде отказа в защите прав этих лиц, несмотря на то, что их активные действия по поиску информации о залогах в соответствующих реестрах прямо не установлены действующим законодательством.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024).
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 28.12.2024).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» // Российская газета. – 10.07.2023. – № 149.
4. Липинский Д.А. Позитивная юридическая ответственность в системе юридической ответственности // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 3 (49).
5. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. – СПб., 2003.
6. Лошенкова Е.В. Позитивная юридическая ответственность: есть ли достаточные основания для ее признания? // Актуальные проблемы права. – 2007. – № 7.
7. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. – М., 1985.

8. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : учебник. – 4-е изд., испр. и доп. – М., 2013.

9. Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М., 1999.

10. Шепелев Д.В. Юридическая ответственность: позитивный и негативный аспекты // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2003. – № 4.

Брахим Хмаиддуш,

аспирант Института права, социального управления

и безопасности Удмуртского государственного университета.

Научный руководитель: Е.А. Ходырева, д.ю.н., доцент, профессор

кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «УдГУ»,

г. Ижевск

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОЙ РЕКЛАМЫ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КОРОЛЕВСТВА МАРОККО

В условиях неограниченного распространения электронной рекламы увеличиваются риски нарушения прав потребителей путем применения лжи и обмана, используемых рекламодателем. Информация в рекламном сообщении, доведенная до потребителя с помощью электронных средств, нередко вводит потребителя в заблуждение и убеждает его приобрести товар, даже если он не согласен с этим, не нуждается в нем, чем провоцирует иррациональное эмоциональное поведение, влияющее на вкусы потребителей в целом. Поэтому законодательные акты стремятся защитить гражданина через нормативные положения, гарантирующие свободное осуществление его прав и обеспечивающие удовлетворение его личных потребностей в наилучших возможных условиях как с экономической, так и с юридической точек зрения.

Российская Федерация урегулировала отношения индивида к индивиду и отношения индивида к обществу, создав набор правовых принципов и средств контроля, соблюдение которых требуется в рекламном процессе, чтобы быть юридически допустимым, что служит защите потребителя от вводящей в заблуждение рекламы, которая наносит вред ему и окружающим [1; 2]. Законодательное собрание Марокко также понимает угрозу, исходящую от электронной рекламы, и еще в 2011 году в целях достижения интересов всех участников рынка принимает Закон о защите прав потребителей № 31.08 [3]. Попытаемся определить, насколько эффективны инструменты и механизмы, утвержденные российскими и марокканскими законодателями для обеспечения защиты потребителей от вводящей в заблуждение и ложной электронной рекламы?

Для начала определимся с понятием вводящей в заблуждение электронной рекламы и методами, используемыми для введения в заблуждение. В соответствии с пунктом 1 части 2 статьи 5 закона «О рекламе» реклама, содержащая некорректные сравнения рекламируемого товара с находящимися в обращении товарами, произведенными другими производителями или реализуемыми другими продавцами, считается недобросовестной. Также, согласно части 7 статьи 5 закона «О рекламе», реклама, в которой отсутствует некоторая базовая информация о рекламируемом товаре, об условиях его приобретения или использования, не допускается, если смысл информации искажен, и потребители рекламы введены в заблуждение.

Что касается позиции марокканского законодателя, то мы обнаруживаем, что он до сих пор не рассматривал проблему рекламной дезинформации в специальном законе. И тот, кто ищет определение вводящей в заблуждение рекламы, будь то в обязательственном праве и контрактах или в марокканском законе о защите прав потребителей, почти не находит никакого определения, связанного с вводящей в заблуждение рекламой, и ссылается на главу 21 закона от 31.08. Однако марокканский законодатель косвенно говорит о понятии вводящей в заблуждение рекламы в статье 68 Закона № 03-77 об аудиовизуальной коммуникации, где в качестве таковой обозначается любая ложная или вводящая в заблуждение аудиовизуальная реклама,

содержащая ложные или вводящие в заблуждение заявления, в которых утверждения, формулировки заявлений или представления являются ошибочными или которые могут привести других к ошибкам [4].

К методам, используемым для введения в заблуждение в рекламе, можно отнести следующие:

- *Заявления об уникальности продуктов.* Например, когда коммерческая компания рекламирует производство товара или услуги, которые характеризуются особыми техническими характеристиками, недоступными в товарах других компаний. В то время как абсолютно ясно, что на рынке продается и предлагается потребителю более одного аналогичного продукта.

- *Тип торговли.* Например, зерноперерабатывающая компания утверждает, что она производит лучшие сорта пшеницы, выращенные в лучших местах в стране, а затем выясняется, что эта компания не производит упомянутую муку, а занимается помолом для другой компании. Поэтому у общественности создается впечатление, что цена низкая из-за типа торговли, осуществляемой рекламодателем.

- *Словесное использование цен.* Рекламодатели иногда используют определенные слова с особым значением, направленным на активизацию их производства, такие как установление особых условий (скидки или бесплатно). На самом деле такие предложения являются рекламной дезинформацией для потребителя, и нет никаких причин использовать такие слова.

- *Заявления экспертов и специалистов.* Рекламодатели в последнее время прибегают к привлечению внимания потребителей к продуктам, используя «звезд» общества для подтверждения того, что рекламируемое им является лучшим. Это является попыткой придать большее доверие к рекламному сообщению [5].

Поскольку рекламодатель может иногда прибегать к использованию методов, связанных с мошенничеством, обманом и дезинформацией, постольку защита потребителей в условиях электронной рекламы основывается на требованиях ясности рекламы и запрета рекламы, вводящей в заблуждение.

Требование о ясности электронной рекламы. Российское законодательство указывает, что электронные деловые операции и сопровождающая их реклама должны быть понятными, а при рекламе товаров и услуг через интернет-экран должен использоваться русский язык, и предоставляться потребителю четкая информация о предлагаемом продукте или услуге, позволяющая потребителю дать согласие на заключение договора (часть 11 статьи 5 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе»).

Пример практики: в одном деле суд определил, что фирменное наименование является средством индивидуализации юридического лица, поэтому указание в рекламе только части наименования финансовой организации без указания на организационно-правовую форму не может быть признано предоставлением потребителям надлежащей информации о лице, оказывающем финансовые услуги. «...В данном случае наименование кредитной организации – Сбербанк России, который является крупнейшей и широко известной кредитной организацией России, отражено в спорной рекламе в общеупотребительном, понятном для обычного потребителя виде...» [6].

В главе 65 закона 77.03 об аудиовизуальной коммуникации законодательное собрание Марокко устанавливает, что рекламные программы должны транслироваться на арабском, амазигском или марокканском диалектах, если они адресованы марокканской аудитории.

Поэтому российское и марокканское законодательство решили защитить потребителя, наказывая любого, кто пытается обмануть потребителя правдивостью информации о продаже или ее существенных качествах или публикует рекламу, которая может привести к созданию у потребителя ложного или вводящего в заблуждение впечатления.

Что касается запрета на использование рекламы, вводящей в заблуждение, то согласно части 9 статьи 9 закона РФ «О рекламе» не допускаются использование в радио-, теле-, видео-, аудио- и кинопродукции или в другой продукции и распространение скрытой рекламы, то есть рекламы, которая оказывает неосознаваемое потребителями рекламы воздействие на их сознание, в том числе такое воздействие путем использования специальных видеовставок

(двойной звукозаписи) и иными способами. Отечественный рекламный закон признает ненадлежащей рекламу, которая является недобросовестной и недостоверной. Недобросовестной рекламой является реклама, которая фактически является актом недобросовестной конкуренции, а недостоверной рекламой является реклама, которая содержит в себе любые недостоверные сведения, относящиеся к объекту рекламы и/или рекламодателю [7].

Ответственность за нарушение законодательства РФ о рекламе раскрыта в ст. 38 ФЗ «О рекламе». Нарушение физическими или юридическими лицами законодательства РФ о рекламе влечет за собой ответственность в соответствии с гражданским законодательством, а возникшие споры решаются в судах общей юрисдикции или арбитражных судах. Пример практики: Управление ФАС России по городу Москве (далее – истец) обратилось в Арбитражный суд города Москвы с иском к ООО «МВМ» (далее – ответчик) о публичном опровержении недостоверной рекламы... » [8].

Марокканское законодательство, со своей стороны, также стремится запретить вводящую в заблуждение рекламу, чтобы защитить потребителей. Закон о защите прав потребителей предусматривает запрет на использование вводящей в заблуждение рекламы в соответствии со статьей 21 Закона № 31.08 об определении мер по защите прав потребителей, где определено, что любая реклама в любой форме, которая включает, в частности, ложные претензии, заявления или предложения, запрещена.

Таким образом, гражданское законодательство обеих стран предусматривает несколько санкций, которые могут быть применены к вышеупомянутой ложной или вводящей в заблуждение рекламе, и применение этих санкций варьируется в зависимости от того, привела ли ложная или вводящая в заблуждение коммерческая реклама к заключению договора или нет. Защита потребителей перед лицом онлайн-рекламы требует разработки набора механизмов, которыми являются: введение цензуры в отношении электронной рекламы, предотвращение нежелательной и вводящей в заблуждение рекламы, в дополнение к необходимости обеспечения ясности электронной

рекламы. Данные, используемые в рекламе, должны быть ясными и достаточными для того, чтобы выразить рекламируемый продукт.

Следует отметить, что в Марокко, в отличие от Российской Федерации, отсутствуют специальные нормы об электронной рекламе, поэтому на последнюю распространяются положения и нормативные акты, касающиеся рекламы в целом, без указания используемых средств.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ (в ред. от 23.11.2024 № 411-ФЗ) Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 17.01.2025).

2. Федеральный закон «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1 (в ред. от 08.08.2024 № 232-ФЗ) Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 17.01.2025).

3. Закон Захира Шарифа № 1.11.03 от 18 февраля 2011 года о применении Закона № 31.08 О мерах защиты прав потребителей (в ред. от 21.12.2020 № 1.20.85). Режим доступа: <https://adala.justice.gov.ma/resources/867/> (дата обращения: 17.01.2025).

4. Закон Захира Шарифа № 1.04.257 от 7 января 2005 года о применении Закона № 77.03 Об аудиовизуальных средствах массовой информации (в ред. от 05.08.2021 № 1.12.12) Режим доступа: <https://adala.justice.gov.ma/resources/61/> (дата обращения: 17.01.2025).

5. Алаа Митеб Абу Кейф. Защита потребителей от вводящей в заблуждение электронной рекламы – сравнительное исследование [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mjle.journals.ekb.eg/article_340162.html/ (дата обращения: 17.01.2025).

6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.11.2016 № Ф04-4572/2016 по делу № А45-2281/2016. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/38096399/> (дата обращения: 18.01.2025).

7. Григорьев Д.А. Реклама, вводящая в заблуждение [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/4/24/reklama_vodyaschaya_v_zabluzhdenie (дата обращения: 18.01.2025).

8. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15 октября 2019 г. № А40-199745/19-12-1582 по делу № А40-199745/2019. Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/FmQpLGkqIAgR/> (дата обращения: 18.01.2025).

Белокрылова Евгения Владимировна,

*обучающаяся Ижевского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).
Научный руководитель: В.Ю. Войтович, д.ю.н., профессор кафедры теории и истории государства и права Ижевского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Ижевск*

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В последние годы значительно увеличилось количество решений судов, по которым необходимо обеспечивать принудительные встречи детей с родителями.

В случае неисполнения должником решения суда в добровольном порядке, судебный пристав-исполнитель имеет возможность составить административный протокол, предусмотренный частью 2 статьи 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3. С. 89].

Одной из проблем является применение ч. 2 ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: нарушение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних прав и интересов несовершеннолетних, выразившееся в лишении их права на общение с родителями или близкими родственниками, если такое общение не противоречит интересам детей, в намеренном сокрытии места нахождения детей помимо их воли, в неисполнении судебного решения об определении места

жительства детей, в том числе судебного решения об определении места жительства детей на период до вступления в законную силу судебного решения об определении их места жительства, в неисполнении судебного решения о порядке осуществления родительских прав или о порядке осуществления родительских прав на период до вступления в законную силу судебного решения либо в ином воспрепятствовании осуществлению родителями прав на воспитание и образование детей и на защиту их прав и интересов, влечет наложение административного штрафа в размере от двух тысяч до трех тысяч рублей [3. С. 89].

Согласно статье 55 Семейного кодекса Российской Федерации ребенок имеет право на общение с обоими родителями, дедушкой, бабушкой, братьями, сестрами и другими родственниками. Расторжение брака родителей, признание его недействительным или раздельное проживание родителей не влияют на права ребенка. Нарушение данного права несовершеннолетнего образует состав правонарушения рассматриваемой категории независимо от наличия судебного решения об определении порядка общения несовершеннолетнего с родителями [4. С. 24].

Вышеуказанные статьи регламентируют поведение родителей в период общения с ребенком, что порой затрудняет установление границ в ситуации, когда в ходе исполнения решения суда ребенок отказывается от общения с родителем, судебному приставу-исполнителю необходимо установить, обусловлен ли такой отказ поведением должника и его психологическим воздействием на ребенка, либо ребенок сам не желает встречаться с проживающим отдельно родителем.

Актуальность темы обусловлена важностью поддержания высокого уровня доверия к судебной системе. Несмотря на существующую нормативную базу, остаются проблемы в правоприменении и неопределенность критериев поведения родителей несовершеннолетних детей, зная о решении суда об определении порядка общения, родители, нарушают права и интересы несовершеннолетних путем лишения его права на общение с близкими родственни-

ками, тем самым родители совершают административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3. С. 89].

Правовое регулирование дисциплинарной ответственности родителей в Российской Федерации основано на ряде нормативных актов. Эти документы определяют принципы профессионального поведения административной комиссии и гражданских служащих.

Однако, несмотря на наличие нормативной базы, её практическое применение вызывает определенные трудности, связанные с оценочными категориями и недостаточной чёткостью критериев, выразившихся в лишении их права на общение с родителями или близкими родственниками.

Для повышения эффективности административной ответственности родителей необходимо рассмотреть возможность детализирования рассмотрения протоколов ч. 2 ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, также увеличить сумму штрафов для родителей [3. С. 89].

Ключевым аспектом регулирования данного вопроса является создание доступных каналов для обращения родителей и детей за помощью и поддержкой. Это могут быть горячие линии, центры социальной помощи, а также программы по работе со сложными семейными ситуациями. Формирование доверительных отношений между родителями и исполнителями судебных решений станет возможным благодаря открытости и готовности к диалогу со стороны органов власти.

Также следует обратить внимание на необходимость повышения информированности родителей о их обязанностях и ответственности в вопросах общения с детьми. Программы по просвещению могут способствовать уменьшению конфликтов и недопонимания между родителями, что, в свою очередь, поможет избежать правонарушений, предусмотренных ст. 5.35 [3. С. 89].

Важно дополнять правоприменительную практику рекомендациями по медиации в семейных делах, что позволит разрешать конфликты мирным путем. Таким образом, общение между детьми

и родителями будет происходить в более спокойной атмосфере, способствуя укреплению семейных связей и улучшению психологического климата.

Также важным шагом станет развитие межведомственного сотрудничества между судебными приставами, психологами и социальными работниками. Создание команд, где специалисты смогут обмениваться опытом и информацией, повысит эффективность работы и улучшит результаты для всех участников процессов. Это также создаст платформу для обсуждения и решения сложных кейсов, обеспечивая комплексный подход к каждому ребенку.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
2. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.12.2024).
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024).

Бикеева Шахноза Висанпашаевна,

*обучающаяся магистратуры Института частного права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА).*

*Научный руководитель: О.М. Родионова, профессор кафедры
гражданского права МГЮА имени О.Е. Кутафина, д.ю.н., доцент
г. Москва*

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В БАНКРОТСТВЕ И СТАТУС КОНТРОЛИРУЮЩЕГО ДОЛЖНИКА ЛИЦА: АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ И ПРАКТИКИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

Формирование института привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц началось в середине 2000-х годов. В 2009 г. в текст Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) внесено определение «контролирующего должника лица» (далее – КДЛ) [5].

В судебной практике по привлечению контролирующих лиц к субсидиарной ответственности за период с середины 2000-х гг. по 2017 г., с одной стороны, выработалось понимание квалифицирующих признаков, определяющих возможность возложения обязанности по возмещению убытков контролирующим лицом, сформулированы критерии противоправности действий руководителей.

При этом были обнаружены пробелы в законодательстве, что послужило причиной для его оптимизации. В Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях были внесены поправки посредством принятия Федерального закона от 29.07.2017

№ 266-ФЗ [4]. Подготовленные Правительством Российской Федерации новеллы можно без каких-либо оговорок рассматривать в качестве революционных. Ключевой их целью выступало расширение в процессе рассмотрения дела о банкротстве перспектив удовлетворения требований, включенных в реестр требований кредиторов. В первую очередь законодатель стремился защитить интересы кредиторов в лице налоговых органов.

При этом механизм привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц сохраняет свойства «высшей меры», поскольку применяется в исключительных случаях с целью восстановления нарушенных прав кредиторов (постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.02.2020 по делу № А40-203647/2015 [14], постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.01.2020 по делу № А56-66487/2010 [15], постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.04.2020 по делу № А40-103736/2016 [17]).

Рассмотрим и проанализируем подробнее внесенные в Закон о банкротстве изменения в части определения правовой природы субсидиарной ответственности в банкротстве и статуса контролирующего должника лица.

Сущность субсидиарной ответственности всякого рода заключается в том, что наряду с основным должником по обязательству назначается и дополнительное лицо – оно призывается к ответу в случае, если основной должник не способен удовлетворить требования кредитора [20].

Общая конструкция субсидиарной ответственности предусмотрена в статье 399 Гражданского кодекса РФ, в которую в 2015 году введен пункт 4 [1]. Данный пункт указывает на применение правил статьи 399 ГК РФ исключительно в случае, если законодательством не предусмотрен другой порядок привлечения к ответственности.

Тем не менее суды активно формировали практику по применению положений статьи 399 ГК РФ по отношению к контролирующим должника лицам (постановление АС Западно-Сибирского округа от 30.06.2022 № Ф04-5699/2019 по делу № А45-37243/2017 [12]).

Вслед за внесением законодателем «революционных» поправок Пленум Верховного Суда РФ разъяснил их применение в постановлении от 21.12.2017 № 53. Во всех ключевых его положениях прослеживается отсылка высшей судебной инстанции к нормам Гражданского кодекса РФ, регулирующим последствия совершения гражданско-правового деликта [19].

В пункте 6 рассматриваемого постановления Верховный Суд РФ проводит параллель со статьей 1080 ГК РФ, регламентирующей вопросы ответственности за совместно причиненный вред. Возлагая обязанность по возмещению убытков на бывшего руководителя, публично распространившего недостоверную информацию о финансовом состоянии должника, высшая судебная инстанция ссылается на статью 1064 ГК РФ. А в пункте 14 Верховный Суд РФ, разъясняя случаи включения расходов на проведение процедуры банкротства в состав субсидиарной ответственности, вновь обращается к статье 1064 ГК РФ, регулирующей общие основания ответственности за причинение вреда (деликт) [1].

В ходе разрешения дел о банкротстве Верховный Суд РФ также указывает на необходимость применения в субсидиарном порядке главы 59 ГК РФ, посвященной обязательствам из причинения вреда (определение Верховного Суда РФ от 16.12.2019 по делу № А04-7886/2016 [8]). Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ подтвердил применение главы 25 ГК РФ при привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности лишь в части, не противоречащей Закону о банкротстве [19].

По смыслу законодательства о банкротстве и изложенной Пленумом ВС РФ позиции в постановлении № 53 от 21.12.2017, привлечение контролирующего лица к субсидиарной ответственности наступает именно за его собственные виновные действия (бездействие) [19]. Фактически контролирующее лицо использует конструкцию юридического лица для совершения «манипуляций с его имуществом в целях ограничения своей ответственности» [2].

В этом заключается ключевое отличие сущности субсидиарной ответственности в банкротстве от общей конструкции статьи 399

ГК РФ. Следствием таких действий является причинение вреда кредитором, что выражается в невозможности полного удовлетворения их требования.

Правовую природу субсидиарной ответственности Верховный Суд РФ видит в том, что это «типизированный иск о возмещении причиненного вреда, возникшего у кредиторов в связи с доведением должника до банкротства. Выделение названного иска позволяет стандартизировать и упростить процесс доказывания» (определение Верховного Суда РФ от 03.07.2020 по делу № А40-203647/2015 [6]). Таким образом, по совокупному смыслу поправок 2017 года и разъяснений Верховного Суда РФ внесена ясность в сущность правовой природы субсидиарной ответственности при банкротстве. Критерии определения лица в качестве контролирующего должника также были значительно усовершенствованы в аспекте новелл. Они приведены в статье 61.10 Закона о банкротстве, в пункте 2 указанной правовой нормы рассматриваются случаи, когда становится возможным определять действия должника. Заслуживает внимания и п. 5 статьи 61.10, который предоставляет право суду признать лицо контролирующим не только при предусмотренных законом обстоятельствах, но и «по иным основаниям».

В пункте 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве законодатель вводит две презумпции – «контроль» и «распоряжение» [5]. Важно отметить, что доказыванию кредитором с целью добиться удовлетворения заявления о привлечении к субсидиарной ответственности подлежат оба факта в сочетании (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.11.2020 по делу № А60-50826/2016 [16]).

Содержание указанных презумпций заключается в том, что лицо являлось контролирующим должника, если оно являлось руководителем должника или его управляющей организацией, членом исполнительного органа должника, ликвидатором должника, членом ликвидационной комиссии; а также имело право самостоятельно либо совместно с заинтересованными лицами распоряжаться 50 % и более голосующих акций акционерного общества, или более чем половиной доли уставного капитала общества с ограниченной ответственностью, или более чем половиной голосов в общем собрании

участников юридического лица либо имело право назначать (избирать) руководителя должника.

При этом Конституционный Суд РФ в постановлении от 07.02.2023 № 6-П разъяснил: когда суд разрешает вопрос совершения контролирующим лицом противоправных действий, за которыми последовало причинение вреда кредитору, он может перераспределить бремя доказывания на ответчика лишь при установлении фактов хозяйственной деятельности должника, которые кредитору, как правило, не доступны [18].

Необходимо подчеркнуть, что законодатель признает номинального руководителя контролирующим лицом, поскольку «подобное поведение не означает потерю возможности оказания влияния на должника и не освобождает номинального руководителя от осуществления обязанностей по выбору представителя и контролю за его действиями (бездействием), а также по обеспечению надлежащей работы системы управления юридическим лицом (пункт 3 статьи 53 ГК РФ)» (постановление Пленума Верховного Суда РФ № 53 от 21.12.2017 [19]). Данного подхода придерживаются суды различных субъектов Российской Федерации (постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.10.2023 по делу № А45-13301/2020 [11], постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.04.2024 по делу № А40-107606/2021 [13]).

Дефиниция номинального руководителя приводится в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 – им является руководитель, формально входящий в состав органов юридического лица, но не осуществлявший фактическое управление [19].

В свете поправок Закону о банкротстве впервые стала известна также «презумпция выгоды», которая ранее отсутствовала как «де юре», так и «де факто». Указанная презумпция предполагает право суда привлечь к субсидиарной ответственности бенефициаров организации, то есть лиц, извлекающих реальную выгоду из незаконного или недобросовестного ее поведения. При этом сведения о них необязательно фигурируют в ЕГРЮЛ, поскольку они могут и не являться директором (учредителем).

Указанная новелла позволяет достичь «теневого бенефициара» сквозь «корпоративную вуаль», когда предпринимательская деятельность осуществляется посредством фиктивного документооборота [3]. В данном случае прибыль и ликвидное имущество сосредотачиваются на безрисковом юридическом лице («центр прибыли»), а долговая нагрузка аккумулируется на рисковом («центр убытков») – происходит перераспределение совокупного дохода, получаемого от осуществления данной деятельности лицами, объединенными общим интересом (к примеру, единым производственным и (или) сбытовым циклом). Именно в отношении «центра убытков» в последующем представляется заявление о банкротстве в суд (постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21.07.2021 по делу № А29-10924/2019 [10], определение Верховного Суда РФ от 03.08.2020 по делу № А14-7544/2014 [7]).

При этом Верховный Суд РФ в п. 7 постановления № 53 от 21.12.2017 разъясняет, что выгода должна быть существенной относительно масштабов деятельности должника и выражаться в увеличении (сбережении) активов, которое не могло бы образоваться, если бы действия руководителя должника соответствовали закону, в том числе принципу добросовестности. Границы существенности выгоды, однако, достаточно абстрактны и зависят от судейского усмотрения в каждом конкретном случае.

Важное толкование выгоды бенефициара от незаконного поведения должника по смыслу, придаваемому Законом о банкротстве, приведено Федеральной налоговой службой в письме от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ [9]. Высший налоговый орган под выгодой понимает всякое увеличение охраняемого законом материального или нематериального блага, любые благоприятные для КДЛ изменения в охраняемом законом благе, которое может быть как имуществом, так и неимуществом (нематериальным).

Рассуждая о способах получения выгоды, ФНС России приводит, к примеру, «тонкую капитализацию» (формирование уставного капитала путем заключения гражданско-правовых договоров); применение ценообразования, позволяющего выводить доходы в «центр

прибыли», а на балансе «центра убытков» отражать «нулевую» выручку; использование товарного потока с целью снизить налоговую нагрузку в рисковом предприятии до минимума.

В пункте 2.2. ФНС, ссылаясь на право суда привлечь лицо к субсидиарной ответственности по любым иным доказанным основаниям, в качестве таковых приводит неформальные личные отношения – сожительство, совместная служба (гражданская или военная) или обучение (одноклассники, однокурсники) на долговременной основе. Данные обстоятельства могут доказываться, в частности, сведениями, полученными в результате оперативно-розыскных мероприятий.

Новая редакция Закона о банкротстве в свете толкования ФНС России предусматривает возможность привлечения к субсидиарной ответственности лиц, в чьи должностные обязанности входили организация ведения бухгалтерского учета и хранения документов, а также непосредственное осуществление такого учета [9]. Это допускается в случае, когда указанная документация содержит недостоверные или неполные сведения либо вовсе отсутствует. По данному основанию можно привлечь в качестве ответчика не только бухгалтера, но и юрисконсульта в рамках его компетенций.

Таким образом, законодателем проанализирована правовая природа субсидиарной ответственности при банкротстве; определены признаки контролирующего должника лица; урегулирована возможность привлечения к субсидиарной ответственности «теневого бенефициара»; установлены презумпции «контроля и распоряжения» и «выгоды».

Ценность новелл Закона о банкротстве 2017 года для развития современной судебной практики трудно переоценить. Именно после введения столь кардинальных изменений в российское законодательство о банкротстве институт привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц утратил номинальную роль, а стал активно применяться судами и способствовать повышению уровня удовлетворенных требований кредиторов, оставаясь при этом, однако, исключительным и экстраординарным механизмом.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

2. Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. – 2014. – № 1.

3. Новокшонова Н.А. К вопросу о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в банкротстве // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – Т. 7, № 2. – С. 36–45.

4. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

5. О несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

6. Определение Верховного Суда РФ от 03.07.2020 № 305-ЭС19-17007 по делу № А40-203647/2015 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

7. Определение Верховного Суда РФ от 03.08.2020 № 310-ЭС20-6760 по делу № А14-7544/2014 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

8. Определение Верховного Суда РФ от 16.12.2019 № 303-ЭС19-15056 по делу № А04-7886/2016 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

9. Письмо Федеральной налоговой службы от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

10. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21.07.2021 № Ф01-1535/2021 по делу № А29-10924/2019 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

11. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.10.2023 по делу № А45-13301/2020 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

12. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30.06.2022 № Ф04-5699/2019 по делу № А45-37243/2017 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.04.2024 по делу № А40-107606/2021 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

14. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.02.2020 № Ф05-11415/2019 по делу № А40-203647/2015 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

15. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.01.2020 № Ф07-16615/2019 по делу № А56-66487/2010 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

16. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.11.2020 № Ф09-8660/18 по делу № А60-50826/2016 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

17. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.04.2020 № 09АП-2781/2020 по делу № А40-103736/2016 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданина И.И. Покуля» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (в актуальной редакции) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления 09.12.2024.

20. Церетели Я.Ш. Понятие и правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве // Молодой ученый. – 2022. – № 36 (431). – С. 149–151.

Бикеева Шахноза Висанпашаевна,

*обучающаяся магистратуры Института частного права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА).*

*Научный руководитель: О.М. Родионова, профессор кафедры
гражданского права МГЮА имени О.Е. Кутафина, д.ю.н., доцент
г. Москва*

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕДУРЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ АКТОВ В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ: АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ И ПРАКТИКИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

Институт привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц является относительно молодым для отечественного гражданского права, однако развивается весьма динамично, периодически претерпевая кардинальные изменения.

Применение положений о субсидиарной ответственности в сфере несостоятельности (банкротства) по замыслу законодателя должно способствовать защите интересов добросовестных участников гражданского оборота в лице кредиторов от последствий недобросовестного поведения лиц, прямо или опосредованно контролировавших организацию-должника таким образом, что это привело к его банкротству.

Грамотное функционирование правовых норм, регулирующих порядок привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, направлено на сохранение устойчивости гражданского оборота, а также на результативную защиту прав кредиторов. Порой субсидиарная ответственность представляется единственным эффективным правовым инструментом удовлетворения требований кредиторов при отсутствии имущества и иных активов у несостоятельной организации [3].

В Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях были внесены поправки посредством принятия Федерального закона от 29.07.2017 № 266-ФЗ [4]. Подготовленные Правительством Российской Федерации новеллы можно без каких-либо оговорок рассматривать в качестве революционных. Ключевой их целью выступало расширение в процессе рассмотрения дела о банкротстве перспектив удовлетворения требований, включенных в реестр требований кредиторов.

Данные статистики по рассмотренным делам о банкротстве за 2023 год, опубликованной Федресурсом, гласят следующее: 51 процент из поданных заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности повлекли за собой вынесение актов о привлечении (6 494 и 3 337 млрд рублей соответственно) [2]. Совокупный объем возложенной на контролирующих должника лиц ответственности составил 406,3 млрд рублей. При этом доля удовлетворенных требований реестровых кредиторов за 2023 г. составила 9,7 процента (из заявленных 3 055,0 млрд руб. кредиторы получили 297,1 млрд руб.).

В свою очередь, в 2017 году до вступления в силу рассматриваемых законодательных новелл лишь 5,5 процента требований кредиторов, включенных в РТК, были удовлетворены (105 млрд руб. из 5 323 млрд руб.). Размер субсидиарной ответственности контролирующих лиц был равен 103 млрд руб. За данный период рассмотрение 32,42 процентов заявлений кредиторов о привлечении к субсидиарной ответственности завершилось вынесением актов в их пользу [1].

Следует отметить, что принятые в Закон о банкротстве поправки значительно повысили эффективность механизма привлечения субсидиарной ответственности в делах о несостоятельности. Об этом свидетельствует тот факт, что доля удовлетворенных требований реестровых кредиторов выросла более чем в 1,7 раз по сравнению с показателями 2017 года.

Исходя из изложенного, значимая роль законодательных новелл в сфере правового регулирования субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц не подвергается сомнению. Рассмотрим и проанализируем подробнее внесенные в Закон о банкротстве изменения в части процедуры рассмотрения заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве, а также исполнения судебных актов, выносимых по результатам такого рассмотрения.

На ответчика по спору о привлечении к субсидиарной ответственности возлагается обязанность представить отзыв на заявление, содержащий мотивированные возражения. В случае отсутствия данного отзыва арбитражный суд фактически перераспределяет бремя доказывания на ответчика [17].

Впервые отечественному правопорядку становится известен механизм «сделки с судом»: если номинальный руководитель сообщит суду значимую информацию о фактическом бенефициаре или его имущественной массе, суд вправе не привлекать «номинала» к субсидиарной ответственности или уменьшить ее размер [10]. В таком случае субсидиарную ответственность реальный и номинальный директора будут нести солидарно. Стоит подчеркнуть, что представляемые суду сведения не должны быть ранее обнародованы для широких масс.

Закон перераспределяет бремя доказывания на КДЛ, если именно вменяемые ему действия, обладающие признаком вины, довели организацию до состояния финансового упадка [17]. Речь идет, к примеру, о заключении или одобрении сделок, повлекших изменение юридической и/или экономической судьбы должника и причинение вреда кредиторам.

При этом Конституционный Суд РФ в постановлении от 07.02.2023 № 6-П разъяснил: когда суд разрешает вопрос совершения контролирующим лицом противоправных действий, за которыми последовало причинение вреда кредитору, он может перераспределить бремя доказывания на ответчика лишь при установлении фактов хозяйственной деятельности должника, которые кредитору, как правило, не доступны [18].

Новеллы 2017 года также затронули срок влияния на деятельность должника, увеличив его с двух до трех лет. Начало периода контроля отныне отсчитывается не с момента подачи заявления о банкротстве, а с момента наступления «объективного банкротства». Стоит подчеркнуть, что указанное положение обратной силы не имеет [9].

Категория «объективного банкротства» была выработана Верховным Судом в деле о банкротстве ООО «Каркас» [7]. Под данным состоянием высшая судебная инстанция подразумевает критический момент, когда должник вследствие снижения стоимости чистых активов оказался не способен удовлетворить требования кредиторов в полном объеме, в том числе по уплате обязательных платежей.

При этом само по себе наличие на момент совершения сделки признаков банкротства не является достаточным доказательством наличия признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества. Данный тезис подчеркивает Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 53 от 21.12.2017 [19]. Неплатежеспособность является абстрактной юридической категорией, и вывод о ее наличии находится в сфере исключительной компетенции судов (Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 29.01.2020 [6], определение Верховного Суда РФ от 28.09.2020 по делу № А23-6235/2015 [8]).

Необходимо важно соблюдать баланс между такими ценностями, как стабильность гражданского оборота и свобода экономической деятельности. Данный баланс не может быть достигнут без учета принципа «защиты бизнес – решения», в соответствии с которым суд не должен оценивать действия частного субъекта на предмет их экономической целесообразности. В противном случае это будет противоречить природе предпринимательской деятельности как осуществляемой на свой риск и направленной на систематическое получение прибыли.

Необходимо сохранять баланс между принципом свободы предпринимательской деятельности, которая является рискованной и направлена на систематическое получение прибыли, а также обеспечением устойчивости гражданского оборота. Его можно добиться лишь при условии, что суд при разрешении вопроса о привлечении к субсидиарной ответственности руководствуется концепцией «защиты делового решения». Ее сущность заключается в том, что суд не вправе проверять действия частного лица на критерий их экономической целесообразности.

В соответствии с пунктом 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 не подлежит привлечению к субсидиарной ответственности контролирующее лицо в случае, когда его действия (бездействие), повлекшие негативные последствия на стороне должника, не выходили за пределы обычного делового риска и не были направлены на нарушение прав и законных интересов гражданско-правового сообщества, объединяющего всех кредиторов [19].

Еще одним основанием освобождения от субсидиарной ответственности следует назвать экономический кризис, когда банкротство должника является следствием внешних неблагоприятных условий [12].

Исходя из вышеизложенного, среди условий признания лица в качестве контролирующего должника фигурируют следующие: период контроля деятельности организации-банкрота, сам факт осуществления непосредственного влияния на нее, доказанность вины в действиях контролирующего лица, причинная связь между ними и наступлением несостоятельности должника.

Говоря о проблематике нововведений, регулирующих субсидиарную ответственность контролирующих лиц, нельзя не отметить исполнение судебного акта о привлечении к такой ответственности. Действия участников дела о банкротстве после вынесения такого определения детально регламентированы в действующей редакции Закона о банкротстве.

Завершая в пользу кредиторов рассмотрение заявления о субсидиарной ответственности, суд выносит определение с указанием в резолютивной его части суммы, подлежащей взысканию с ответчика (п. 13 ст. 61.16 Закона о банкротстве).

Руководствуясь п. 7 ст. 61.16 Закона о банкротстве, в случае когда определить размер ответственности невозможно, суд приостанавливает разрешение спора до окончания расчетов с кредиторами или до момента рассмотрения требований кредиторов, заявленных до окончания расчетов с кредиторами. В такой ситуации суд выносит определение, в тексте которого разъясняет доказанность или недоказанность оснований привлечения к субсидиарной ответственности.

После принятия судом акта кредиторы призываются к выбору одного из перечисленных в ст. 61.17 Закона о банкротстве способов распоряжения полученным правом требования. Получив данную информацию, арбитражный управляющий представляет суду отчет о совершенном каждым кредитором выборе. Если кредитор не воспользовался предоставленным ему правом выбора, в определении указывают должника – в дальнейшем суд осуществляет процессуальную замену взыскателя.

Пункт 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 гласит, что резолютивная часть определения о привлечении к субсидиарной ответственности или об определении размера таковой содержит общую сумму, подлежащую взысканию с ответчика. В частности, сумму в пользу каждого из кредиторов, выбравших уступку кредитору части этого требования в размере требования кредитора, и в пользу должника – в оставшейся части.

После вступления в силу изменений 2017 года каждый кредитор вправе обособленно от собрания кредиторов требовать взыскания в свою пользу денежных средств с привлеченного к субсидиарной ответственности лица.

Это положение введено с целью борьбы с моделью уклонения от уплаты задолженности. Ее сущность заключалась в том, что после вынесения акта о привлечении к ответственности право требования реализовывалось по заниженной стоимости на торгах.

В соответствии с пунктом 1 статьи 61.18 Закона о банкротстве любой кредитор, имеющий часть требования о привлечении к субсидиарной ответственности, вправе требовать возбуждения исполнительного производства по этому требованию [5].

При этом данное исполнительное производство, следуя положениям статьи 34 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», признается сводным исполнительным производством. В указанном сводном исполнительном производстве взыскателями являются все кредиторы, предъявившие судебному приставу-исполнителю исполнительные документы.

Важно отметить, что в указанном случае неприменима очередность удовлетворения требований взыскателей в порядке ФЗ «Об исполнительном производстве» – руководствоваться необходимо очередностью в исполнительных листах на основании статьи 134 Закона о банкротстве.

Статьи 134–138 Закона о банкротстве предусматривают пять очередей погашения текущих требований и три очереди – для реестровых требований.

Таким образом, в настоящий момент в делах о банкротстве существует императивное регулирование очередности погашения требований кредиторов. В случае если кредиторов предыдущей очереди нет, погашаются требования следующей.

Для обеспечения исполнения арбитражным управляющим открывается специальный банковский счет должника, с которого в целях удовлетворения требований кредиторов списываются денежные средства (п. 4 ст. 61.18 Закона о банкротстве).

Прекратившая силу редакция Закона о банкротстве не позволяла рассматривать вопрос о привлечении к субсидиарной ответственности уже после прекращения дела о банкротстве и исключения организации из ЕГРЮЛ.

Однако в настоящее время представляется возможным добиться исполнения судебного акта о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности и при ликвидации должника. В таком случае суд возобновляет дело о банкротстве после пересмотра в порядке гл. 37 АПК РФ определения о завершении конкурсного производства (постановление Арбитражного суда Центрального округа от 03.06.2024 по делу № А48-5382/2019 [14], постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.06.2024 по делу № А72-5291/2023 [13]).

Если несвоевременная подача заявления кредитора была обусловлена объективными причинами (например, до этого момента были неизвестны основания привлечения бенефициара к субсидиарной ответственности), срок его предъявления в суд составляет три года.

Исходя из изложенного, современный отечественный правовой порядок признает доступным для кредиторов претендовать на удовлетворение своих требований даже после завершения конкурсного производства (пункт 11 статьи 142 Закона о банкротстве).

Значимой поправкой является возможность принятия в интересах кредиторов обеспечительных мер на любой стадии банкротства. Стоит подчеркнуть, что заявление о принятии обеспечительных мер рассматривается исключительно в состязательном процессе с вызовом сторон.

Важной поправкой 2017 года является возможность привлечения за нарушение предписаний закона к административной ответственности как саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, так и их членов. Указанные изменения должны способствовать укреплению уровня доверия к работе и системе саморегулируемых организаций.

Изменения в положительном ключе коснулись и размера стимулирующего вознаграждения арбитражных управляющих.

До вступления в силу поправок 2017 году среди последствий привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности фигурировала выплата арбитражному управляющему стимулирующего вознаграждения в размере от 3 до 7 % от реестровых требований. Конкретный процент зависел от итогового размера средств, поступивших кредиторам. В настоящее время размер стимулирующего вознаграждения значительно увеличен – арбитражному управляющему причитается 30 % от денежных средств, поступивших в конкурсную массу в связи с исполнением судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица.

Данные положения обладают мотивационным элементом, поскольку предполагается материальная заинтересованность арбитражного управляющего в удовлетворении требований кредиторов путем применения механизма субсидиарной ответственности.

Исходя из положений пункта 3 статьи 1 ГК Российской Федерации и абзаца второго пункта 10 статьи 61.11 Закона о банкротстве контролирующее должника лицо не подлежит привлечению к субсидиарной ответственности тогда, когда его действия (бездействие), повлекшие негативные последствия на стороне должника, не выходили за пределы обычного делового риска и не были направлены на нарушение прав и законных интересов кредиторов.

Таким образом, законодателем значительно увеличен размер стимулирующего вознаграждения арбитражного управляющего; конкретизирована процедура распределения между кредиторами прав требования, полученных в результате привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, и предоставление им права выбора одного из видов удовлетворения требований; введена возможность привлечения к субсидиарной ответственности КДЛ уже после исключения данного должника из ЕГРЮЛ.

Ценность новелл Закона о банкротстве 2017 года для развития современной судебной практики трудно переоценить. Именно после введения столь кардинальных изменений в российское законодательство о банкротстве институт привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц утратил номинальную роль, а стал

активно применяться судами и способствовать повышению уровня удовлетворенных требований кредиторов, оставаясь при этом, однако, исключительным и экстраординарным механизмом.

Библиографический список

1. Банкротство в России: статистические показатели за 2017 год. Федеральный ресурс : официальный сайт. – URL: <https://fedresurs.ru/news/24f5de15-1c42-470f-aa2c-13919c026cce> (дата обращения: 02.06.2024).

2. Банкротство в России: статистические показатели за 2023 год. Федеральный ресурс : официальный сайт. – URL: <https://fedresurs.ru/news/24f5de15-1c42-470f-aa2c-13919c026cce> (дата обращения: 02.06.2024).

3. Голубцов В.Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – № 48.

4. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

5. О несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

6. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 29.01.2020 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

7. Определение Верховного Суда РФ от 20.07.2017 № 309-ЭС17-1801 по делу № А50-5458/2015 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

8. Определение Верховного Суда РФ от 28.09.2020 № 310-ЭС20-7837 по делу № А23-6235/2015 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

9. Письмо Федеральной налоговой службы от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

10. Пленум о субсидиарной ответственности: революционные новеллы и перспективы их применения. – URL: <https://pravo.ru/opinions/view/146139/> – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

11. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28.08.2020 № А51-8778/2017 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.02.2020 № А41-21207/2015 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

13. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.06.2024 № Ф06-1698/2024 по делу № А72-5291/2023 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

14. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 03.06.2024 № Ф10-5236/2021 по делу № А48-5382/2019 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданина И.И. Покуля» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (в актуальной редакции) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: локальный. – Дата обновления: 09.12.2024.

17. Тюньков В.А. Правовое регулирование субсидиарной ответственности руководителя должника в процедуре банкротства // Развитие территорий. – 2019. – № 4 (18). – С. 17–19.

Степанова Мария Петровна,

*обучающаяся магистратуры Юридического факультета
ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет».*

*Научный руководитель: С.И. Куракина, к.ю.н., доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»,
г. Пермь*

«РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ АКТ»: О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В научной литературе понятие «регионального правового акта» выступает в качестве специального понятия по отношению к общему понятию «правового акта». Под правовым актом понимается «официальный письменный документ, принятый специальным правомочным субъектом (государственным органом, органом местного самоуправления, должностным лицом), имеющий обязательную силу, выражающий властные веления и направленный на регулирование общественных отношений» [7. С. 9]. Данное определение

подпадает под индивидуальный (ненормативный) подход к пониманию правового акта, поскольку представленное определение включает в себя и индивидуальные акты. В то же время нормативный подход предполагает отнесение к правовым актам только нормативных правовых актов, содержащих общеобязательные правила поведения и характеризующиеся признаком неперсонифицируемости. Согласно первому подходу правовые акты делятся на нормативные правовые акты, индивидуальные правовые акты и интерпретационные акты [9. С. 46]. В рамках настоящего исследования в силу ограниченности его объема сконцентрируемся только на нормативных правовых актах субъектов РФ.

Обратим внимание, что на законодательном уровне не представлено определение понятия «нормативный правовой акт». Данное определение содержится лишь в Постановлении Государственной Думы от 11 ноября 1996 года: «нормативный правовой акт – это письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм» [1].

Региональный правовой акт обладает всеми признаками нормативно-правового акта. Вместе с тем, можно выделить несколько отличительных особенностей регионального правового акта. Во-первых, он принимается на уровне субъекта РФ. Во-вторых, отличается спецификой территориального действия. В-третьих, принятие регионального правового акта необходимо сопровождать обязательным учетом разграничения предметов ведения.

Понятие и определение «регионального правового акта» встречаются в законах субъектов РФ. На основе анализа актов различных субъектов РФ удалось выработать *четыре ключевых подхода* к определению понятия «региональный правовой акта» на законодательном уровне субъектов РФ.

Первый подход вообще не предполагает закрепление и определение понятия региональный правовой акт. К примеру, в Пермском крае [2] определяется только система нормативных правовых актов

Пермского края. В Красноярском крае [3] представлена аналогичная ситуация. В рамках *второго подхода* законы субъектов РФ определяют лишь общее понятия правового акта и нормативного правового акта, не уделяя внимания определению регионального правового акта, но отмечая систему таких актов. Второй подход реализован, например, в Свердловской области [4]. *Третий подход* связан с четким закреплением определения именно регионального правового акта. Так, в соответствующем Законе Кемеровской области-Кузбасса [5] в ст. 2 определено, что следует понимать под нормативным правовым актом Кемеровской области-Кузбасса. *Четвертый подход* считаем максимально детализированным, поскольку он не только определяет, что из себя представляет региональный правовой акт, но и закрепляет определения каждой разновидности регионального правового акта. В частности, в Законе Краснодарского края № 7-КЗ [6] определены понятия «нормативный правовой акт Законодательного Собрания Краснодарского края», «нормативный правовой акт исполнительного органа Краснодарского края».

На наш взгляд, наличие такого количества подходов к определению понятия «региональный правовой акт» является проблемой. Допустимо, когда в научной литературе ученые выражают различные точки зрения на данное понятие, но представляется, что законодательный уровень регламентации должен отличаться четкостью и единообразием. Складывается ситуация, когда на уровне субъектов РФ вообще нет системы в рассматриваемом вопросе. Каждый субъект РФ сам решает, какие понятия ему определять: «правовой акт», «нормативный правовой акт», «региональный правовой акт». Дополнительно отметим тот факт, что в Свердловской области вообще дается определение «нормативного правового акта» в целом, которое не представлено даже на федеральном уровне. Представляется, что это своего рода выход за пределы компетенции. Отсутствие такой системы и единообразия обуславливает формирование необходимости в принятии акта, который бы регламентировал систему правовых актов субъектов РФ и фиксировал соответствующие определения. Культурно-исторические особенности каждого региона могут диктовать специфику и правового регулирования, однако,

когда речь идет о тех явлениях и правовых инструментах (понятие регионального правового акта), которые едины в своей природе, то дифференцированные подходы – это, скорее, ошибка, а не подчеркивание культурно-исторического своеобразия.

Неоднозначную правовую оценку в юридической науке получило и понятие «вид нормативно-правового акта». Наибольшую сложность представляет установление соотношения этого понятия с понятием «форма нормативно-правового акта».

А.Н. Артамонов пишет, что «под видами правовых актов принято понимать их деление на определенные однородные группы, в зависимости от тех или иных критериев, положенных в основу деления» [8, с. 80]. Такое определение представляется не совсем корректным, поскольку понятие «вид правового акта» определяется через процесс деления правовых актов на виды. Представленное определение, скорее, направлено на интерпретацию понятия «классификация». На наш взгляд, виды правовых актов следует определять как группы явлений, предметов, которым свойственны единые, устойчивые признаки, отражающие их взаимосвязь между собой, а также по отношению к родовой категории. К примеру, законы между собой объединены по некоторым общим, устойчивым для каждого из них признакам, но в то же время им свойственны признаки нормативно-правового акта в целом как родовой категории.

В литературе представлено множество вариантов подразделения правовых актов на виды. Так, нормативные акты подразделяются на законы, подзаконные акты. Среди подзаконных нормативных правовых актов выделяются общефедеральные акты, к которым, в свою очередь, относятся акты Президента РФ, Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти, иных федеральных государственных органов. Виды региональных правовых актов закрепляются на законодательном уровне субъектов РФ. Например, в Уставе Пермского края в ст. 29 зафиксированы следующие виды нормативных правовых актов: Устав Пермского края, законы Пермского края, указы губернатора Пермского края, постановления Правительства Пермского края, нормативные правовые акты органов исполнительной власти Пермского края.

Таким образом, исходя из анализа законов субъектов РФ, можно выделить четыре ключевых подхода к регламентации регионального правового акта. Обосновано, что региональный правовой акт обладает единой сущностью, устойчивым набором признаков, а значит, различие региональных подходов по этому вопросу, свидетельствует о бессистемности, разрозненности правового регулирования и необходимости формирования унифицированного подхода. Понятие «формы» следует считать одним из классификационных оснований для выделения различных «видов» правовых актов. Таким образом, различные по своей форме нормативные правовые акты субъектов РФ – это тоже виды нормативных правовых актов.

Библиографический список

1. Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации: Постановление ГД ФС РФ от 11.11.1996 № 781-П ГД // СЗ РФ. 02.12.1996. № 49. Ст. 5506.

2. Устав Пермского края от 27.04.2007 года № 32-ПК (ред. от 07.06.2021) // СЗ Пермского края. 10.05.2007 – № 5.

3. Устав Красноярского края от 5 июня 2008 года № 5-1777. Доступ из информационной правовой системы «Гарант». URL: https://constitution.garant.ru/region/ustav_krasnoyar/ (дата обращения: 09.12.2024).

4. О правовых актах в Свердловской области: Закон Свердловской области от 10.03.1999 года № 4-ОЗ. Доступ из справочной правовой системы «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/801105688?ysclid=m4guyliajf872100525> (дата обращения: 09.12.2024).

5. О нормативных правовых актах Кемеровской области – Кузбасса: Закон от 04.09.2023 года № 67-ОЗ. Доступ из справочной правовой системы «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/406804093?ysclid=m4gv1zsrzb885012533> (дата обращения: 09.12.2024).

6. О правотворчестве и нормативных правовых актах Краснодарского края: Закон Краснодарского края от 06.06.1995 года № 7-КЗ. Доступ из справочной правовой системы «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/461607123> (дата обращения: 09.12.2024).

7. Артамонов А.Н. Правовые акты в Российской Федерации: учебное пособие. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2018. – С. 9.

8. Артамонов А.Н. О видах и формах нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2021. – № 2. – С. 80.

9. Чертова Н.А., Ершова И.В. Теория государства и права: учебное пособие. Архангельск: САФУ, 2021. – С. 46.

СОДЕРЖАНИЕ

Камалова Г.Г. Юридическая ответственность в сфере искусственного интеллекта	3
Ходырева Е.А. Правовая природа ответственности наследников по налоговым обязательствам	11
Бигуненко А.И. Процессуальное сотрудничество суда и сторон при установлении обстоятельств по гражданскому делу	18
Корнеева М.А., Пономарев И.И. Астрент как мера ответственности.....	26
Осипова А.Ю. Привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц: некоторые проблемы и тенденции развития.....	31
Тихомирова К.Ю., Симаков К.А. Отдельные вопросы изъятия земельных участков, которые не используются по целевому назначению (ст. 284 ГК РФ)	37
Чернецова Э.Н. Роль нотариата в исполнительном производстве	46
Гафурова Э.Р. К вопросу о преемственности в развитии современной государственности.....	52
Кротова Л.А. Реализация уголовной и административной ответственности: некоторые вопросы межотраслевого согласования	57
Мокшина М.А. Ответственность представительного органа муниципального образования перед государством: вопросы теории и практики	63
Невострюев А.Г. Об электронном правосудии в гражданском процессе: дискуссионные вопросы	72
Решетнева Т.В. К вопросу о сатисфакции как форме политической ответственности государств в международном праве	79
Сегал О.А., Трищенко А.А. Обеспечение нотариальной тайны....	90
Стяжкина С.А. Вопросы квалификации действий соучастников при эксцессе исполнителя.....	97

Туров С.Ю. Правовой казус в контексте ответственности лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости.....	102
Фетищева Л.М. Системно-деятельностный подход в криминалистической методике расследования коррупционных преступлений, совершённых сотрудниками УИС России	109
Хомяков Э.Г. Ответственность судебного эксперта за заведомо ложное заключение	115
Шайхутдинова Н.П. Ответственность работодателя при признании гражданско-правового договора трудовым.....	120
Клинцов А.Б. Правовые вопросы государственного принуждения в бюджетной сфере.....	125
Лушников П.В. Ответственность коллективных субъектов права..	133
Соболев С.В. Организация и планирование производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего.....	143
Трищенко А.А. Позитивная ответственность участников залоговых правоотношений.....	152
Брахим Х. Проблемы защиты прав потребителей в сфере электронной рекламы по законодательству Российской Федерации и Королевства Марокко	160
Белокрылова Е.В. Проблемы реализации защиты прав детей в Российской Федерации	166
Бикеева Ш.В. Правовая природа субсидиарной ответственности в банкротстве и статус контролирующего должника лица: анализ законодательных положений и практики их применения	170
Бикеева Ш.В. Особенности процедуры привлечения к субсидиарной ответственности и исполнения судебных актов в делах о банкротстве: анализ законодательных положений и практики их применения	179
Степанова М.П. «Региональный правовой акт»: о некоторых проблемных аспектах определения	190

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Сборник статей

Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием, посвящённой памяти основателя
юридического образования в Удмуртской Республике,
доктора юридических наук, профессора В.В. Овсиенко

Авторская редакция

Макет и компьютерная верстка: И.А. Бусоргина

Подписано в печать 30.04.2025. Формат 60х84 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 11,49. Уч. изд. л. 8,62.

Тираж 27 экз. Заказ № 744.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4Б, каб. 021
Тел.: + 7 (3412) 916-364, E-mail: editorial@udsu.ru

Типография Издательского центра
«Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18